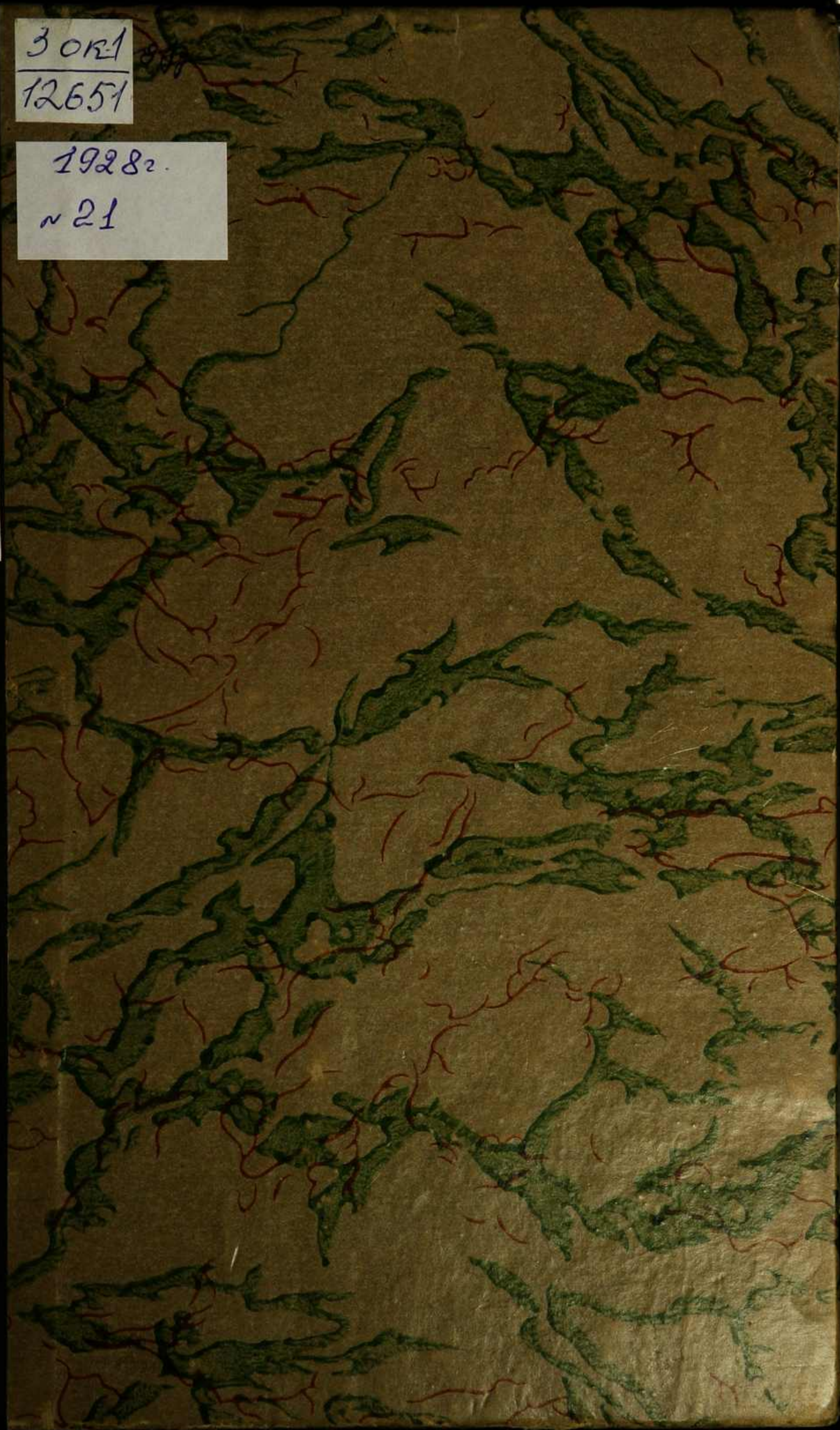


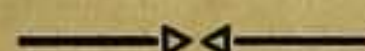
1928 г. **№ 21.**

ПРАЦЫ

Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсытэту ў Менску.

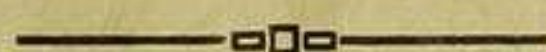
ТРУДЫ

Белорусского Государственного Университета в г. Минске.



LES ANNALES

de l'Université de la Blanche-Ruthénie.



1. ФАКУЛЬТЭТ ПРАВА І ГАСПАДАРКІ.

Выданьне Праўленьня Б. Д. У.
Менск—1928

Райлит № 16. (Тираж 700 экз.)

Борисов, тип. Комбината № 808.

Проф. С. Я. Вольфсон.

Матриархат и марксистская генеономия [1]

Материнское право образует одну из важнейших генеономических проблем. Если до Иоганна—Якоба Бахофена эта проблема вовсе и не существовала, то за Бахофеном надлежит признать выдающуюся заслугу, ее постановки (конечно, лишь *постановки*, а не *решения*, как одно время думали).

В чем эта заслуга?

Своей классической работой „Материнское право", вышедшей в 1861 году, великий швейцарский ученый приподнял завесу над одним явлением из жизни первобытного человечества, которое оставалось вне всякого внимания науки, несмотря на то, что следы этого явления сохранились на протяжении тысячелетий.

Подвергнув острой критической оценке огромный мифологический материал античности, Бахофен открыл в истории первобытного человечества целую эпоху такого взаимоотношения полов, которое шло в разрез с традиционными взглядами, насчитывавшими тысячелетия. Бахофен открыл в далеком прошлом эпоху социального приоритета женщины по отношению к мужчине: эпоху материнского права (матриархат), в своем завершенном виде приводящего к господству женщины (гинекократия).

Социология имеет своих Колумбов, Бахофен был Колумбом матриархата. Но этот, им открытый социальный институт потребовал и своего Америго Веспуччи, Бахофен им, конечно, не был. Он не дал достаточно исчерпывающей характеристики этого института, и тем более не вскрыл причин, обусловивших его нарождение.

Со времени Бахофена стало очевидным, что матриархат—это не историческая басня про амазонок, это не один из тех курьезов женовластия, о которых повествовали еще Геродот, Страбон, Дионисий, а что это социальный факт, имеющий исключительное значение для понимания всего исторического прошлого.

И факт этот ни в малой мере не был поколеблен попытками отдельных исследователей семьи вроде Старке или Вестермарка, хотевших показать, что человечество до матриархата знало уж отцовское право. Утверждения, допускаемые еще долго спустя после Бахофена отдельными историками культуры, как например, Шурцем, что „Мужчина... всегда был вождем семьи и других групп человечества" [2]—в наше время являются псевдо-научными архаизмами. Действительность, опирающаяся на множество археологических и этнографических достижений, вооруженная рядом веских социологических доказательств, эти архаизмы уж давно вывела за пределы науки...

---

[1]) Глава из работы „Социология семьи" (Очерки марксистской генеономии).

[2]) Г. Шурц. История первобытной культуры. Пер. Пименовой и Негрескул. Изд. Острогорского СПБ1 910. Стр. 134.

Подобные архаизмы покоются на характерной для „биологизирующих“ общественную жизнь ученых, не умеющих сделать скачка от „Дарвина к Марксу“, предпосылке. Они исходят из утверждения, что самец биологически выше самки и что поэтому вполне „естественно“ и „закономерно“ преобладание мужчины над женщиной на всем протяжении человеческой истории. Отступления же от этого правила являются, по характерному выражению Герберта Спенсера лишь „аномалиями“.

Факт, установленный Бахофеном, заключался в том, что на определенной ступени этого прошлого, родословная человечества шла по женской линии, что на этой ступени происхождение людей устанавливалось исключительно по отношению к матери.

Матриархат рассматривался Бахофеном, как изначальная форма социальных взаимоотношений полов,—форма естественно присущая эпохе беспорядочного полового общения (промисквитета), с которой начинается история человечества. Естественно, что при хаосе половых общений может быть установлен лишь факт материнства, отцовство при промисквитете „не существует“. „Материнское право“,—говорит Бахофен,—„поскольку оно устанавливает лишь одностороннее происхождение ребенка со стороны матери, является естественным правом“.

Женщина на первых ступенях человеческой истории—естественная и единственная родоначальница, как таковая, как „производительница рода“, она вызывает к себе определенное уважение, создающее ей с течением времени привиллегированное положение. Последнее, в конце концов, приводит даже к установлению ее власти. Женовластие (гинекократия)—конечный результат естественно возникающего у промисквитетно живущего первобытного человечества матриархата.

Эта основанная на смелом и остроумном анализе огромного мифологического материала концепция, пользовавшаяся широким признанием на протяжении, свыше чем трех десятилетий, не выдержала, однако, критической проверки, которой она начала подвергаться с тех пор, как социология обратившись к современным дикарям,—этим по слову Энгельса „социальным ископаемым“—, занялась исследованием открытого Бахофеном явления. И если в наше время самый факт матриархата принадлежит к числу несомненных и никем неоспариваемых явлений, то понимание этого явления лежит за пределами Бахофеновой гипотезы. Как бы различны и часто противоречивы по отношению друг к другу ни были современные теории матриархата, не подлежит сомнению одно: решение вопроса—не там, где, как думалось Бахофену, он его нашел.

Как во всей генеономии, так и в проблеме матриархата, (быть может даже особенно в области матриархата) есть еще много неизученного, неисследованного, непонятного, иногда даже загадочного. Но многое из того, что было таковым 50-30 даже десять лет назад, теперь изучено, и из области загадочного перешло в область познанного наукой. И познано это наукой, в значительной степени поскольку она исследовала огромный, несистематизированный, часто ненадежный этнографический материал, пользуясь историко-материалистическим методом. Идеализм беспомощно топчется перед загадкой матриархата, и высказывания его приверженцев отбрасывают нас назад к Бахофену, относительно которого Энгельс заметил, что его в высшей степени значительные открытия почти всегда до невероятия мистифицируются его фантазией. За новейшими идеалистическими толкователями матриархата не числится великих открытий, но мистифицирующая сила фантазии дает себя чувствовать во всех их построениях.

Материализм же медленно, но уверенно продвигается вперед,

превращая вчера еще гипотетическое построение в сегодня установленный наукой факт. И если вокруг проблемы матриархата состязается еще достаточное количество конкурирующих гипотез, то все же у нас нет сомнений, что эти гипотезы найдут свое решение лишь на твердой почве исторического материализма.

Отправным пунктом рассуждений ряда исследователей матриархата, в первую очередь Мак-Леннана была невозможность установления отцовства в условиях того полового хаоса, который характеризует собою первую ступень жизни первобытного человечества.

На этой ступени культуры возможность установить факт отцовства парализуется безграничной хаотичностью половых отношений.

Мак-Леннан и солидарные с ним исследователи матриархата исходили однако, не только из этой, так сказать, биологической детерминированности „отсутствия“ отца. В их глазах решающим был тот факт, что первобытный человек—homo infans—не в состоянии уловить причинной зависимости между фактом полового сближения мужчины с женщиной и отдаленным от него девятимесячным расстоянием рождением нового существа.

„Признаком родства для первобытного человека служило исключительно, тождество крови. А так как представление о таком тождестве сложилось у него из отношений матери к ребенку, то последние и казались ему единственными способными создать истинное и естественное родство... союз матери и ребенка—единственный, с которым первобытный человек связывает понятие о родстве“[1]). Это утверждение известного историка культуры Юлия Липперта с теми или иными вариациями мы встречаем у преобладающего большинства исследователей матриархата на протяжении от 70-х годов XIX до десятых годов XX века. „Естественные явления с такой очевидностью и ясностью приводят первобытного человека к матери, как единственному источнику молодой крови и молодой жизни“,—писал тот же Липперт в другой своей работе,—„что народная физиология, находящаяся в младенчестве, неизбежно должна была притти к положению: ребенок происходит из крови матери.“...[2])

„Та роль, которую играет женщина в воспроизведении потомства“,—пишет Фрезер—„очевидна для чувств и не может не чувствоваться даже животными. Но роль, которую играет отец, менее очевидна и является скорее предметом умозаключения, чем наблюдения. И в самом деле, как мог детский ум первобытного дикаря понять, что ребенок, который выходит из чрева, есть плод семени, которое было посеяно в это чрево еще за целых девять долгих месяцев пред тем... А какая теория могла ему казаться более очевидным образом навеянной фактами, чем та, по которой дитя входит в матку своей матери в тот самый момент, когда она впервые чувствует движение плода в ней? Как мог он думать, что ребенок был в ней задолго раньше перед тем, как она почувствовала это? С его невежественной точки зрения подобное предположение могло бы вполне показаться неразумным и нелепым“.[3])

---

[1]) Юлий Липперт. История культуры в отд. очерках. Пер. под ред. Коробчевского СПБ. 1902. Стр. 187.

[2]) Ю. Липперт. История семьи. Пер. Н. Шатерникова. СПБ 1897. Стр. 8.

[3]) I. G. Frazer-Totemism and Exogamy. Цитирую по Тахтареву. Сравнит. история развития человеческого общества. Ч. 1. Стр. 151-2.

Из новейших исследователей брака, ищущих предпосылок возникновения матриархата в чуждом каузальной логичности примитивном мышлении первобытного человека, можно назвать Шидлофа, подчеркивающего, что и ныне еще многие австралийские племена, в Квисленде например, не считают, что зачатие происходит благодаря сношению с мужчиной, а уверены, что это результат прикосновения духа, птицы и т. д., и что следовательно производство ребенка зависит лишь от женщины.[1])

О том же свидетельствует в своем недавно вышедшем труде и Фердинанд Рейтценштейн, утверждающий, что „в первобытные времена человек не имел ни малейшего представления о том, что присутствие мужчины является неминуемой причиной беременности. Он был уверен, что одно и другое не связаны между собой“[2]).

Согласно указаниям Коллера, Фрезера, Клаадша и других, первобытная женщина часто считает, что ребенок „входит“ в ее недра в тот момент, когда она впервые почувствует внутри себя движение нового существа. Это „вхождение“ связывается ею со всем, что угодно: влиянием какого нибудь животного, ветра, солнца, могучего духа, демона, который незаметно коснулся ее, но отнюдь не ставится в связь с имевшим место 4-5 месяцев назад половым актом...

Те факты, которыми мы располагаем в настоящее время касательно первобытного человечества, не позволяют, однако, выводить генезис матриархата из примитивного логического мышления дикаря с той категоричностью, какую допускают цитированные выше и другие многочисленные исследователи.

Если бы основной предпосылкой появления материнского права было неуменье первобытного человека уловить причинную связь меж половым сближением и родами, то материнское право должно было-б исчезнуть (в крайнем случае сохраниться лишь в виде пережитка) после отпадения этой предпосылки, т. е. с появлением понимания действительной причины рождения нового существа.

Действительность же говорит о совершенно ином.

Отцовство небезызвестно многим животным видам, находящимся на более низкой ступени интеллектуального развития, нежели человек даже самых ранних исторических фаз. Самец часто чувствует себя отцом детеныша в такой же мере, как самка—матерью. У Летурно, Эспинаса, Брема, Сузерланда, у целого ряда естествоиспытателей мы встречаем многочисленные рассказы о том, как сильно иногда проявляется чувство отцовства у различных видов животных, начиная птицами, кончая слонами. Если так, то у нас нет оснований быть уверенным, что первобытному человеку было совершенно чуждо понимание отцовства. Тем более, что этот человек очень близко соприкасался со всем животным миром и внимательно наблюдал происходящее в нем. У многих же животных рождение отделено от зачатия более кратким промежутком времени, нежели у человека и потому причинная связь между ними легче устанавливается.

М. М. Ковалевский, проявивший значительный скепсис по отношению к утверждению, что понимание отцовства недоступно первобытному человеку, указывал, вслед за Мэном, что нередкое сходство детей с отцами должно было наводить на мысль о непосредственном их участии в акте рождения. Очень существенен и тот факт, что

[1]) См. B. Schidlof. Liebe und Ehe bei den Naturvölkern. Berlin—Schöneberg. Ostergard. 1925. S. 193.

[2]) Ferd. von Reitzenstein. Das Weib bei den Naturvölkern. Berlin. Neufeld und Hennius. 1923. S. 5.

многие первобытные племена дают неоспоримые доказательства своему пониманию роли отца в появлении ребенка. Так, например, у кейязов женщина старается сблизиться с тем мужчиной, которого она считает более храбрым и более умным, дабы и ее сын был таким же храбрым и таким же умным... То же явление имеет место у африканского племени банту. Последнее обстоятельство тем более заслуживает внимания, что у банту до последнего времени сохранилась гинекократия.

В подтверждение того, что материнское право отнюдь не обусловлено отсутствием для первобытного человека отца-производителя ребенка можно было бы сослаться также на следующий важный факт, приводимый Бахофеном в его „Антикварных письмах". Среди наиров, живущих в северном Малабаре происхождение по отцу ведется с совершенной точностью, каждый ребенок хорошо знает своего отца, но тем не менее у них господствует материнское право, и наследство умершего переходит не к его детям, а к детям его сестры.[1]) По свидетельству Лотара Даргуна у многих народов материнское право связано со строжайшими карами за нарушение супружеской верности.[2]) Очень убедителен также и пример Египта, где при моногамии дети получали имя матери. Здесь приоритета матери уж во всяком случае не об'яснить безвестностью отца...

Все это позволяет нам солидаризоваться с М. М. Ковалевским, заявившим, что он считает нужным „отказаться вполне от аргументации, которая отправляется от недоказанного факта полнейшего игнорирования древнейшими обществами физиологической связи, которая существует между отцом и родившимся от него ребенком".[3]) Тем паче, когда помощью этого „недоказанного факта" пытаются об'яснить возникновение такого важнейшего общественного института, каким является матриархат.

Пытаясь об'яснить генезис матриархата, мы должны исходить из того, прочно установленного уже факта, что материнское право представляет собою некий исторический эпизод, т. е., что оно характерно для определенной полосы социального прошлого человечества.

Матриархату предшествовали иные формы социальных отношений полов и он, в свою очередь, должен был отступить перед натиском каких то новых форм этих отношений,—сохранившись в последующие эпохи лишь как пережиток уж отжившего свой век общественного института.

Вот почему мы ровно ничего не уясним себе в генезисе матриархата, если по примеру основателя пользующейся теперь в части западной литературы значительным кредитом теории „культурных кругов" (культурной морфологии) франкфуртского профессора Лео Фробениуса, станем смотреть на матриархат как на некий самодовлеющий тип человеческой культуры, подчиненный законам любого организма: рождению, созреванию и смерти (на языке Фробениуса предполярная, полярная и послеполярная фазы). Теория Фробениуса— генеономическое шпенглерианство. Фробениус утверждает, что в определенные эпохи матриархат и патриархат возникли независимо

---

[1]) См. Bachofen. Antiquarische Briefe. S. 249.

[2]) D-r Lothar Dargun. Mutterrecht und Raubehe. Breslau Verl. von Wilh. Koebner. 1883. S. 20.

[3]) Проф. Максим Ковалевский. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. Изд. Брокгауз-Ефрон СПБ 1905. Вып. I. Стр. 104.

Впоследствии Ковалевский, повидимому, несколько изменил свой взгляд по этому вопросу. Об этом, по крайней мере, свидетельствует высказанное им во II томе „Социологии" согласие с Гроссе, говорящим, что первобытному человеку была доступна только устанавливаемая пуповиной филиация.

один от другого. На соответствующих территориях, которые были ими охвачены, они определяли собою весь характер и строй культуры. Патриархат и матриархат противостоят таким образом друг другу, как два изначальных типа человеческой культуры, из которых первый характеризуется исканием, движением, стремлением к распространению, склонностью к новому, высокой степенью центробежности, второй— медлительностью, нерешительностью, впитыванием в себя окружающего, самоограничением, высокой степенью центростремительности.

Распространение культуры ознаменовалось распадением мировой территории на две основных области, одна из которых сделалась об'ектом патриархата, другая же—матриархата. „Великие степные пространства Центральной Азии, Восточной Европы и Центральной Африки стали родиной центробежной культуры и тем самым—патриархата. Побережье же Средиземного моря и (в направлении Востока) южной Азии стали ареной центростремительной культуры и тем самым матриархата“[1]). Если предполярная фаза жизни человечества строила отношения полов исключительно на животном принципе, не зная таким образом ни материнского, ни отцовского права, то пришедшая ей на смену полярная фаза имеет всем своим содержанием именно противостояние этих двух институтов.

Так один из наиболее авторитетных представителей современной идеалистической генеономии пытается обосновать происхождение и эволюцию материнского права метафизическим противоставлением друг другу в качестве самодовлеющих категорий „чувственного и центростремительного“ матриархата и „сверхчувственного и центробежного“ патриархата.

Не более убедительна и та точка зрения, которую пытаются установить по отношению к матриархату Матильда и Матиас Вертинги—авторы оказавшей заметное влияние на новейшую генеономическую литературу „теории маятника“. Теория маятника, или как ее еще иначе называют теория волнообразного движения, утверждает, что на протяжении всего пережитого человечеством прошлого, эпохи мужского и женского господства поочередно сменяли одна другую. Маятник истории непрестанно совершает движение от вершины власти одного пола к вершине власти другого пола, при этом он иногда задерживается в положении равновесия—то полосы равноправия полов. Господство каждого пола гибнет вследствие злоупотребления с его стороны властью. Гегемония пола превращается в абсолютизм, сила приводит к насилиям и это обуславливает ее падение. Пол, которому принадлежит власть, логически и последовательно старается ее максимально распространить и укрепить. Эта тенденция в конечном счете приводит к обратным результатам.

Отношение властвования, установившееся между полами, изменяется, по мнению Вертингов, не под влиянием каких нибудь внешних факторов, а в результате слишком энергичного пользования властью со стороны того пола, который ею обладает—здесь сказывается „психический закон действия и противодействия“. Как же и в чем проявляется этот закон? „Как правило, гнет со стороны господствующего пола в первую фазу его господства рождает подчинение. Это подчинение приводит господствующих к постоянно возобновляемому усилению их гнета. Таким образом, наконец, наступает момент, когда этот гнет становится столь сильным, что он начинает вместо подчинения рождать сопротивление. Достигнув своего высшего пункта, маятник

[1]) Leo Frobenius. Ehe und Mutterrecht. Das Ehe—Buch. Herausgegeben von Graf Hermann Kayserding Celle 1926 S. 78.

власти одного пола начинает не только изменять свое движение, но и падать вниз. Каждое давление со стороны господствующего пола вызывает у подчиненного пола наряду с подчинением и сопротивление, борьбу с чужой властью, борьбу за завоевание власти. До тех пор, пока маятник мужского господства совершает еще движение вверх, подчиненный пол реагирует на возрастающую власть мужчин усиливающейся тенденцией к подчинению. Когда дуга описана и власть переродилась в абсолютизм, тогда маятник возвращается."[1])

Не приходится, конечно, говорить о том, что решение проблемы не в априорно и насквозь метафизических построениях Фробениуса и не в абстрактно-логических конструкциях Вертингов. В том и другом мы имеем дело с той самой „мистифицирующей силой фантазии", которую Энгельс бичевал у Бахофена.

Матриархат можно понять лишь как такое явление, которое было обусловлено всей динамикой социального развития определенной исторической эпохи и которое той же динамикой было в другую эпоху аннулировано. Нам надо уяснить себе, на каких ступенях человеческой истории и в силу каких причин возник матриархат, что ему предшествовало и что за ним последовало.

Ставя этот вопрос, мы должны предварительно до ответа на его уяснить, что представляет собою матриархат, каковы его отличительные черты и типические признаки. Переходя к этим признакам, я хочу лишь оговориться, что все они имеются в наличии только у целиком развернувшейся матриархальной системы, т. е., что весь комплекс этих признаков может отыскиваться нами исключительно в эпоху господства матриархата, становящегося т. о. гинекократией. Но уж задолго до установления этого господства выявляются отдельные элементы начинающего окристализовываться матриархата, они постепенно увеличиваютс.., примыкают один к другому и, наконец, отливаются в цельную систему. Точно также, долго спустя после крушения матриархата мы встречаем в жизни народов, в их быту, нравах и обычаях многочисленные его пережитки—отдельные до поры до времени хранимые традицией элементы распавшейся системы.

Предложенная Вертингами теория матриархата представляет собою типично-идеалистическую конструкцию. В этой конструкции с устанавливаемыми ею закономерными колебаниями „маятника" власти полов нельзя ровно ничего понять, если не поставить этих колебаний в зависимость от „божественной воли" или „мировой гармонии". Лишь аппелируя к этим „сущностям" можно об'яснить почему вертинговский „маятник" описывает свои кривые. Но несмотря на свои измышления, Вертинги оказали генеономической науке огромную услугу: она—в проделанной ими систематизации признаков, характеризующих матриархат, и в высоко-остроумном сопоставлении этих признаков с типическими чертами эпохи господства мужчин. В этом отношении их работа может нам многим помочь.

Матриархат дает женщине приоритет по всем направлениям общественной жизни. Привиллегированное положение женщины проявляется в хозяйстве организатором которого она является[2]); в сексу-

[1]) D-r M. Vaerting. Männerstaat und Frauenstaat. Karlsruhe G. Braunsche—Verlag. Karlsruhe. 1921. S. 167.

[2]) Характерно, что Вертинги этот признак—хозяйственную гегемонию женщины при матриархате „опускают", проходя мимо него. И потому они появление женского господства и его исчезновение бессильны об'яснить чем либо другим, как ритмическими (мировая гармония!...) колебаниями исторического маятника. Это игнорирование признака, обусловившего собою весь матриархат, весьма показательно для идеалистической генеономии.

альной области, где она выступает как активный и руководящий партнер в любви и браке, в семейной области, где она возглавляет всю семейную организацию; оно сказывается в ее правовом положении и политической роли, оно влияет на эстетические вкусы общества, его нравственные воззрения и религиозный культ.

Мерила ценностей, устанавливаемые во всех этих областях— полярны при господстве женщины и власти мужчины. Быт, нравы, традиции матриархальной эпохи—полюса эпохи патриархальной. Здесь по всей линии: Vernunft wird Unsinn, Wohlthat—Plage

Обратимся к более подробному рассмотрению характеризующего матриархат приоритета женщины в различных областях.

1. *Хозяйство.* При развернутом матриархате женщина выступает, как основной хозяйствующий суб‘ект, она является организатором и руководителем хозяйственной жизни, мужчина же играет в ней второстепенную, подсобную роль. „Жена“—говорит Шурц о матриархальной семье,—„имеет свой собственный дом, ведет свое хозяйство, и мужчина является лишь как сотоварищ за трапезой, для которой он сделал свой вклад охотничьей добычи“[1]).

Тот же автор характеризует, как типичное, такое положение, при котором каждая женщина племени имеет свой отдельный дом, в котором она является центром хозяйства. Мужчина вносит в это хозяйство лишь свой пай, форма и содержание которого меняются в зависимости от эпохи[2]).

Нередко на долю мужчины выпадают здесь те, впоследствии ставшие специфически-женскими и потому часто считающиеся извечно-женскими функции, круг которых очерчивается распространенным термином „домашнее хозяйство“. Так мы читаем у Герберта Спенсера, что у бечуаров, каффров, дамеров и утанатасов Новой Гвинеи хижины строятся женщинами; они иногда занимаются и рубкой леса. На Яве и в Анголе женщины руководят всей торговлей. Мужчины же у короодасов и на острове Самоа выполняют кухонные обязанности, а в Анголе занимаются прядением и тканием, в Абиссинии—стиркой[3]).

В последней работе Кунова, посвященной истории хозяйственного быта, так же приводятся многочисленные данные, свидетельствующие о главенствующей роли женщины в хозяйстве папуасов, полинезийцев и других племен, в то время, как мужчина в этом хозяйстве сведен на положение малозначущего придатка[4]). „При материнском праве“,— говорит Пауль Крише—автор обстоятельной, недавно вышедшей монографии „Загадка материнско-правового общества“,—женщина исполняет дела вне дома, в то время как на мужчину падает домашнее хозяйство и забота о семье[5].)

У племени байяка в Конго отец часто является нянькой ребенка.[6]). Как об этом свидетельствует Альберт Фриденталь, у древних египтян на мужчину также падали заботы о вскармливании и выращивании младенцев. Еще к началу Серединного царства на некоторых высших придворных чиновников Египта возлагались эти заботы

[1]) Г. Шурц. История первобытной культуры. Изд. Острогорского СПБ. 1910. Стр. 176.
[2]) Г. Шурц. Op. cit. Стр. 341.
[3]) См. Г. Спенсер. Основания социологии. Изд. Сытина. Ч. II. СПБ. 1908. Стр. 82.
[4]) Heinrich Cunow. Allgemeine Wirtschaftsgeschichte. Berlin Verl. Dietz. 1926. Band I. Kapitel 12, 13, 15 u. a.
[5]) Paul Krische. Das Rätsel der Mutterrechtsgesellschaft. München. Verl. Georg Müller 1927. S. 33.
[6]) Ibidem. S. 38.

по отношению к принцам и принцессам, при чем эти чиновники носили титулы „кормилиц“. По сообщению Эрмана, князь Эль-Каб был кормилицей принца Уадма; любовники царицы Хнемтонун—„кормилицей“ принцессы Ранофры и т. д. Вопреки мнению Эрмана, считавшего, что здесь речь идет о почетных титулах, Вертинги показывают, что „кормилицы“ эти действительно несли обязанности по вскармливанию и выращиванию порученных их воспитанию младенцев[1]).

Крише показывает, как универсальна хозяйственная деятельность женщины у земледельческих индийцев Северной Америки, малайцев, микронезийцев и новозеландцев. Здесь женщина повсюду выступает, как главная производительница материальных ценностей: она сеет, занимается посадкой, ухаживает за растениями, жнет, прядет и ткет, плетет цыновки, изготовляет горшки и т. д.[2]) У ирокезов земледелием занимались исключительно женщины, которым принадлежало право неограниченного распоряжения продуктами сельского хозяйства и руководство домашним хозяйством. Мужчина почти всегда находился на охоте и рыбной ловле[3]). Исследования, недавно произведенные англичанкой Janet Mac Govern на острове Формозе, показали, что женщина там является единственным земледельцем, помощью своей примитивной, неуклюжей мотыки, разводящим пшеницу, картофель и табак. Она умеет также изготовлять вина и является монопольным владельцем всех предметов питания и потребления[4]). В то же время руководящая хозяйством женщина считает часто недостойным ее пола выполнение таких домашних работ, как, например, шитье белья, стирка его и т. д., у наммалов эти обязанности поручались исключительно мужчинам[5]).

Таким образом при развернутом матриархате хозяйственная гегемония принадлежит женщине. Гегемоном она выступает и в других областях.

2. *Сексуальные отношения.* Матриархат устанавливает для женщины несравненно большую сексуальную свободу, нежели для мужчины. Здесь мы стоим пред явлением, представляющим собою изнанку того, что имеет место при господстве мужчины.

„Девушка, оставшаяся девственной“,—говорит португалец Барбоза о наирах—„не будет по ее мнению допущена в рай.“ „Женщины рода Иманан“, рассказывает Поль Лафарг, „славятся своей красотой и талантами. Когда они устраивают концерт, мужчины стекаются со всех сторон, разукрашенные, как страусы. Женщины берберийских племен поют каждый вечер под аккомпанимент rebâza (скрипка) и занимаются импровизацией; посреди пустыни они воскрешают cours d'amour Прованса. Замужняя женщина пользуется тем большим уважением, чем больше друзей она имеет среди мужчин“...[6])

У кавказских народностей—пшавов и хевсуров за девушками признается по свидетельству М. М. Ковалевского право выбирать себе любовников и покровителей—так называемых „цацалов“.[7])

---

1) Vaerting. Op. cit. S. 41.

2) Krische Op. cit. S. 38.

3) Krische Op. cit. S. 44.

4) Janet B. M. Mac Govern. Unter den Kopfjägern auf Formosa. Stuttgart. 1923. Verl. von Stroëker und Schröder. S. 68.

5) Об этом неоднократно сообщает Мейнер Op. cit.

6) Поль Лафарг. Очерки по истории культуры. Пер. под ред. С. Шевердина. Изд. „Московский Рабочий“ М. 1926. Стр. 16.

7) М. М. Ковалевский. Op. cit. Стр. 26.

У камчадалов, по сообщению Майнерса, лучшей рекомендацией для девушки служит наибольшее количество любовников.

Чем значительнее это количество, чем больше она имеет доказательств искушенности в вопросах любви, тем больше у камчадальской девушки шансов вступить в выгодный брак. Тот же исследователь указывает, что на Марианских островах нарушение супружеской верности со стороны мужчины жестоко карается, в то время, когда женщинам предоставляется пренебрегать этой верностью совершенно безнаказанно.

Вообще же двойственная мораль характерна, по указанию Вертингов, для матриархата в той же мере, как и для эпох господства мужчины—с той лишь разницей, что в качестве привиллегированной стороны выступает то один, то другой пол. У ирокезов, напр., холостые мужчины подчиняются строжайшей сексуальной дисциплине; они не имеют право публично говорить с девушками, они женятся не по собственному желанию, а по решению матери и т. д. Девушки-же от этих ограничительных норм свободны[1]).

Следует вспомнить и про полиандрию (многомужество), в подавляющем большинстве случаев сопутствующую матриархату, в то время, когда господство мужчины порождает полигинию (многоженство)—явное или завуалированное. Вертинги обращают внимание и на любопытнейший факт существования у принцесс многих негритиянских племен мужских гаремов. Эти гаремы подчинены тем же правилам и нравам, что женские гаремы у восточных деспотов. Ни один подданный негритиянской принцессы, которого осчастливил выбор его госпожи, не имеет права перечить ей. Мужчины—обитатели гаремов строжайшим образом охраняются от всего внешнего мира старыми женщинами. Под их же стражей они выходят на улицу и т. д.[2])

При матриархате женщина выступает как активная сторона в любви и браке. Она проявляет в этом отношении инициативу, выступает с предложениями, от нее исходит сватовство и т. д. Екель подчеркивает, что у многих первобытных народов право выбора супруга принадлежит женщине. У гаров, по сообщению Вестермарка, исключительно женщина могла выступать в качестве сватающейся стороны—сватовство, предпринимаемое мужчиной, встречало осуждение как бестыдное действие. Легенда о жене Потифара—соблазнительнице прекрасного Иосифа,—не фантастический вымысел, а отражение действительности. Для матриархата Иосиф—соблазняемый типичен. Иосиф же соблазнитель, навлек бы на себя не только осуждение, но и кару. Такова—же и другая известная легенда о супруге аргосского царя Протуса Стенобее, которая пыталась соблазнить сына коренфийского царя Белерофонта и не добилась, однако, своей цели.

Жена была активной стороной не только в завязывании брачных отношений, но и в их развязывании. В Египте, например, в брачных договорах фиксировалось право жены расторгнуть брак, если она возненавидит своего супруга или полюбит другого больше, нежели его. Вертинги называют также племена балондов, ирокезов, кантабров, кондов и др., у которых в эпоху матриархата право расторжения брака принадлежало исключительно жене[3]).

Верность мужа жене обеспечивалась и после ее смерти—подобно тому, как обратное явление имеет место у многих племен, где царит

[1]) См. Krische Op. cit. S. 45 и 76.
[2]) M. Vaerting Op. cit. S. 71.
[3]) M. Vaeting Op. cit. S. 14.

деспотическая власть мужа. По сообщению Екеля, у племени Ашанти мужья принцессы обязаны были покончить с собою после смерти их супруги.[1]) Об аналогичном явлении сообщает Боссе касательно племени натшец, обитающем вблизи устья Миссисипи. Сказанного, думается нам, достаточно для того, чтобы признать, что матриархат давал женщине в области сексуальных отношений несомненный и весьма далеко идущий приоритет. В семье же она выступала как ее глава и руководитель.

3. *Семья.* Мать является центральным стержнем матриархальной семьи, она—центр, вокруг которого вращается вся жизнь, она направляет ее и ею руководит. Мужчина же в такой семье большей частью—дебютант, время от времени посещающий ее, более или менее постоянный „гость“.

Характерно уж то обстоятельство, что при матриархате муж приносит приданное жене. Этот обычай сохранился даже у древних германцев.[2])

„Мать, а после ее смерти ее старшая дочь“,—говорит Лафарг о наирах,—„является главой семьи и управительницей дома... Наирская женщина имеет несколько мужей—десять, двенадцать и даже больше, если ей так угодно. Она может менять их по своему благоусмотрению.“[3])

Морган приводит в „Первобытном обществе“ следующую небезынтересную характеристику, которую дает семейным нравам ирокезов—сенека проживший среди них многие годы пастор. „Обыкновенно управляли домом женщины и при этом несомненно прочно держались вместе. Запасы были общими, но горе тому несчастному мужу или любовнику, который был слишком ленив или неловок, и не приносил своей части в общий запас. Безразлично сколько-бы он не имел в доме детей или имущества, он мог каждую минуту ожидать приказания связать свой узелок и убираться, и было небезопасно сопротивляться такому приказанию. Дом становился ему чужим; если какая либо тетка или бабушка не вступалась за него, то ему ничего более не оставалось, как возвратиться в свой собственный клан, или же, что часто случалось, итти устраивать себе новый брак в другом клане“... Липперт также указывает, что мужчина, приходивший в дом матери—правительницы, находился там на положении гостя, которого принимали до тех пор, пока его пребывание приносило дому экономическую выгоду.[4]) Исследования нового времени обнаружили у монгольского племени То—Рун, жившего в истоках желтой реки, право женщин приглашать к себе одного и больше мужей на определенные сроки, иногда ограничивающиеся какой нибудь неделей.[5])

На некоторых малайских островах брак отнюдь не влечет за собой совместной жизни супругов. Мужчина является в дом своей жены раз-другой в день, часто приходя лишь на ночь. По сообщению Вайтца у называвшегося уже мною племени натшец женщины из правящей группы распоряжались судьбой и жизнью своих мужей, от которых они требовали беспрекословного повиновения себе.

У народов, переходящих от охотничьего к земледельческому об-

---

[1]) V. Jaeckel. Studien zur vergleichenden Völkerkunde. S. 65.

[2]) См. D-r Ernst Schuster. Die Ehefrau in alter und neuer Zeit. Velr. Puttkamer und Mühlbrecht. 1911. S. 108.

[3]) Поль Лафарг. Op. cit. стр. 12.

[4]) См. Юлий Липперт. История Культуры. Пер. под ред. Коробчевского. СПБ 1902. Стр. 189. и др.

[5]) См. Krische Op. cit. S. 75.

разу жизни (высоко-родовая фаза по терминологии Мюллер—Лиэра), семья представляет собой группу об'единенных материнским родством совместно живущих и совместно хозяйствующих лиц. Счет родов ведется исключительно по материнской линии, отец при этом счете во внимание совершенно не принимается. „Хотя фактически производитель ребенка и может быть достоверно известен“,—пишет Лотар Даргун—„однако, он не считается отцом ребенка и в случае расторжения брака все дети следуют за матерью. Точно также не считаются родственниками сыновья одного отца от различных матерей. Если возникает война между родом матери и родом отца, то сыновья воюют на стороне первого против своего родного отца“.[1])

Отчужденность между отцом и сыновьями находит свое выражение в том факте, что наир гораздо больше привязан к ребенку своей сестры, нежели к своему собственному. „Пусть наир“,—говорит Бухан,—„при смерти ребенка которого он, вследствие сходства с собой и долгой совместной жизни с его матерью, должен признать своим, пусть он при его смерти проявит такую же скорбь и станет проливать такие же слезы, как при смерти сестриного ребенка,—и его сочтут чудовищем“[2]). Пережиток подобного же явления приводит М. М. Ковалевский в своих лекциях о происхождении семьи и собственности. Он рассказывает, что у черноморских черкесов сын не имеет права публично признать того или другого своим отцом. Большой грубостью считается спрашивать отца, как поживает его сын или справляться у сына об отце“.[3])

4. *Право.* То привиллегированное правовое положение, которое женщина занимает при матриархате, ярче всего проявляется в судьбе ее детей и в области наследования. Уже Геродот сообщал о ликиянах, что у них ребенок, родившийся от связи знатной гражданки с рабом считается знатным, но ребенок, происходящий от чужестранки или наложницы и знатного гражданина, считается неблагородным. С аналогичным же принципом мы встречаемся у африканского племени таурегов. У египтян брак свободной с рабом давал свободных детей, если же свободным был муж, а жена—рабыней, дети рождались рабами. В Микронезии (на некоторых островах), у северо-американских индийцев, у малайцев и некоторых других племен, по сообщению Липперта, общественное положение и связанные с ним права передавались потомкам исключительно по материнской линии. Он же сообщает, что у гуронов и у восточно-африканского племени вамоине таким же путем шла и передача наследственного имущества.[4]) Для характеристики правового приоритета женщины при матриархате весьма ценно также сообщение Жиро-Теллона насчет басков-потомков иберийцев. Перворожденная дочь считалась у них наследницей всего семейного имущества и всех прав, которым обладала семья. После замужества она оставалась в своем доме, куда переселялся и ее супруг, при этом, муж терял свое имя и получал имя жены, точно также и дети наследовали материнское имя.[5]) Вертинги называют ряд племен-кантабри, локры и др., у которых не только дети получают имя матери, но и мужу присваивается имя жены.[6])

У миссурийского племени упсароков имущество матери после

---

[1]) Lothar Dargun. Mutterrecht und Raubehe Verl. Wilh. Koebner. Breslau. 1863. S. 15.
[2]) Цитирую по Лафаргу. Стр. 13.
[3]) М. М. Ковалевский. Op. cit Стр. 25.
[4]) Юлий Липперт. Op. cit. Стр. 195.
[5]) Giraud—Teulon. Origines de la famille. Genève et Paris 1874. S. 172.
[6]) Vaerting. Op. cit. S 82.

смерти переходит к ее детям, при смерти же отца переходит к его материнской семье[1]) Привиллегированно-правовое положение женщины в особенности проявляется у обитающего в Западных Гималаях племени кулу, где по свидетельству Русселе женщина управляет всем владением семьи, в котором сотрудничают ее мужья, передающие ей свои доходы. Она одна содержит детей и выделяет им в качестве наследства имущественные доли. „В культурном Египте",—говорит Альфред Кинд,—„господство женщины достигло пять тысяч лет тому назад зенита юридической обусловленности. Знатная женщина заключала сложные брачные договора с ее супругом. В них устанавливались высшие, заранее определяемые штрафы за малейшие проступки со стороны мужа, в них предоставлялось женщине абсолютное право распоряжаться принесенным в дом и заработанным имуществом. Ей принадлежало ведение всяческих дел в ее собственную пользу. Она имела право расторжения брака и добровольного оставления дома. Такой общественный порядок держался до 8 века до Р. Х., когда дееспособность женщины начала подвергаться ограничениям в сторону установления отцовского права.[2])

Хозяйственная роль женщины при матриархате, ее сексуальная свобода, ее семейная гегемония, ее правовые преимущества,—все это вместе взятое дает женщине социальное положение, неизмеримо возвышающее ее по отношению к мужчине.

5. *Социально-политическая жизнь.* „Женщинам принадлежали все начальственные и общественные должности. Мужчины... заботились о домашнем хозяйстве и жили в подчинении воле их супруг. Мужчин не допускали ни к военной службе, ни к власти, ни к какой либо общественной должности, значение которой могло-бы повлиять на их настроение и внушить им противодействие женщинам". Эти хорошо известные слова Диодора о либийцах часто трактовались историками, как социальный анекдот, в лучшем случае, как курьезная историческая аномалия.

В настоящее время мы можем с уверенностью утверждать, что в этих словах охарактеризировано весьма типичное для матриархата социально-политическое господство женщины. Приведу ряд фактов, подтверждающих это обстоятельство.

Уж Морган сообщал относительно ирокезов—сенека, что у них политическая роль женщин огромна. Он указывал, что судьба вождя племени зависит всецело от женщин, которые могут ему „обломать рога" и превратить его в рядового воина. Герберт Спенсер в своих „Основаниях социологии" неоднократно останавливается на значительной политической роли, которую женщина играет у гайдаров, огнеземельцев, дагомейцев и других первобытных племен[3]).

Карл Каутский в качестве аналогичных примеров ссылается на китайское племя нуекун, что дословно значит „народ управляемый женщиною". Он также приводит со слов Вайтца—примеры индейских племен ойтбвайцев, навойозов и натхетцов, у которых женщины пользовались большим общественным влиянием[4]). У ирокезов женщины участвуют в общественных собраниях, оказывают огромное влияние на

---

[1]) Krische Op. cit. S. 41.

[2]) Ed. Fuchs und Albrecht Kind. Die Weiberherrschaft in der Geschichte der Menschheit. Verl. Albert Langen. München 1913. Zweiter Band S. 376.

[3]) Герберт Спенсер Op. cit. Стр. 80-84.

[4]) Карл Каутский. Возникновение брака и семьи. Изд. „Прибой" 1923. Стр. 87-8.

вопрос об'явления войны—вплоть до принадлежащего им в этом отношении права вето и выступают посредниками при заключении мира[1]).

У туарегов, о проявлении матриархата у которых мы уже говорили выше, женщины часто выступают в роли полководцев. „Одна из них“,—говорит Лафарг,—„Кахива—Мария - Тереза пустыни,—об'единила в начале восьмого столетия под своей властью берберийские племена и образовала центр национального сопротивления против вторжения арабских завоевателей... Она пала с мечем в руках, убитая Гассаном, арабским полководцем. За несколько лет до того во главе племени Игеганов (Jehanuen) стояла женщина—шейхиня“[2]).

Герман Денглер, автор вышедшей в 1924 году монографии „Индийцы“, рассказывает о танце скальпов, который он наблюдал у одного из миссурийских племен в Северной Америке (минитарии). Этот танец скальпов является женским. На шестах висят скальпы, снятые с голов побежденных врагов и представляющие собою обычные военные трофеи у северно-американских индейцев. Во время танца женщины, одетые в военное снаряжение их мужей, держат эти шесты.

О том, как значительна была роль женщин в военном деле, свидетельствуют многочисленные, ведущие свое начало еще от Диодора сказания об амазонках. Если отбросить от всех этих сказаний несомненно присущую им фантастику и гиперболизм, то все же они могут служить показателем воинственности женщин в эпоху матриархата и их высоко-развитого военного искусства. Надо подчеркнуть, что сказания об амазонках имеют огромный размах в пространстве и времени. Так Диодор повествовал об амазонках Африки, Оррелана, Родригуэц и другие испанские исследователи рассказывают об амазонках Южной Америки, имя которых и было присвоено величайшей реке страны, Аббат Гуйон передает об амазонках Кавказа, совершавших налеты на некоторые кавказские племена. Средневековье оставило ряд преданий об амазонках, исходящих преимущественно из арабских источников. Наконец, путешественники и исследователи нового времени также повествуют про об'единения воинственных женщин, живущих замкнутыми, без мужчин, группами (terra feminarum).

Для характеристики амазонок приведу хотя бы два примера.

Вождь одного южно-американского индийского племени сообщил в 1539 году испанскому путешественнику Орellана о проживающих неподалеку женщинах, которые участвуют в боях, вооруженные луком и стрелами и живут изолированно от мужчин. Ежегодно их посещают мужчины какого-либо соседнего племени. Если в результате этих посещений у них рождаются девочки, они их воспитывают, если же появляются мальчики, то передают их отцам. Эти амазонки называются—„Кониа-пу-уйаре“ т. е. великие женщины. Когда путешественники продвинулись вглубь страны, они подверглись нападению индийцев, среди которых выделялись как лучшие, наиболее храбрые бойцы десять—двенадцать женщин. Они избивали дубинами всех индийцев, которые делали попытки убежать. Женщины эти были крупны, наги, красивы. Когда семеро из них было убито, индийцы обратились в бегство. Не менее интересно и сообщение известного путешественника начало XI века испанско-арабского еврея Ибрагима-Ибн-Якуба, который рассказывает о находящемся к западу от страны „Rüs“ городе женщин. „Они,—говорит Ибн-Якуб о жительницах этого города,—владеют землей и рабами. Они становятся беременными от своих рабов и если

[1]) B. Schidlof. Liebe und Ehe bei den Naturvölkern. Verl. Ostegard. Berlin-Schöneberg 1925. S. 172.

[2]) Поль Лафарг. Op. cit. Стр. 17.

одна из них рождает сына, они убивают его. Они ездят верхом, мужественны и храбры"[1]).

У ирокезов вся власть, по Лятифо, сосредоточена в руках женщин. Они образуют душу народных собраний, им принадлежит решающее слово в вопросах войны и мира, они распоряжаются общественной казной, они вершают участью пленных[2]). Огромна власть женщины на некоторых островах Микронезии. Женщины, называющиеся среди туземцев „матерями страны", пользуются там большим уважением и оказывают исключительное влияние на руководство государственными делами. Они многократно превосходят мужчин, как в социальном, так и в политическом отношении[3]). У китайского племени То-Рун, о котором мы уже говорили, женщины являются монопольными держателями власти. Исключительно старые женщины являются у этого племени носителями важнейших титулов и санов[4]).

В соответствии с тем огромным социальным весом, который имеет женщина при матриархате, она естественно имеет для общества большую ценность, нежели мужчина. Это обстоятельство нашло характерный отклик в праве родственных ирокезам гуронов, у которых за убийство женщины семья убийцы должна платить сорок штрафных единиц, а за убийство мужчины—тридцать таких же единиц.[5])

6. *Идеология.* Социальный приоритет женщины наложил сильный отпечаток и на область идеологических представлений эпохи матриархата. Если оставить в стороне сексуальную мотивацию религиозных представлений, в силу которой не нашедшие себе выхода половые влечения делают предметом поклонения божественный фантом иного пола, нежели тот к которому принадлежит поклоняющийся, то можно утверждать, что вся религиозная идеология матриархата находится под влиянием социального господства женщины. Религиозные представления эпохи матриархата, если можно так выразиться, феминизированы. Могучие силы, создавшие мир и им руководящие, хозяева и вершители мировых судеб, олицетворяются матриархальным человечеством—как правило—в существах женского пола. При матриархате, миром распоряжаются не боги, а богини.

Очень характерно для идеологического искажения действительности часто делаемое допущение, что господство женщины в политической и семейной жизни является результатом того привиллегированного положения, которое она занимает в религии. Так, например, еще Диодор выводил власть жены над мужем, приоритет царицы пред царем, имевшие место в Египте, из господства богини Изиды над ее супругом богом Озирисом. Не приходится, конечно, говорить, что в действительности дело обстояло как раз наоборот, т. е., что небесное господство богинь отражало лишь земное господство женщин.

Вообще же божества женского пола в религиозных представлениях египтян занимали важное место.

Древнейшая египетская богиня—Нейт или Нут, называющаяся в одном из дошедших до нас текстов „матерью утреннего солнца, творцом вечернего солнца, которая существовала уж тогда, когда ничего не было и которая сотворила то, что после нее существовало"—она по выражению одного текста „родила солнце и создала зародыши богов и людей".

---

[1]) Ferd. V. Reitzenstein. Das Weib bei den Naturvölkern. Verl. Neufeld u Hennius. Berlin. 1923. S. 218.

[2]) F. Müller—Lyer. Die Familie. Albert Langen Verlag. München 1921 S. 107.

[3]) Krische Op. cit. S. 64.

[4]) Ibidem 70.

[5]) Ibidem 47.

Среди народов пользовалась, например, большой популярностью змеевидная богиня Мерит-Сегер, что дословно означает „любящая молчание". Мерит-Сегер обитала, по вере египтян в горе, находившейся на западе от Фив и потому они ее называли „Вершина Запада". Это о ней говорится в одной стеле, сложенной служителем фиванского некрополя Нефер-Абу. Я воззвал к многосильной вершине Запада, к богу каждого и богине каждой:—смотри, я скажу большому и малому, которые среди рабочих: остерегайтесь Вершины, ибо лев находится в Вершине и она поражает, как поражает дикий лев, она преследует того, кто согрешит против нее!—И когда я воззвал к моей госпоже, нашел я, что она пришла ко мне в качестве дуновения сладостного. Она была милосердна ко мне, „после того, как она дала мне увидеть свою руку. Она обратилась (опять) ко мне милостиво, она дала мне забыть болезнь мою, которая была (у) меня. Вот, Вершина Запада, милосердна, когда к ней взывают... Смотри! Да слышат все уши, которые живут на земле—остерегайтесь Вершины Запада!"[1]).

Была популярна среди египетских масс и другая богиня „Таузрис" т. е. Великая, считавшаяся покровительницей женщин и помощницей при родах.

Халдейская легенда о сотворении мира рассказывает, что до появлении бога Бэла, сотворившего мир, господствовал хаос, в котором обретались всевозможные чудовища. Над всеми ими царствовала женщина по имени Оморка, что означает море.[2])

Точно также и вавилонское предание о сотворении мира, приводимое Бенцманом в его статье „О мудрости и красоте старо-вавилонской поэзии" (1925 г.) и цитируемое Крише, повествует о том, что до сотворения мира над первобытным хаосом господствовала женщина-демон Тиамат—владычица тьмы и хаоса, в конце концов побежденная светлым богом Мардуком.

Повидимому и халдейское, и вавилонское предания отражают переход от материнского к отцовскому праву, при чем, первое олицетворяет мировой хаос, второе—мировой порядок[3]).

Вертинги указывает, что при наличии у камчадалов двух божеств—мужского и женского, все преимущества принадлежали последнему. К мужскому богу „кутка" относились с пренебрежением, его считали неудачливым и все недостатки в мировой организации приписывали его неспособности. Богиня, напротив пользовалась большим уважением, так-как она своего супруга „в разуме и других хороших свойствах бесконечно превосходит"[4]).

На то обстоятельство, что отношения, существующие между богами и богинями обычно отражают отношения полов на земле, обратил внимание и известный исследователь религии Морис Ястров. В своей работе „Религия Вавилона и Ассирии",—он об'яснял то незаметное место, которое занимают богини в вавилонском и ассирийском пантеонах той жалкой ролью, которую женщина играла в социальной и политической жизни этих стран.[5])

Но не только одна религиозная идеология матриархального общества находится под влиянием социального приоритета женщин.

---

[1]) Цитирую по статье М. Э. Матье. Религия египетских бедняков—в сб. „Религия и общество" изд. „Сеятель" Лнг 1926.

[2]) Джордж Ролинсон. Религия Египтян. Сб. лекций и статей иностр. ученых о религиозных верованиях. Пер. В. Тимирязева. СПБ 1900.

[3]) Krische Op. cit. S. 178.

[4]) Vaerting Op. cit. S. 103.

[5]) Moris Jastrow. Die Religion Babyloniens und Assyriens Giessen. 1905 Erster Band. S. 100.

Это влияние испытывали и другие виды идеологии. Таковы, например, господствующие при матриархате представления о красоте, манерах одеваться, языковые построения и т. д.

Вертинги указывают, что идеал красоты у господствующего пола сексуально-нейтрален, у подчиненного-же сексуально подчеркнут. Это, по их мнению, особенно сказывается в манере одеваться, украшать себя и т. д. При господстве мужчины женщина имеет обыкновение одеваться разнообразно, пестро, украшает себя всевозможными способами. Ее одежда часто имеет целью привлечь к себе внимание представителя другого пола и т. д. Склонность женщины к украшению некоторые биологи готовы даже об'являть неот'емлемой и естественной чертой ее пола. При матриархате имеет место обратное явление.

Так, например, в древнем Египте, по свидетельству Эрмана, „на ряду с великолепными мужскими одеждами—женские платья кажутся необыкновенно однообразными, ибо начиная царской дочерью и кончая крестьянкой, от четвертой династии до восемнадцатой, все носят одинаковые платья. Принята простая, без складок одежда“... У либийцев мужчины завивали волосы и носили золотые украшения. У матриархального племени кондов мужчины, по свидетельству Вестермарка, очень сильно ухаживают за своими волосами и устраивают себе причудливые прически... О том-же рассказывают и Вертинги относительно жителей Таны (Гебрида): их волосы достигают длины 12—18 вершков и они заплетают их в шестьсот-семьсот локонов или косиц[1]) Все это,—повидимому, украшения, обусловленные желанием мужчин привлечь к себе внимание господствующего, т. е. женского пола. Привязанность к дому, характерная для положения мужчин при матриархате, способствует возможности заниматься самоукрашением и ухаживанием за собой.

Наконец, говоря о давлении, которое испытывает при матриархате идеология от господствующего положения женщины, я бы хотел сослаться еще на своеобразное явление особых женских наречий и диалектов, появляющихся в эту эпоху. Так Альберт Фриденталь отмечает отличия женского языка от языка мужчин у американского племени гидатзов, а также и у караибов[2]). На это же указывает Эренрейх в своих очерках по этнографии Бразилии касательно индейцев гарайя и хикитанов[3]). „Их наиболее достопримечательное свойство“,—говорит Эренрейх,—„наличие отдельного мужского и женского языка“... Изредка лишь слова совершенно различны, по большей части форма несущественно изменена.—Эренрейх приводит множество примеров таких отличий. Рейтценштейн в своей ценной работе о женщине первобытных народов пишет: „Это глубоко интересный факт, что у многих первобытных народов и в виде пережитков также и у культурных народов, и у нас, женщины говорят на другом языке, нежели мужчины, так что они этого женского языка совсем не понимают“...[4])

Для того, чтобы показать как сильно влияние матриархальных отношений на процесс языкообразования приведу хотя бы один, но весьма убедительный пример, на который обратили внимание Вертинги. Обозначение родной страны на языках современности связано с указанием на происхождение от отца—„отечество“ „Vaterland“, „patria“, „la patrie“ „бацькоўшчына“ и т. д.

При матриархате родная страна определяется термином обозна-

[1]) Vaerting Op. cit. S. 59.
[2]) Albert Friedenthal. Das Weib im Leben der Völker. S. 76.
[3]) R. Ehrenreich .Beiträge zur Völkerkunde Brasiliens Verl. Speman Berlin. 1891 S. 96.
[4]) Ferd. V. Reitzenstein. Das Weib bei den Naturvölkern. S. 209.

чающим в различных звуковых комбинациях и сочетаниях „материнская страна". Так гласит известная надпись на колонне Изиды. Так было у ликийцев и других племен.

Идеология, как видим, при матриархате феминизируется весьма широко: от религии до языка.

Приведя ряд типических черт, характеризующих матриархат и его проявления в различных областях, хочу напомнить, что, как уж было сказано, весь комплекс этих черт образует систему матриархата, в своем завершенном виде часто называемого гинекократией. В таком виде мы встречаемся в истории с матриархатом относительно редко. Имеющиеся данные позволяют назвать, как прошедшие сквозь стадию развернутого матриархата, многие индийские племена Северной Америки (ирокезы, гуроны, маскоки и др.), некоторые китайские, племена Восточной Индии (гары, кулю), африканские племена (таржи, д'амум), камчадалов, ликийцев.

В виде редких исключений развернутый матриархат мы встречаем даже в настоящее время. Примерами могут служить называвшееся выше китайское племя То-Рун, племя пайван, обитающее на острове Формозе, племя банту в Конго, туземцы каролинских островов, племя пуэблов в горах Аризоны, некоторые племена Тибета. По сообщению „Правды" от 7-го августа 1927 года в Закатальском уезде Азербайджана недавно обнаружено племя „ясаи" (в переводе „девушки", „девичий народ"), в котором сохранилось господство женщин. Ясаи живут в горных ущельях над Джаром. Женщины являются у ясаев единственными кормилицами, занимаются промыслами и торговлей. Ясаи живут разбросано по ущелью в количестве ста пятидесяти домов.

Что же касается отдельных элементов матриархата, охарактеризованных выше, то мы с ними сталкиваемся уж в довольно поздние исторические эпохи и у большинства культурных народов. В одних случаях эти элементы свидетельствуют о наличии у данного народа матриархальных отношений, не развернувшихся однако в силу об'ективных предпосылок, в цельную систему. В других же случаях мы имеем дело с историческими пережитками, со следами, которые оставил отмерший институт в обычаях, нравах, быте народа.

Из таких народов можно назвать египтян, греков, римлян, германцев, китайцев, тибетцев, басков, и множество других.

После сказанного мы можем вернуться к поставленному нами вначале вопросу о происхождении матриархата.

Я уж пытался доказать несостоятельность того широко распространенного мнения, что матриархат обусловлен биологической безвестностью отца (при хаотичности половых отношений) или примитивной логикой первобытности, не умеющий уловить связь меж отцом и ребенком. Мы видели также, насколько несостоятельны попытки на манер Фробениуса рассматривать матриархат, как извечный тип человеческой культуры, или по способу Вертингов исследовать его под углом насквозь метафизической теории исторического маятника. Мало убедительна также защищаемая Карлом Каутским гипотеза происхождения матриархата из хищнического брака. Каутский исходит из того предположения, что если какое нибудь племя берет себе жен из чужих, соседних с ним племен, то иноплеменные жены внутри племени, в которое они приведены, держатся замкнуто, образуя там свои особые группы—кланы и передавая детям свои племенные черты. „При гетерестическом строе дети, лишь только они станут само-

стоятельными, принадлежат к племени; при системе же хищнического брака дети, внутри племени, принадлежат к клану матери. Происхождение по матери уж не безразлично, потому, что оно определяет положение человека в племени"[1]).

Таким образом, по мнению Каутского, похищение жен привело к родословной по женской линии. Что же касается народов, не знавших хищнического брака, то у них причину возникновения матриархата Каутский готов усмотреть во внешних влияниях: к ним материнское право, по его мнению, было занесено извне. Соответственно этому, он отличает материнское право хищнического брака от гетеристического материнского права. Привитое гетеристическим народам извне, материнское право развилось у них под влиянием частной собственности. Поскольку дети считались собственностью матери, то они наследовали от нее и имущество, и общественное положение.

Мне думается, что является большой натяжкой выводить такой реальный институт каким является матриархат, из чисто рационалистического стремления женщин противостоять ассимиляции их детей племенем-похитителем. Если это стремление и имело место, то вряд ли оно могло породить социальный приоритет жен-пленниц в среде племени-похитителя. Тем паче, что последнее должно было усмотреть в этом явлении угрозу себе и стараться ее парализовать. Не могли женщины, насильно приводимые в племя, создавать здесь противостоящие племени касты, заставляя это племя признавать свое господство.

Возникновение и развитие матриархата могут быть поняты лишь, если поставить их в зависимость от социально-экономических условий, как причины об'ясняющей и генезис, и эволюцию этого важнейшего социального института.

Первые попытки в этом отношении сделал Генрих Кунов, выступавший в 1897 году в „Нейе Цайт" с серией статей, озаглавленных „Экономические основы материнского господства"[2]).

В этих статьях Кунов пытался на примере некоторых австралийских и американских племен показать зависимость социального положения женщины от ее хозяйственной роли в соответствующие эпохи. Он указывал, что, поскольку женщина сосредоточивает в своих руках земледелие, она становится базисом образующейся большой семьи. Женщины остаются руководительницами домашнего хозяйства, в то время, когда мужчины промышляют вне дома—на охоте, рыбной ловле, войне.

Почти одновременно—за год до появления статей Кунова,—с большими, правда оговорками,—аналогичную мысль высказал и Эрнст Гроссе. Не имея, повидимому, еще уверенности в правильности этой мысли, воздерживаясь от решительных формулировок, к тому еще не точно представляя себе сущность матриархата, Гроссе подчеркивал зависимость положения женщины от хозяйственной роли, которую ей приходится играть в условиях того или иного экономического быта. Так, по мнению Гроссе, скотоводство детерминировало подчиненное положение женщины. „Как бы ни было, необходимы услуги, которые исполняет женщина, тем не менее в качестве скотовода и воина мужчина представляет здесь несомненно важнейший и сильнейший фактор для сохранения и развития общества. Богатство номадов заключается в их стадах, но скотоводство—привиллегия мужчины; вследствие этого, все ценное имущество находится в его руках, между тем, как жена,

---

[1]) Карл Каутский. Возникновение брака и семьи. М. 1923. Стр. 52.
[2]) Neue Zeit. 1897/8 Hefte 4—8. Die ökonomischen Grundlagen der Mutterherrschaft.

не обладая имуществом бессильна против него"[1]). Для Гроссе уже становилось ясным, что при земледелии создается совершенно иное отношение между мужчиной и женщиной. „Вероятно"—говорил он,—„очень разнообразные причины создали женщине—земледелице ее более выгодное положение. Но прежде всего необходимо указать на значение, которое имеет женский труд для сохранения общества. Земледелие—преимущественно дело женщины, и здесь оно ни в коем случае не является презираемым занятием, как у номадов. Поэтому почти всегда женщины приобретают себе известное уважение своею деятельностью, от результатов которой зависит благополучие всей общины"[2]).

На тот же путь в поисках об'яснения зарождения матриархальных отношений ступил и Юлий Липперт, исходивший из того обстоятельства, что женщина начинает вести полуоседлый образ жизни гораздо раньше мужчины, организует жилище, разводит и поддерживает огонь. „В руках женщины впервые завертелись жернова. Лишенная возможности охотиться, из-за драгоценной ноши своей, она тщательно и с трудом собирала питательные семена и травы, выбирала ближе к ним место для жилища и первая научилась искусственно разводить их по близости от жилья... Она первая проявила предусмотрительность и трудолюбие, работая для будущего и сделалась матерью земледелия"...[3]) Понадобилось еще каких-нибудь пятнадцать лет для того, что-б разрозненным мыслям относительно зависимости происхождения матриархата от хозяйственного быта первобытности была придана достаточно определенная и обоснованная формулировка. Честь этой формулировки принадлежит одному из основателей научной генеономии Фридриху Мюллер-Лиэру, давшему ее в своей вышедшей в 1912 году, к сожалению, до сих пор еще отсутствующей на русском языке, работе „Семья".

Генезис матриархата Мюллер-Лиэр выводит из следующих положений.

1. Женщина, *первая*, раньше нежели мужчина, сделалась оседлой. В то время, когда мужчина находится неделями на своих охотничьих и военных предприятиях и ведет свою тянущуюся еще от охотничьего периода бродячую жизнь, женщина остается дома. По мере того, как домашнее хозяйство становится еще более устойчивым и приобретает все возрастающее значение, она становится притягательным полюсом семьи и всей родственной организации. Также из-за детей женщина более склонна к оседлости, нежели мужчина.

2. Женщины впервые овладевают земледелием. Уже у охотников половое разделение труда заключалось в том, что мужчина должен был доставлять животные, а женщина—растительные средства питания. Эта форма разделения труда вначале сохраняется и после того, как было открыто земледелие. Прежняя собирательница растений становится также и первой земледелицей. Мужчины большей частью принимают только малое участие во взращивании растений, которое, как правило, вначале земледелия осуществляется исключительно женщинами. Так как отныне результат охоты гораздо менее обезпечен, нежели в земледелии, то женщина получает преобладание; теперь она становится экономически-господствующей частью, теперь она становится центром хозяйства, вокруг которого мужчина вращается, как планета вокруг солнца[4]).

---

[1]) Эрнст Гроссе. Формы семьи и формы хозяйства. Изд. „Книжное Дело" М. 1898 Стр. 183.

[2]) Ibidem. Стр. 253—4.

[3]) Юлий Липперт. История культуры. Стр. 188.

[4]) Fr. Müller—Lyer Op. cit. S. 96.

Все современное состояние этнографии, весь накопленный наукой к нашему времени фактический материал оправдывают выведение матриархата из той роли, которая падает на долю женщины в хозяйстве эпохи примитивного земледелия. Этот факт находит свое подкрепление и в том обстоятельстве, что охотничьи племена, как правило, чужды матриархальным отношениям. Последние развиваются преимущественно среди земледельческих племен и являются следствием той трудовой дифференциации полов, которая у них сложилась естественным образом.

В выяснении процесса этого дифференцирования кроме Кунова и Мюллер-Лиэра много сделал и Генрих Эйльдерман, в своей работе „Первобытный коммунизм и первобытная религия", высказавший на этот счет ряд ценных соображений. Эйльдерман далеко не прав претендуя на первенство в деле установления зависимости форм родства от экономических отношений и обвиняя Кунова и Мюллер-Лиэра в игнорировании этих отношений. Но за ним следует признать заслугу уточнения и конкретизации этой зависимости.

Эйльдерман обратил особое внимание на тот факт, что уж первобытная кочующая орда разделялась на двигающуюся вперед группу охотящихся мужчин и тянущихся за ними—женщин, детей и старцев. Первая группа добывала животную пищу, вторая—растительную.

Счет по материнской линии возник, по мнению Эйльдермана, в результате регулирования старейшими персонального состава тотемных групп на основе приспособления этого состава к наличию дичи в определенной области[1]). „.., пока,—говорит Эйльдерман—„в орде был единственный тотем и пока он имел еще простор для роста в том же районе—что разумеется, главным образом, зависело от количества дичи в стране,—до тех пор не было никакого основания не давать ребенку тотемного имени отца. Но как скоро тотем принужден был, вслед за своей дичью, уходить в другие области, появилась необходимость перейти к подвижной системе женской линии происхождения. Эта необходимость выявилась таким образом у всех народов и племен каждый раз из наличного соотношения социальных производительных сил с производительными силами природы"[2]).

Основной предпосылкой перехода к счету по женской линии была, по мнению Эйльдермана, прогрессирующая дифференциация труда путем отделения частей от больших тотемных групп и переселения их в другие районы орды.

Обратимся теперь к некоторым фактам, дающим подтверждение формулированной выше мысли об экономической детерминированности матриархата. Мы уж указывали на ирокезов, как на одно из тех племен, среди которых сохранились до новейшего времени матриархальные отношения.

Ирокезская семейная группа представляет собою об'единение кровных родственников по материнской линии. Отец не считается

---

[1]) Г. Эйльдерман. Первобытный коммунизм и первобытная религия пер. Г. П. Полякова. Изд. Атеист М. 1923. Стр 108.

[2]) По несколько отличающемуся от обычного определению Эйльдермана, тотемная группа представляет собой производственное об'единение, которое называется по имени своего тотемного предмета—обычно какого нибудь употребляемого в пищу животного. Охотники, примерно, на кенгуру называются теми группами, с которыми они обмениваются на эту дичь „людьми кенгуру". Таким образом „кенгуру" становится тотемным именем данной охотничьей группы... Со временем, обязанностью членов тотема становится забота о снабжении тотемной пищей не принадлежащих к тотему. Это достигается не столько усиленной охотой за тотемным животным с целью обмена его на животное, убитое другой тотемной группой, сколько, наоборот, заботливым отношением к тотемному животному, запрещением его хищнического истребления, приводящим даже к запрещению употреблять его в пищу.

родственником детей, которые получают тотемное наименование по матери. Женщины распоряжаются всеми домашними запасами и являются организаторами всего домашнего хозяйства; в их руках сосредоточены все заботы о воспитании детей. Во главе ирокезской семьи стоит женщина. Женщины же выступают в качестве единственных наследников передаваемого по наследству имущества. Наконец, им принадлежит и общественная власть. Одним словом, все то, что мы знаем со слов Моргана, Вайтца, Лятифо, Париманна и других исследователей об отношении полов у ирокезов, позволяет утверждать, что у ирокезов мы находим ясно выраженными большинство тех признаков, наличием которых мы выше характеризовали систему матриархата.

Не составляет, по нашему мнению, особого труда установить зависимость этой системы от той хозяйственно-трудовой дифференциации, которая имеет место у ирокезов.

В сферу деятельности мужчин входят у ирокезов: ведение войны, охота, рыбная ловля, изготовление оружия, каменных и деревянных топоров, стройка жилищ. Мужчины же занимаются корчевкой леса, торговлей мехами, шкурами и оружием.

Что же касается ирокезской женщины, то в ее хозяйственные функции входит возделывание земли, собирание дико растущих орехов, ягод, луковицы, кореньев, изготовление глиняной посуды, плетение цыновок, корзин, изготовление одежды, приготовление пищи, копчение рыбы и т. д. В руках ирокезской женщины сосредоточено земледелие и домашнее животноводство. Это делает ее распорядителем всей хозяйственной жизни и дает ей преимущественное положение в самых разнообразных направлениях.

С аналогичной же картиной мы встречаемся и у индийских племен Южной Америки, как например, у аруаков, у которых сохранились до настоящего времени явные следы материнского права. Среди этого племени господствует принадлежность детей к семье матери, переселение мужа в группу жены, наследование сана вождя сыном сестры и т. д. Эти типично-матриархальные отношения идут рука об руку с руководящей ролью женщины в хозяйстве, благодаря тому, что она является единственной полевой работницей, единственным земледельцем.

У всех почти индийских южно-американских племен господствует то же разделение труда, которое описывал еще Карл фон Штейнен в своей известной работе „Среди первобытных народов Бразилии“: Мужчина занимался охотой в то время, когда женщина открыла земледелие. Исключительно на женщин падает не только осуществляющееся дома приспособление мандиоки-длительная операция, состоящая в обезвреживании ядовитых корней этого растения посредством промывания, пресования, высушивания и т. д., но и также и его посев и возделывание. Женщины расчищают особыми остроконечными палочками почву от сорной травы, производят посадку стеблей, ухаживают за ними и наконец реализуют посев этого растения, имеющего исключительное значение в быту южно-американских индийцев и являющегося одним из их основных предметов питания. Также культура всех других знаков и питательных растений бататов (сладкий картофель), бобов, сахарного тростника и т. д. находится в руках женщин.

Женщина научается делать с‘едобными различные растения, приготовлять пищу, варить, жарить, она разводит домашних животных и таким образом создает новые могучие источники питания.

Одним словом и здесь женщина выступает благодаря ее роли в земледелии, как важнейший хозяйственный суб‘ект от которого зави-

сит благосостояние общества, уровень его материального благополучия.

Я ограничиваюсь этими двумя примерами, подчеркивая, что то же положение вещей мы,—с различными вариациями,—находим у ряда племен Северной и Южной Америки, Австралии, Восточной Азии.

Экономическая обусловленность матриархата несомненна. Но не следует этой обусловленности понимать механически, ибо такое понимание неизбежно ведет к упрощенчеству.

С такого рода упрощенчеством мы сталкиваемся, например, в работе шведского ученого Свен Лёнборга „Клан", где матриархат рассматривается как следствие такого экономического положения, при котором мужчина, желающий вступить в брак, не в состоянии предложить семье невесты какую нибудь ценность, которая представляла бы собой хозяйственный эквивалент передаваемой ему женщины. Вследствие этого, женщина остается и после брака в своей семейной группе, в своем клане, мужчина же или периодически посещает ее или же переселяется к ней в клан. В том или другом случае мужчина обязан компенсировать семью женщины работой на ее пользу и постепенно занимает в ней подчиненное положение. Женщина неизменно остается собственностью клана, которому она принадлежала от рождения и такой-же собственностью считаются и рождаемые ею дети.[1])

При даваемом Лёнборгом возникновению матриархата прямолинейно экономическом об'яснении, остается совершенно непонятным, каким образом женщина получает социальный приоритет. Наоборот, при изображаемой им картине женщина всегда играет роль вещи, собственности, которой распоряжаются старейшие в клане. Когда мужчина в состоянии предоставить клану хозяйственный эквивалент, например, отработать положенное время, он имеет возможность всецело завладеть женой, перетащить ее в свой клан и т. д.

Дело обстоит таким образом сложнее, нежели это кажется Лёнбергу. Наш исследователь упускает также из виду обстоятельство, по другому поводу отмеченное Поль Декан, а именно, что при переходе мужчины в клан жены, он попадает в подчиненное положение не по отношению к жене, а—к старейшим, к вождям клана.[2]) Такого рода явление, в наше время еще имеющее место на юго-востоке Суматры и описанное им в 1908 году, Маццерелла предложил даже определять особым термином *амбиль*.[3])

Те пути, по которым осуществляется детерминирующее влияние хозяйственного быта первобытности на переход к материнской родословной, а следовательно и на возникновение матриархата, еще далеко не установлены наукой. Быть может наука и в дальнейшем не сможет опереться на фактические данные, а принуждена будет орудовать гипотетическим материалом. Но одно может считаться прочно установленным ею к настоящему времени: это—самый факт экономической детерминированности матриархата. Социальный приоритет женщины, осуществлявшийся по всем тем разнообразным направлениям, о которых я говорил выше, явился следствием того положения, которое женщина в результате трудовой дифференциации, начала занимать в хозяйственном быте орды, племени, народа.

Тот же взгляд на женщину, как на единственную производительницу потомства, в котором,—мы видели это,—многие исследователи

---

[1]) Sven Lönberg Der Klan, Übertragung aus dem schwedischen Verlegt bei Diederichs Iena 1921. S. 40.

[2]) Paul Descamps. Les causes de l'exogamie et de l'endogamie. Revue de l'Institut de Sociologie. Bruxelles. 1927. № 1, p. 70.

[3]) I. Mazzarella. Les Types sociaux et le droit. Doin. 1908, p. 216.

склонны искать об'яснение возникновению матриархата,—сам представляет результат экономического преобладания женщины в хозяйственной жизни. И лишь идеологической аберрацией можно об'яснить попытки превратить это несомненное следствие экономического факта в первопричину важнейшего социального института.

До тех пор, пока женщина является хозяйственным гегемоном, она признается и единственным производителем потомства. Но с тех пор, как мужчина начинает оспаривать ее хозяйственную гегемонию, он старается показать, что и ему обязано новое поколение , жизнью, что и он является родителем.

В этом отношении очень показателен обычай т. н. кувады, состоящий, как известно в том, что во время родов жены, муж ложится в кровать, кричит, плачет, стонет, корчится, одним словом, ведет себя как роженница. После родов муж также остается в кровати, строго соблюдает определенную диэту, к нему являются соседи с поздравлениями, выражают ему сочувствие и т. д.

Кувада является обычаем очень широкого распространения. Крише называет, как племена среди которых осуществляется кувада, караибов, папудосов и мундрокуров в области Амазонки в Южной Америке, маранов в Колумбии, китайское племя миаутсов, племена хоко, жившие между Андами и Парагваем, негров касанго и др. Как пережиток, кувада сохранилась вплоть до последнего времени у называвшихся уже выше басков, а следы ее заметны даже в некоторых областях современной Швейцарии и Германии.

Кувада не является, как это иногда утверждают, результатом принижения мужчины женщиной, заставляющей мужа делить с ней, хотя-бы символически муки родов. Не убедительны также попытки Вертингов вывести куваду из падавшей на мужа в эпоху матриархата обязанности заботиться о младенце, ни желание Рейка об'яснить ее помощью Фрейдова психоанализа.[1])

Я полагаю, что кувадой мужчина, начинавший играть в обществе более значительную, нежели женщина хозяйственную роль, выступал против традиционного отношения к женщине, как к единственной производительнице потомства. Кувадой отец как бы демонстрировал свое соучастие в акте рождения ребенка. Потому стоит особого внимания то обстоятельство, что к такой демонстрации мужчина стал прибегать лишь с тех пор, как хозяйственная роль женщины начала падать, а его собственная, наоборот, расти. Кувады почти не знает общество развернутого матриархата, когда женщина выступает хозяйственным гегемоном, но она—очень частый спутник общества, в котором эта гегемония начинает переходить из рук женщины в руки мужчины. Кувада типична для эпохи распада матриархальных отношений.

Очень существенен и тот факт, что когда мужчина всецело овла-

---

[1]) Reik. Probleme der Religionspsychologie. Jntern. Psychoanalitischer Verlag. Wien 1919. S. 227.

В основе Рейкова понимания кувады лежит известная мысль Фрейда об убийстве изгнанными из орды сыновьями отца. Сыновья—убийцы в рождающихся у них детях видели воскресшего отца. Они ждут от родившегося отомщения, и дабы избежать таковаго, убивают новорожденного. Так возникает обычай убийства первенцов. Но этот обычай приводит к конфликтам, ибо в сыновьях борятся враждебность и нежность по отношению к воскресшему в виде ребенка отцу. По мере усиления нежных чувств, убийство ребенка уступает место жертвоприношению животного. Запрет убийства ребенка подкрепляется запрещением поедать мясо принесенного в жертву животного. Так, отец ребенка обязывается к определенной диэте, что составляет одну из типических черт кувады. Другая типическая черта кувады—крики отца, его стоны и т. д. символизируют раскаяние в гнетущем его сознании убийстве и возрождение во вновь появляющемся существе его рода.

девает хозяйством и становится его главой, он не удовлетворяется уже демонстрацией своего соучастия в производстве потомства, а хочет показать, что ему в этом отношении принадлежит если не единственная, то во всяком случае, основная роль.

Лафарг приводит свидетельство Брета, наблюдавшего у индийцев Гвианы, как после родов муж невозмутимо лежит в гамаке, окруженный почтительнейшим и заботливейшим уходом женщин. Мать же тем временем была занята стряпней и никто с виду о ней не заботился.[1]) Так бывало сплошь и рядом: с сознанием собственного достоинства возлегающий на ложе, гримасничающий и стонающий супруг, окруженный гостями, и едва только поднявшаяся после родов, непривлекающая ничьего внимания жена. То было следствие угасающего уж матриархата.

Подобно тому, как в эпоху ее хозяйственного господства женщина стремится монополизировать свою роль в процессе деторождения, так и мужчина, становясь экономически господствующим полом, стремится показать, что лишь ему обязаны новые поколения жизнью. Аполлон в Эсхиловых „Эвменидах“ так формулирует эти притязания:

Не мать ребенка своего рождает,
Кормилица посеянного плода,
Родит отец, она хранит залог лишь
Для друга, если бог не помешает . . .

А ученые биологи и поднесь утверждают, что роль женщины в процессе оплодотворения и развития зародыша носит лишь пассивный характер, ибо—как заявляет, например, профессор Немилов „не она создает ребенка, а ребенок возникает в ней по мимо ее воли и сознания... Женщина биологически играет роль только инкубатора, в котором осуществляется зарождение новой жизни.[2])

Таким образом, мы можем притти к окончательному выводу, что социальный приоритет женщины не вытекал из приписываемой ей роли единственного производителя потомства, а что, наоборот, мысль об этой роли сама была следствием обусловленного причинами экономического порядка ее социального приоритета.

Теперь мы имеем возможность перейти к некоторым обобщениям.

Матриархат представляет собой систему отношений полов, при которой женщина пользуется всесторонним социальным приоритетом. Эта система возникает при переходе от кочевого к оседлому образу жизни, когда женщина оказывается приспособленнее мужчины к становящемуся основным видом хозяйства—земледелию. Таким образом, женщина возглавляет производственный процесс, становится центральным экономическим стержнем общества, находящегося в стадии примитивного земледелия. Следствием этого ее положения является ее приоритет во всех социальных отношениях.

Теперь возникает вопрос о том, как долго исторически существовала эта система. Ответ напрашивается сам собою: до тех пор, пока длилась породившая ее фаза примитивного земледелия, характеризуемая переходом от кочевничества к оседлости и обработкой земли палкой, заступом, киркой.

Но эта стадия исторически весьма недолговечна. С ее завершением исчезают и предпосылки, обусловившие возникновение матриархальной системы, следовательно, начинает распадаться и сама система. Пауль Крише вполне прав, говоря, что „естественная склонность жен-

[1]) Поль Лафарг. Очерки по истории культуры. Стр. 49.

[2]) Проф. А. В. Немилов. Биологическая трагедия женщины. Изд. 3. Лнг. 1927 Стр. 101 и 102.

щины к оседлости дала ей хозяйственное и всяческое общественное преимущество лишь единственно в эпоху перехода от бродячего к оседлому образу жизни; ибо с тех пор, как начали производить больше, чем требовалось, как жизненные потребности повышались и все сильнее проявлялась необходимость в продуктах других местностей..., снова выдвинулся, и на этот раз прочно, мужчина с его склонностью к бродяжничеству, блужданию и путешествиям—он становится носителем обмена, торговли, посредничества, служащих новым потребностям техники“...[1]). Так мужчина берет свой социальный реванш, и в истории он почти повсеместно выступает, как глава общественной жизни и господин женщины. Ниспровержение материнского права было,—говорит Фридрих Энгельс,—„поражением женского пола, имеющим всемирное историческое значение. Муж захватил и в доме бразды правления, а женщина утратила свое почетное положение, была порабощена, превращена в рабу его страстей, простое орудие для деторождения“[2]).

Вся писанная история человечества проходит под знаком патриархальных отношений, под знаком господства мужчины, использовывающего свой социальный приоритет гораздо необузданнее, нежели это делала женщина в кратковременную эпоху ее господства.

Говоря о матриархате, мы указывали выше, что эта система сопутствовала фазе примитивного земледелия. Не следует, однако, понимать, что с завершением этой фазы автоматически исчез и матриархат.

Матриархат не исчезает сразу, а распадается постепенно, проходя через ряд промежуточных стадий и порождая своеобразные, „переходного типа“ отношения. Характерным образцом такого рода „переходных форм“ является т. н. авункулат т. е. социальный приоритет брата матери. При авункулате судьба детей ставится в зависимость от их старшего дяди с материнской стороны. Этот дядя нередко занимает положение главы семьи. Авункулат знаменует собою уж некоторый сдвиг от матриархальных отношений в сторону мужского властвования, но в это же время он подчеркивает еще остающееся привиллегированным положение женщины. Попадаются у некоторых племен, наряду с „переходными“ и смешанные формы, знаменующие копромисс между материнским и отцовским правом. При смешанной форме дети поочередно распределяются между родителями, так что, примерно, первый ребенок считается материнским, второй—отцовским, третий—снова материнским и т. д. Наследование осуществляется в строгом соответствии с этим разделением. Мать передает имущество „своим“ детям, отец также „своим“[3]).

С любопытной формой смешения матриархата с патриархатом мы встречаемся на африканских островах Палау. Там женщины и мужчины имеют свои отдельные правительства. Каждый пол имеет своего отдельного главу: мужчины—короля, женщины—королеву. В подчинении первому находится целый штат чиновников—мужчин, в подчинении второй—женщин. Женское правительство, т. н. раупакальдит, охраняет порядок среди женщин и устраивает свои судебные заседания, в которые мужчины не имеют права вмешиваться. Оба правительства вообще существуют совершенно независимо одно от другого[4]).

С поднятием общества на более высокие экономические ступени

---

[1]) Paul Krische. Op. cit. S. 242-3.

[2]) Фридрих Энгельс. Происхождение семьи, собственности, государства. Стр. 39.

[3]) Подобная форма встречалась, по свидетельству Вилькена, у бугинесов, макассаров, савунессов и некоторых других племен. См. Гроссе. Формы семьи и формы хозяйства. Стр. 258—9.

[4]) Ferd. v. Reitzenstein. Das Weib bei den Naturvölkern. Verl. Neufeld und Henius. Berlin 1923. S. 222—3.

матриархальная система начинает распадаться, но ее отдельные элементы оказываются чрезвычайно живучими. Традиция консервирует отдельные проявления матриархальных отношений и хранит их на протяжении тысячелетий, передавая от поколения к поколению.

Таким образом, с матриархальными пережитками мы встречаемся у всех почти народов. Даже в наиболее поздние исторические фазы мы сталкиваемся со следами давно исчезнувшего матриархата,—рудиментарными явлениями в области быта, нравов, речи, религии и т. д. То—анарханизмы, лишенные социального содержания, но хранящие оболочку отмеревшей системы. Образчиком такого явления может служить ведущийся у кучинов, у нутка и некоторых племен счет происхождения по женской линии при общем угнетенном положении женщины. Такая феминизированная родословная при всестороннем господстве мужчины представляет собою сохранившийся в виде пережитка правовой институт, из которого улетучилось всякое социальное содержание.

У современного племени тибу (теда) проживающего в одном из оазисов Центральной Сахары, при родословной, которая ведется по женской линии, женщина находится в полурабском положении—она не имеет даже права обедать в присутствии мужа, ей возбраняется произносить его имя и т. д.[1]). С женской же родословной мы встречаемся у некоторых африканских племен, которые определяют жену, как „вола своего мужа“ и у некоторых китайских—которые устраивают в своем жилище два хода—один для мужчин, другой для женщин и собак.

Таковы исторические нелепицы, получающиеся в результате столкновения анахронистически сохранившихся осколков отмершей матриархальной системы с новыми социальными условиями, в которых женщина играет ничтожную роль и является малозначущим придатком производственного процесса.

Но если говорить о правиле, а не об исключении, то женская родословная при мужском господстве считается явлением оскорбительным. Характерен в этом отношении следующий исторический факт. При введении царским правительством в начале XIX века обязательного именования евреев по фамилиям, чиновники старались навязать евреям унизительные и по возможности оскорбляющие человеческое достоинство фамилии, и вот в качестве одной из таких оскорбительных мер было установление фамилий, производных не от имени мужских родителей, как это было с „коренным“ населением (Павлов, Сидоров, Антонов, Петров, Иванов и т. д.), а от женских. Отсюда и обилие феминизированных еврейских фамилий (Бейлин, Хавкин, Рывкин, Блюмкин, Марьясин, Цыпкин, Кейлин, Хайкин, Эткин, Брохин, Соркин, Гиндин, Златкин, Миркин, Лейкин, Рохкин и т. д.). У русского же населения феминизированные фамилии являются исключением и большей частью навязывались также с оскорбительной целью крепостным, как, например, Машкин или Малашкин.

В заключение, я бы хотел еще сделать следующее пояснение: Термин „матриархат“ мною употреблялся при всем изложении в более широком смысле, нежели это имеет место в обычном для социологической литературы, но достаточно запутанном словоупотреблении, когда противопоставляются друг другу, как различные, понятия матриархата и гинекократии. Так, например, Максим Ковалевский утверждает, что „материнство не стоит в причинной связи с гинекратией или

---

[1]) Albert Friedenthal. Das Weib im Leben der Völker. S 220.

господством женщины в семье, что его значение ограничено одним счетом родства...“[1]). Мюллер-Лиэр-же заявляет, что „с матриархатом не следует смешивать гиненократии. Матриархат—господство матери в семье,—гиненократия, напротив, политическое господство женщины, господство женщин в государстве“[2]). Как мы видим, Ковалевский матриархатом считает лишь женскую родословную, господство же женщины над семьей является в его глазах гинекократией. Мюллер-Лиэр-же относит семейную власть к матриархату, а лишь ее политическую власть признает гинекократией.

Эта терминологическая путаница проявляется у двух виднейших представителей генеономии не случайно. Она является неизбежным результатом допускаемого ими отрыва друг от друга явлений, представляющих из себя элементы единой системы социального приоритета женщины, долженствующей быть обозначенной одним и единственным термином. Мы и считаем наиболее целесообразным в качестве этого термина употреблять „матриархат“. И счет по женской линии, и семейная власть женщины, и ее политическое господство, и другие рассмотренные нами выше факты, представляют собою взаимно-связанные и обусловленные одной и той же причиной экономического порядка явления. Из того, что эти явления на историческом фоне часто попадаются разрозненными, отнюдь не следует, что и при социологическом анализе мы должны их изолировать друг от друга. Наоборот, плодотворность этого анализа требует их рассмотрения в диалектической взаимосвязанности. Лишь эта диалектическая взаимосвязанность поможет нам получить необходимое и соответствующее действительности представление о важнейшем социальном институте, который в одни исторические эпохи существовал, как цельная и развернутая система взаимоотношений полов, в другие-же сохранялся в виде отдельных, поддерживаемых традицией фактов и общественных пережитков.

В нашем частном случае, как и всегда, материалистическая диалектика оказывается победительницей.

---

[1]) Максим Ковалевский. Социология. Т. 11. Стр. 64.
[2]) Ф. Мюллер-Лиэр, Формы брака, семьи и родства М. 1913. Стр. 72.

Праф. М. Грэдынгер.

Значэньне пастаноў найвышэйшага суда і права насьледваньня так званых фактычных супругаў.

Найбольш аўтарытэтны пандэктысты другой паловы XIX стагодзьдзя і пачатку нашага, агульны настаўнік цэлае пляяды славутых прадстаўнікоў расійскай цывілістыкі, Гэнрых Дэрнбург, вучыў, што судовая практыка, як права юрыстых, тады мае значэньне і сілу закона, калі яна выражае сабою ўсеагульнае,аднастайнае і доўгачасовае ўжываньне якога небудзь палажэньня права.[1]) Але паасобныя судовыя рашэньні, якія хаця і выходзяць ад вышэйшых інстанцый, па думцы Дэрнбурга, судовую практыкаю яшчэ не зьяўляюцца.

Судовая практыка, такім чынам, ставіцца на ступень крыніцы права, столькі ж аўтарытэтнага, столькі ж актуальнага, як і самае пазытыўнае заканадаўства, з якога бяруцца нормы для вырашэньня канкрэтных выпадкаў.

Аднак, такі погляд на значэньне прэюдыцый далёка ня ўсімі падзяляецца. Ад падобнага прыраўненьня судовае практыкі да закону перадасьцярагаў яшчэ Юстыніан, кажучы, што non exemplis, sed legibus judicandum est. [2])

І сапраўды, нельга сумнявацца ў тым, што суд ня прызваны да ўтварэньня закону, а ўся задача яго ёсьць ужываньне норм дзеючага права, таму судовая практыка і ня можа разглядацца, як асобны від права нароўні з пазытыўным законам і звычаевым правам, пасколькі звычаевае права дапушчаецца ў вызначаных законам межах. Ясна, што рашэньні і пастановы, у якіх адбіваецца судовая практыка, павінны выражаць толькі вывады з законаў, падводзячы праз лягічныя ўмазаключэньні фактычныя грамадзкія адносіны пад устаноўленыя юрыдычныя нормы. Здавалася б, што ўжо па гэтай прычыне работа суда, як работа падзаконная і, такім чынам, падкантрольная, ня можа стаць побач з законам і нават яго замяніць.

Але, ня гледзячы на бясспрэчнасьць гэтага палажэньня, ясна адно, што ў псіхіцы людзей гэта практыка, як гаворыць Петражыцкі, часамі набывае значэньне нарматыўнага факту.[3]) Аднак, ні паасобныя судовыя рашэньні па аднародных справах, так званыя прэюдыцыі, ні пастаянная і аднастайная судовая практыка, не зьяўляюцца крыніцаю права.[4]) На такім самым поглядзе, што прэюдыцыі ня ёсьць крыніца права, і што суд не зьвязаны ні сваімі раней вынесенымі рашэньнямі па аднародных справах, ні рашэньнямі вышэйшага суда, стаіць таксама пануючая дактрына.

---

[1]) Дэрнбург. Пандэкты § 29.

[2]) L. 13 C. де sent. 7,45.

[3]) Петражицкий, Теория права и государства в связи с теорией нравственности, т. II—1910 г., стр. 573.—Паказаныя нарматыўныя факты зьяўляюцца падставаю таго, што ісцу і адказчыку прыпісваюцца пэўныя правы і абавязкі.

[4]) Петражицкий, там-сама, ст. 575.

З прычыны адзначанага разнагалосься аб сіле і значэньні судовае практыкі, будзе мэтазгодным, падыходзячы да бліжэйшага разгляду цікавячай нас праблемы, падзяліць яе на два пытаньні. Трэба: 1) выясьніць значэньне судовай практыкі, якая выражаецца ў пастаянна вынасімых аднародных рашэньнях судоў адналькавай ступені, і 2) вызначыць нарматыўную сілу судоў вышэйшай інстанцыі.

У заходня-эўрапейскіх дзяржавах, апроч, галоўным чынам, Англіі, сіла судовых рашэньняў абмяжоўваецца толькі тымі справамі, па якіх яны вынесены. Аднак, у Англіі, дзе ва многіх галінах эканамічнага жыцьця няма заканадаўчай нормы для рэгуляваньня фактычных адносін, судзьдзі ня толькі вырашаюць грамадзянскія спрэчкі па іх, але і выступаюць у ролі дазорцаў і праваднікоў так званага агульнага закону (common law), які выяўляецца у іх рашэньнях, абавязковых для кіраваньня ў наступных аналягічных выпадках. Толькі вельмі рэдка і не іначай, як з прычыны супярэчаньня розуму і так званай справядлівасьці, дапушчаецца адступленьне ад раз пастаноўленых рашэньняў. Пры такіх умовах у Англіі судовым рашэньням прысвойваецца значэньне сапраўднае крыніцы права. Але гэта яшчэ ня значыць, што рашэньні ніжэйшых судоў нельга нармальна абвергнуць; наадварот, яны могуць вышэйшаю інстанцыяю скасоўвацца. Трэба, аднак, адзначыць, што недастача і непаўната кадыфікаванага права, што тлумачыцца асабістасьцю разьвіцьця права у Англіі, там ужо даўно адчуваецца вельмі востра.

У працівалегласьць Англіі, ні ў Нямеччыне і Аўстрыі, ні ў раманскіх і іншых краінах Заходняе Эўропы, сіла судовых рашэньняў не пашыраецца за межы тых спраў, па якіх яны пастаноўлены. Суд, якому справа перададзена на новы разгляд, зразумела, павінен лічыцца з растлумачэньнем вышэйшай інстанцыі і ня мае права аслухацца яе, таму што гэтая інстанцыя ўпаўнаважана растлумачваць законы, якія ўжыты у данай справе, альбо павінны былі быць ужыты у ёй. Толькі ва Францыі, пасьля доўгіх экспэрымэнтаў заканадаўства, замацаваўся прынцып, паводле якога суд мае права і ня слухацца растлумачэньняў касацыйнае інстанцыі, апроч тых выпадкаў, калі такое растлумачэньне выходзіць ад агульнага сходу членаў касацыйнага суда.

Бясспрэчна, што рашэньні Найвышэйшага (касацыйнага) Суда зьяўляюцца абавязковымі да выкананьня ў тых справах, па якіх яны пастаноўлены.

Зусім паасобку ад усталяваўшагася ў кантынентальнай Эўропе погляду на сілу і значэньне рашэньняў вышэйшага суда стаяла практыка дарэвалюцыйных расійскіх судоў.

Усім вядома, што гэтыя судовыя ўстановы не баяліся адступаць ад вынесеных імі ж па аднародных справах рашэньняў. Але гэтае зьявішча было не пад уплывам самакрытыкі. Калі суды не даражылі сваімі ранейшымі рашэньнямі, з лёгкім сумленьнем адступаючы ад тых поглядаў, якія праводзіліся імі, то прычына такога зьявішча знаходзілася ў надзвычайнай пашане да рашэньняў вышэйшых інстанцый. Пры тым параўнальна высокім адукацыйным узроўні, на якім знаходзіўся судовы пэрсанал, гэта можа здавацца дзіўным. Але тутака адыграла смутную ролю пазыцыя, на якую стаў найвышэйшы суд дарэвалюцыйнай Расіі у асобе Сэнату, які ўстанавіў догму аб абавязковасьці для ўсіх яго растлумачэньняў. Гэтая догма, якая ня мела пад сабою юрыдычнае падставы, была вынікам узурпацыі ўлады і рэзка супярэчыла прынцыпам дзеяўшага заканадаўства, чаму яна і спаткала агульны адпор ва ўсёй навуковай юрыдычнай літаратуры. Раней за ўсіх выступіў супроць фальшывага кірунку, які працярабляў сабе сьцежку ў прак-

тыцы судоў, талёнвы праўнік Думашэўскі, які з адноскаю на арт. 78 „Полож. о преобразовании судебной части“ і арт. 813 „Уст. Гражд. Судопроизводства“ неабвяржальна давёў, што толькі той суд, у які накірована справа для новага рашэньня, павінен у растлумачэньне сапраўднага сэнсу закону, пакарыцца погляду сэнату. Так іменна і запісана было у арт. 813 паказанага статуту: „В раз‘яснение точного разума закона судебныя установления обязаны подчиняться суждению сэната, и кассационные жалобы против постановленного на сем основании второго решения ни в каком случае не приемлются“.

У адпаведнасьці з паказаным і не было двух поглядаў аб тым, што сэнацкія разьясьненьні ня маюць агульнаабавязковае сілы. Выдатнейшыя праўнікі: Градоўскі, Малышаў, Гольмстэн, Энгельман і Шэршэневіч выразілі сваю поўную салідарнасьць з Думашэўскім. Нават Пабеданосцаў заявіў, што тэорыя абавязковасьці касацыйных рашэньняў проста абвяргаецца арт. 12 „Уст. Уг. Судопроизв.“ і арт. 9 „Уст. Гражд. Судопроизв.“[1]) А. Аненкаў прызнаў патрэбным яшчэ падкрэсьліць, што ва Францыі, адкуль расійскія статуты грамадзянскага і крымінальнага працэсу запазычылі свае касацыйнае справаводзтва, рашэньні Парыскага касацыйнага суда зусім ня маюць агульнаабавязковага значэньня. Між тым касацыйныя рашэньні карыстаюцца ў французскіх судох высокім аўтарытэтам і з ахотаю прымаюцца да кіраваньня, дзякуючы сваіх унутраных уласьцівасьцяй. Таксама, калі ў 815 арт. „Уст. Гражд. Судопр.“ было запісана, што „все решения и определения кассационных департаментов сэната, которыми раз‘ясняется точный смысл законов, публикуются во всеобщее сведение для руководства к единообразному истолкованию и применению оных“, то тутака юрыдычная сутнасьць была не ў „ratio imperii“, па якой гэтыя разьясьненьні мелі абавязковую сілу для ўсіх, а наадварот, у „imperium rationis“, лягічнай пераканальнасьці і ўнутраных якасьцях гэтых рашэньняў. Арт. 815 зьяўляецца lex imperfecta, закон, які ня мае санкцыі, і таму адзіная мэта, якую ставіў сабе гэты закон, устанавіўшы правіла аб апублікаваньні сэнацкіх разьясьненьняў да ўсеагульнага ведаму, заключалася ў тым, каб суды лічыліся з імі, не ўхіляючыся ад іх без патрэбы і матывіроўкі.

Рашэньні, што выдаваліся агульным сходам сэнату, дзеля разьясьненьня пытаньняў, якія розна вырашаліся судамі альбо выклікалі сумненьне ў практыцы, мелі сваею выключнаю задачаю быць дырэктываю для аднастайнага растлумачэньня і ўжываньня закону. Цікава, што, навязваючы другім судом неабгрунтованы догмат аб абавязковасьці сваіх рашэньняў да безумоўнага выкананьня, сам сэнат зусім не лічыў сябе зьвязаным сваімі ўласнымі інтэрпрэтацыямі і устанавіў правіла, што пераважнае значэньне мае тое рашэньне, якое надрукована пазьней.[2])

Такім чынам, сэнат прысвоіў сабе заканадаўчую дзейнасьць.

Паглядзім цяперака, у якім стане знаходзіцца пытаньне аб прэюдыцыях, як крыніцы права, у Саюз ССР.

Вельмі цікава, як разумее сваю ролю сам Найвышэйшы Суд РСФСР. У № 1-м двухтыднёвіка: „Судебная Практика РСФСР“, які пачаў выходзіць з 15 студзеня 1927 г., надрукован праграмны артыкул, падпісаны Старшынёю Найвышэйшага Суда паказанай рэспублікі— П. І. Стучкай. Ён настолькі паказальны, ясны, катэгарычны і вычэрпываючы, што мэтазгодна будзе, хоць бы часткова, прывесьці даслоўна запісаныя ў гэтым артыкуле палажэньні.

---

[1]) Победоносцев в „Судебном журнале“; 1873 г. № 4, ст. „О силе кассационных решений“.

[2]) Реш. № 1628—1870 г.; № 143—1879 г.

Як вядома, паводле новай рэдакцыі арт. 180 Палажэньня аб судабудаўніцтве РСФСР, разьясьненьні Пленуму Найвышэйшага Суда аб растлумачэньні законаў па ўсіх пытаньнях судовае практыкі ў галіне працэсуальнага і матар'яльнага права абавязковы для ўсіх судовых установ, дзеючых на тэрыторыі РСФСР.

„Такім чынам, гаворыць рэдакцыя новага выданьня Найвышэйшага Суда у асобе яго Старшыні, вырашаюцца ўсе сумненьні пры сутычцы гэтых разьясьненьняў з разьясьненьнямі іншых судоў і ўстаноў на карысьць разьясьненьняў Найвышэйшага Суда. Аднак, мы бачым, што ў літаратуры мы спатыкаем фальшывыя думкі аб значэньні гэтых разьясьненьняў Пленуму ў сэнсе заканадаўства, якое Найвышэйшаму Суду зусім не дадзена. Зразумела, разьясьненьні Найвышэйшага Суда не зьяўляюцца заканадаўчымі актамі, але яны, безумоўна, маюць праватворчае значэньне, так сама як і ў меншай ступені рашэньні іншых судоў паводле самога закону. (Напрыклад, арт. 4 ГПК). Як ні адзін суд ня можа ўхіліцца ад вырашэньня канкрэтнага пытаньня з прычыны адсутнасьці закону, так і Найвышэйшы Суд ня можа ад гэтага адмовіцца. І ні адзін раз Найвышэйшаму Суду прыходзіцца пісаць: Найвышэйшы Суд, пакуль ня будзе выдан новы закон, разьясьняе“.[1])

Ня будзем спыняцца на маленькай недакладнасьці, дапушчанай ў паказаным праграмным артыкуле. Калі разумець правіла аб тым, што ніякі суд ня можа ўхіляцца ад вырашэньня канкрэтнай справы з прычыны забароны спыняць вырашэньне справы дзякуючы непаўнаце, няяснасьці, недастачы альбо супярэчаньню закона (такім чынам высьвятліла арт. 4 Украінскае заканадаўства), то ў даным выпадку запаматавалі аб адным. Запамятавалі аб вынятку з агульнага правіла, запісанага у арт. 247 ГПК. Гэты артыкул (у Беларускай рэдакцыі—арт. 290) гаворыць: „Калі пры разглядзе справы Касацыйная Калегія Найвышэйшага Суда знаходзіць патрэбным выдаць кіручае растлумачэньне сэнсу закона, то разбор справы адкладаецца да таго часу, пакуль сэнс закону ня будзе растлумачаны Пленумам Найвышэйшага Суда“. Пленум жа выдае разьясьненьні не прыстасавальна толькі да канкрэтнай справы, а у агульнай форме, каб і на будучы час судовая практыка і па іншых справах не памылялася, спаткаўшы непаразуменьне. Такім чынам, трэба з задавальненьнем адзначыць, што, як відаць з паказанага вышэй артыкулу, Найвышэйшы Суд РСФСР заняў такую пазыцыю, на якой звычайна стаіць вышэйшы касацыйны суд і па іншых заканадаўствах у інтарэсах дапамогі ўстанаўленьню аднастайнай судовай практыкі праз інтэрпрэтацыю законаў. Пленарным разьясьненьнем Найвышэйшага Суда прысвойваецца абавязковае значэньне не ratione imperii, a imperio rationis!

Вось бясспрэчны вывад са зьместу праграмнага артыкулу. Гэты вывад ня можа лічыцца гэрасью нават пры існаваньні новае рэдакцыі паказ. арт. Палажэньня аб судабудаўніцтве, бо правіла аб тым, што разьясьненьні Пленума па растлумачэньні законаў абавязковы для ўсіх судовых устаноў яшчэ ня азначае катэгарычнага вымаганьня, каб такія разьясьненьні безумоўна выконваліся ўсімі судамі рэспублікі. Гэтае правіла толькі значыць, што пленарныя разьясьненьні Найвышэйшага Суда абавязкова павінны прымацца як кіруючыя („к руководству“) і што судовыя ўстановы ня могуць не лічыцца пры разглядзе аналёгічных спраў з гэтымі разьясьненьнямі, як з пэўнымі ўзорамі, якія выходзяць ад найаўтарытэтнага судовага органа. Падцьвярджэньнем гэтага вываду зьяўляецца тое, паміж іншым, што дзеючае заканадаўства нідзе не падкрэсьлівае, што паказаныя разьясьненьні абавязковы для выка-

[1]) Расійскі тэкст: „Верхсуд впердь до издания особого закона раз'ясняет“.

наньня („к исполнению“). Абавязковасьць гэтых разьясненьняў можна разумець, у дваякім сэнсе як абавязковасьць да кіраваньня і да выкананьня, што не зьяўляецца сынонімам.

У якім жа сэнсе мы павінны разумець абавязковасьць паказаных пленарных разьясненьняў?

Каб атрымаць правільны адказ на гэтае пытаньне, трэба мець на ўвазе, што і пленум можа памыляцца і выносіць неўзгодненыя з агульнымі прынцыпамі савецкага заканадаўства разьясненьні па розных пытаньнях судовай практыкі ў галіне матар‘яльнага і працэсуальнага права[1]). Такія разьясненьні, трэба думаць, рана ці позна будуць заўважаны самім пленумам і ім жа папраўлены праз выданьне новых разьясненьняў, якія будуць супярэчыць раней выданым. Тады паўстане само сабою пытаньне, якому з двох супярэчных па сваім зьместу разьясненьняў суды павінны будуць аддаваць перавагу? Ці трэба нам паўтараць той мэханічны мэтад, які ў падобных умовах ужываўся былым расійскім сэнатам для сваіх рашэньняў. У кожным разе, да разьясненьняў Найвышэйшага Суда, нельга ўжыць правіла lex posterior priori derogat, бо разьясненьні Найвышэйшага Суда ня ёсьць законы. А калі гэта так, то ясна, што іх сіла і значэньне знаходзіцца не ў надворным аўтарытэце, а у іх унутраных якасьцях, высокай вартасьці лёгічнага сэнсу і пераканальнасьці. Зразумела, мажлівы выпадкі, калі выдаваныя разьясненьні ня будуць мець паказаных якасьцяй, і гэтая акалічнасьць, бясспрэчна, пазбавіць іх аўтарытэтнасьці.

У паказаным вышэй артыкуле, у часопісі „Судебная Практика“, праўда, праводзіцца тая думка, што разьясненьні і цыркуляры Найвышэйшага Суда зьяўляюцца не распараджэньнямі па прыкладу адміністрацыйных цыркуляраў, а разьясненьнямі, як і іншыя судовыя рашэньні, чаму сам Найвышэйшы Суд мае права скасоўваць і зьмяняць іх толькі тады, калі зьмяняюцца акалічнасьці, напр., пры выданьні новага закона, а скасоўвацца яны могуць толькі паводле пастановы Прэзыдыўму Цэнтральнага Выканаўчага Камітэту і ў пэўных выпадках—Найвышэйшага Суда Саюзу ССР альбо Прэзыдыўму ЦВК Саюзу. Бясспрэчна, зразумела, што Пракурор Рэспублікі мае права і павінен прасіць Савет Народных Камісараў альбо Прэзыдыум ЦВК аб скасаваньні альбо зьмене няправільных кіруючых разьясненьняў і распараджэньняў таксама і Найвышэйшага Суда. Але гэта яшчэ зусім ня значыць, што Найвышэйшы Суд ня мае права самакрытыкі і права папраўляць свае памылкі.

З такім вывадам часткова ўзгадняецца і судовая практыка. Так, вядомы выпадкі, калі Найвышэйшыя Суды самі зьмянялі свае ранейшыя кіруючыя разьясненьні. Напрыклад, Пленум Найвышэйшага Суда БССР выдаў 20 студзеня 1927 г. кіруючае разьясненьне, у якім на скасаваньне разьясненьня таго самага Пленума за 27 верасьня 1925 г. паказваецца, што іскі, па якіх вымаганьне існа

[1]) Досыць прывесьці хаця б такі прыклад. У дзейнічаўшай да 1927 г. (С. У РСФСР—1927, № 1 ст. 3) рэдакцыі ўвагі да арт. 404 Г. К. (у беларускай рэдакцыі арт 406) ня было вырашана пытаньне аб ужывальнасьці агульных асноў прыпыненьня і павялічэньня тэрмінаў іскавое даўнасьці, прадугледжаных арт. арт. 48 і 49 Г. К. да скарочанага тэрміну, устаноўленага для адказнасьці дзяржаўных органаў. Пленум Найвышэйшага Суда РСФСР пасьпяшыў выдаць кіруючае разьясненьне (лістапада 1925 г.), паводле якога арт 49 ГК аб праве суда на павялічэньне агульнага тэрміну іскавое даўнасьці ня можа ўжывацца да ска очаных тэрмінаў даўнасьці. Памылковасьць гэтага разьясненьня пленума была аўтарытэтна высьветлена выданьнем закону (новаю рэдакцыяю паказанае ўвагі), якая падцьвярджае ўжывальнасьць агульных асноў прыпыненьня і працягу тэрмінаў даўнасьці (арт. арт. 48 і 49) паісках да органаў дзяржавы. (Гл. праф. Чэрэпахін, артыкул „К вопросу об исковой давности по обязательствам из причинения вреда“ у журнале „Право и Жизнь“ кн. 4 за 1927 г. ст. 9—12).

абмяжоўваецца адным высяленьнем, судоваю пошлінаю не аплачваюца.

Калі пачаць шукаць падставу „разьясьняльнай дзейнасьці“ Найвышэйшага Суда, то ня цяжка будзе знайсьці яе ў прынцыпе, які праводзіцца у арт. 4 ГПК. Гэты артыкул загадвае суду ў выпадку недастачы законаў і загадаў для вырашэньня якой небудзь справы вырашаць яе, кіруючыся агульнымі прынцыпамі савецкага заканадаўства і агульнаю палытікаю Рабоча-Сялянскага Ураду. Адзначаны прынцып высьветлены яшчэ яскравей і паўней у прыведзенай ужо украінскай рэдакцыі паказанага артыкулу, паводле якога суд ня можа адмаўляцца вырашаць справу дзякуючы непаўнаце, недастачы альбо супярэчаньню закона і вырашае справу, кіруючыся агульнымі прынцыпамі савецкага заканадаўства і агульнаю палітыкаю ўраду. Спыненьне вырашэньня справы з прычыны пералічаных матываў не магло-б разглядацца іначай, як адмаўленьне ў правасудзьдзі. Таму ня толькі Найвышэйшы Суд, але і кожны савецкі суд прызваны да разьясьняльнай работы. Вось чаму і пленумы акруговых альбо губэрскіх судоў (Положение о судоустройстве РСФСР, ст. 70; БССР, арт. 42; УССР арт. 67) прызваны да разгляду пытаньняў, што ўносяцца старшынёю альбо паасобным складам суда, альбо акруговым пракурорам, і зьвязаны з няяснасьцю альбо непаўнатою дзейчых законаў, хаця яны і маюць сувязь з якою небудзь канкрэтнаю справаю ці рашэньнем. Копіі пастановы пленума накіроўваюцца у Найвышэйшы Суд і Народны Камісарыят Юстыцыі—паводле палажэньня РСФСР, у Найвышэйшы Суд, Народны Камісарыят Юстыцыі і Акруговы выканаўчы камітэт—паводле палажэньня БССР і ў Найвышэйшы Суд—паводле палажэньня УССР.

Зразумела, што паміж разьясьняльнымі функцыямі найвышэйшых і іншых судоў ёсьць значная розьніца. Гэтая розьніца заключаецца ў тым, што разьясьняльная дзейнасьць апошніх зьяўляецца падкантрольнай і абмяжована ў сваім эфэкце. Разьясьненьні ж Найвышэйшага Суда па інтэрпрэтацыі законаў, як паказана вышэй, лічацца абавязковымі да кіраваньня, для ўсіх судоў адпаведнай рэспублікі, а разьясьненьні іншых судоў такога значэньня, зразумела, мець ня могуць. Апрочь гэтага, разьясьненьні акруговых (альбо губэрскіх) судоў, як выходзячыя ад устаноў персанальны склад якіх звычайна не зьяўляецца настолько кваліфікаваным, як персанал Найвышэйшага Суда,— могуць і ня быць на патрэбнай вышыні. Імена такі вывад зрабіў Найвышэйшы Суд РСФСР, калі ён сваім абежнікам № 59—1923 г. забараніў падпарадкаваным яму губэрскім судом апублікоўваць свае касацыйныя пастановы.

У сувязі з напісаным вышэй, для рэальнага значэньня разьясьненьняў Найвышэйшага Суда, безумоўна патрэбна, каб яны друкаваліся да агульнага ведаму, (што, па праўдзе кажучы, ня ўсюды робіцца), бо іначай гэтыя разьясьненьні па растлумачэньні законаў у пытаньнях судовай практыкі не маглі б рабіць пажаданага ўплыву. Калі, такім чынам, прынцыпова важнае практычнае значэньне кіруючых разьясьненьняў найвышэйшых судоў не выклікае ніякага сумненьня, то нельга таго самага сказаць пра пастановы касацыйных калегий Найвышэйшага Суда. Здаецца яшчэ не паўставала ніякага непаразуменьня ў тым, што гэтыя пастановы маюць абавязковую сілу толькі па той канкрэтнай справе, рашэньне па якой было скасована і якая перададзена на новы разгляд другому суду, зьяўляючыся для яго безумоўна абавязковаю да выкананьня. Пасколькі, аднак, і такія паасобныя, больш ці менш выпадковыя пастановы могуць мець высокія ўнутраныя якасьці і быць узорам для правільнага вырашэньня прынцыповых пытаньняў, ім нельга адмовіць у значэньні кіруючых прэцэдэнтаў, якія

дапамагаюць устанаўленьню працяжнага і аднастайнага ўжываньня пэўных норм права. У гэтым сэнсе можна аб'яднаць пленарныя разьясьненьні і паасобныя прэцэдэнты пад агульнаю назваю прэюдыцыяльнага права, якое ставіць судовую практыку на належныя рэльсы.

* * *

Такім чынам, можна ўстанавіць палажэньне, што кіруючыя разьясьненьні Найвышэйшага Суда маюць абавязковую сілу ня ў тым сэнсе, што яны павінны абавязкова і безумоўна выконвацца ўсімі судамі данае рэспублікі, а толькі, як прыклад для кіраваньня імі альбо як узор правільнай інтэрпрэтацыі праўных норм. Бясспрэчна і тое, што пры сутычцы гэтых разьясьненьняў з разьясьненьнямі іншых судоў, павінна аддавацца перавага першым. Але гэта яшчэ ня значыць, што ім, як нейкім ідалам, трэба безумоўна пакланяцца без усякай крытыкі, бо савецкі суд, як справядліва падкрэсьлівае П. І. Стучка, у сваёй навейшай працы, больш за ўсе павінен пранікнуцца рэвалюцыйнаю дыялектыкаю, каб яго практыка, якая, як аб гэтым кажа названы аўтар, мае каласальнае значэньне, як крыніца грамадзянскага права, не акачанела ў безжыцьцёвым захапленьні літараю прэцэдэнта.[1])

Зазначым, да рэчы, што паказаны вышэй зьменены тэкст арт., які трактуе аб разьясьняльнай дзейнасьці Найвышэйшага Суда, пакуль што праведзены толькі ў „Положении о судоустройстве РСФСР". Ні БССР, ні УССР гэтай рэдакцыі не ўжылі. Пры гэтым заслугоўвае увагі тое, што паводле Украінскага палажэньня аб судабудаўніцтве інтэрпрэтацыйная роля Найвышэйшага Суда характарызуецца (арт. 89), як кіруючыя растлумачэньні законаў па пытаньнях судовай практыкі, у той час, як Беларускае палажэньне, дапасоўна да данага выпадку, гаворыць толькі наогул пра растлумачэньні законаў па пытаньнях судовай практыкі, не падкрэсьліваючы, што гэта растлумачэньне зьяўляецца кіруючым.

Аднак, прапануемае намі аб'ясьненьне юрыдычнай сілы кіруючых разьясьненьняў можа спаткаць супярэчаньні з адноскаю на арт. 4 „Положения о Верховном Суде Союза ССР". Артыкул гэты, як вядома, гаворыць, што пастановы і рашэньні Найвышэйшага Суда СССР абавязковы для усіх судоў і ўстаноў СССР і таксама саюзных рэспублік. Але і такая адноска ня ёсьць довад таго, што кіруючыя разьясьненьні Найвышэйшага Суда зьяўляюцца абавязковымі для беспасрэднага выкананьня, а ня толькі, як узор („руководство"), чаму і не абвяргае нашага погляду.

Вось які дагматычны бок гэтага пытаньня. На практыцы ж выходзіць іншае. Практычныя працаўнікі жадна ловяць ўсе разьясьненьні і пастановы Найвышэйшага Суда, прыдаючы ім больш значэньня і вагі, як самому закону. Т. Стучка не без падставы скардзіцца на тое, што, іменна „на іх робяць адноскі вельмі часта, і гэта ёсьць зло, з якім трэба сур'ёзна змагацца", бо яно псуе „судзьдзяў, якія ня хочуць, альбо ня здольны думаць сваім розумам."[2]) І сапраўды, догма аб абавязковасьці пленарных разьясьненьняў і іншых пастаноў Найвышэйшага Суда ня можа ня мець уплыву, які затрымлівае разьвіцьцё самадзейнасьці суда і самастойнага юрыдычнага мысьленьня. Гісторыя працэсу вельмі пераканальна даводзіць аб гэтым. У гэтых адносінах

---

[1]) Стучка, Курс советского гражданского права, Введение в теорию гражданского права. 1927 г. стр. 177. „Советский суд больше всего должен проникнуться революционной диалектикой, дабы его практика, имеющая колоссальное значение, как источник гражд. права, не окостелнел в безжизненном увлечении буквой прецедента".

[2]) Гэта псуе судзьдзей, „не желающих или не способных размышлять собственной головой".

ня лішнім будзе праводзіць паралель паміж сучасным становішчам, якое характарызуе разьясьняльную дзейнасьць Найвышэйшага Суда і тою пазыцыяю, на якой стаяў дарэвалюцыйны вышэйшы суд у Расіі, г. з. сэнат.

Па пытаньні аб сіле і значэньні сэнацкіх рашэньняў і пастаноў сам сэнат, а таксама ўсе дарэвалюцыйнае судовае ведамства, трымаліся таго погляду, што яны абавязковы ня толькі для суда, якому справа накіроўвалася на новы разгляд, але і для ўсіх судоў наогул. Аднак, ужо мы бачылі, які салідарны адпор спаткаў гэты гэрэтычны напрамак у навуковай літаратуры. Дзеля ільлюстрацыі тае глухое барацьбы, якая вялася паміж тэорыяю і практыкаю, карысна будзе, прыпомніць яскравую карціну, намалёваную Г. Ф. Шэршэневічам. „Судовая практыка, пісаў нябожчык-вучоны ў сваёй „Истории Гражданского Права в России“, рабскі ловіць кожную ўвагу касацыйнага дэпартаменту, стараецца ўзгодніць сваю дзейнасьць з поглядамі сэнату... Барацьба перад судом вядзецца ня сілаю логікі, ня веданьнем суадносін канструкцыі інстытуту і сыстэмы права, не мастацтвам дасканальнага тлумачэньня закона, а адноскаю на касацыйныя рашэньні. Сумную карціну выяўляюць сабою цяперака пасяджэньні суда, дзе мы бачым, як адвакаты дзівяць адзін другога касацыйнымі рашэньнямі і дзе перамагае той, хто знайшоў найбольш дакладнае і пры гэтым пазьнейшае.“

Гэтыя радкі напісаны 35 гадоў назад. Як яны, аднак, падходзяць да сучаснага судовага быту! На працягу такога доўгага часу здаецца нібы нічога і не зьмянілася ў паказанай галіне. Два пісьменьнікі, знаходзячыся зусім у розных умовах, даюць адзінакавы па сутнасьці водзыў аб тым, як практыка прымае без усякае крытыкі самыя нязначныя ўказаньні вышэйшай судовай ўстановы. Шэршэневіч іронізуе над судовымі дзеячамі, якія, падрыхтоўваючы даклад, машынальна цягнуцца да Баравікоўскага (укладчыка зборніка грамадзянскіх законаў з камэнтарыямі), а Стучка с сумам заўважвае: „судзьдзі не павінны глядзець на рашэньні Найвышэйшага Суда, як на гатовы адказ, але практыка паказвае іншае“.

Аднак нельга не адзначыць, што пазыцыя на якую стаў у гэтым пытаньні Найвышэйшы Суд, больш спрыяючая, як пазыцыя сэнату.

Ня мае значэньня для правільнага высьвятленьня пытаньня, што гэтаму самаму сэнату, які перавысіў межы свае кампэтэнцыі, расійскі грамадзянскі зварот быў абавязан афіцыйным прызнаньнем цэлага шэрагу жыцьцёвых і каштоўных інстытутаў, напр.: судовае абароны чэкавага звароту, абавязкаў, якія вынікаюць з прычыны безпадстаўнага абагачэньня, выясьненьнем і фармуліроўкай разуменьняў аб уданых і фіктыўных угодах, аб сялянскім двары, як юрыдычнай асобе, і інш. Беднасьць і адсталасьць дзеяўшых юрыдычных норм часамі прымушалі ісьці па шляху рымскага прэтара, не падлічаючы зусім рознасьці гістарычнай сітуацыі. Спакуса для падобнага разьвіцьця права, зразумела, была вельмі вялікая; становішча заканадаўства часамі накіроўвала на такі шлях. І зусім правы Петражыцкі, калі ён запэўняе, што чым лепшае заканадаўства, тым менш грунту для зьяўленьня і разьвіцьця прэюдыцыяльнага права.[1]) Няма таму нічога дзіўнага, што яшчэ у 1882 г. міністру юстыцыі таго часу прышлося зрабіць афіцыйнае прызнаньне аб тым, што сэнат часта прымушан не растлумачваць закон, а выдаваць новыя азначэньні праўных адносін з прычыны нездавальняльнасьці і непаўнаты дзеючых законаў. Узятая на сябе сэнатам заканадаўчая функцыя, ня меўшая пад сабою легальнай падставы, знаходзіла

[1]) Петражыцкі, там сама, ст. 576.

поўнае аб'ясьненьне маруднасьці і непарушнасьці заканадаўчага апарату, якія характарызуюць працяжны пэрыад капіталістычнага перабудаваньня Расіі. А праэкт „Гражданского Уложения“, над якім працавалі чвэрць веку, зьяўляецца яскравым прыкладам заканадаўчай друзласьці, дзякуючы якой праэкт састарэўся раней, як зрабіцца дзеючым законам, так што ў ліатаральным сэнсе апраўдаліся прарочаскія словы Гессена, што гэты праэкт, як і шмат іншых заканадаўчых работ, зробіцца адным з помнікаў на вялікіх могілках расійскіх заканапраэктаў.

Але паказаныя разьясьненьні, як бы яны ні былі некаторы раз практычна карыснымі, усё ж застаюцца сурагатамі законаў і ніякім чынам ня маюць цьвёрдасьці і сталасьці законаў. Суд, які законам прызваны выдаваць кіруючыя разьясьненьні, бясспрэчна не выконваў бы свае высокае задачы, калі б, пераканаўшыся ў памылковасьці раней выданых ім разьясьненьняў, не пасьпяшыў бы замяніць іх новымі, больш адпавядаючымі агульнаму сэнсу пазытыўнага заканадаўства. А пры такіх умовах ня можа быць гарантыі і дакладнасьці у аднастайнасьці судовае практыкі і забясьпечанасьці грамадзянскага звароту. Гэты факт даўно ўжо зьвярнуў на сябе ўвагу, таму і вынаходзілі розныя меры да сапраўднага забясьпечаньня аднастайнае судовае практыкі. Дзеля гэтай мэты адны спадзяваліся дасягнуць пажаданага выніку праз забарону Найвышэйшаму Суду зьмяняць выданыя ім разьясьненьні. Іншыя прапанавалі ўстанавіць такі парадак, каб зьмены і разьясьненьні, якія выдаюцца адзяленьнямі Найвышэйшага Суда дазваляліся толькі паводле пастановы агульнага сходу ўсіх аддзяленьняў гэтай установы, але ўжо пасьля гэтага лічыліся б безумоўна абавязковымі для выкананьня.

Аднак, абедзьве паказаныя прапановы непрыймальны: першая— таму, што яна наперад ухваляе ўсякае, нават памылковае, растлумачэньне законаў. Што ж датычыць да другое прапановы, якая практычна ажыцьцёўлена ў Нямеччыне і ў некалькі больш складанай форме у Аўстрыі, то яна таксама не вырашае праблемы, бо і такім рашэньням прыдаецца абавязковая сіла толькі для тых канкрэтных спраў, па якіх яны вынесены. А калі б яны былі прызнаны агульнаабавязковымі, то гэта б было аднолькава з пазбаўленьнем ніжэйшых судоў усякае самадзейнасьці.

Таму адзіным правільным спосабам, якім можна адхіліць прабелы і няяснасьці ў дзеючым заканадаўстве, зьяўляецца хутчэйшае выданьне патрэбных законаў.

У краіне, дзе, як сказаў Ленін, закон калі гэта патрэбна, можа быць выдан на працягу 24 гадзін, ня прыходзіцца баяцца, што зьяўленьне новых законаў, якія адхіляюць сапраўдныя няяснасьці альбо непаўнату праўных норм, зацягнецца на вельмі догі час. Арганізаваныя пры саветах народных камісараў заканападрыхтоўныя камісіі зьяўляюцца настолькі жыцьцёвымі і прыгоднымі ўстановамі, што ўсякае дапаўненьне і зьмена ў дзеючых законах могуць досыць хутка і поўна імі распрацоўвацца і ўносіцца на зацьверджаньне заканадаўчых устаноў. А пры такіх умовах, ці ёсьць сапраўдная патрэба ў сурагатах закону?

* * *

Зьвернемся цяперака да больш дэтальнага разгляду пытаньня аб значэньні прэюдыцый, як крыніцы права, у СССР.

Ужо вышэй была зроблена спроба паказаць, што пастановы Найвышэйшага Суда каштоўны толькі сваімі ўнутранымі якасьцямі і прапануюцца толькі для кіраваньня.

Дапусьцім на мінуту, што разьясьненьні Найвышэйшага Суда павінны быць прызнаны агульнаабавязковымі ня толькі для кіраваньня,

але і для выкананьня. Якія ў гэтым разе былі б вынікі? Зробім паралель паміж імі і законамі ў літаральным сэнсе. Перш за ўсё ўсякі новы закон нельга ўжываць да праваадносін, якія ўстанавіліся да яго выданьня; адвартнае сілы на матар'яльна-праўныя адносіны такі закон, калі у ім ня зроблена спэцыяльнай агаворкі, мець ня можа. Між тым разьясьненьні Найвышэйшага Суда,—калі за імі будзе прызнана абсалютна агульнаабавязковая сіла—павінны б былі ўжывацца да ўсіх аднародных спраў, іначай, мець адваротную сілу, бо па сутнасьці яны не зьяўляюцца новымі законамі. Здавалася б, што калі дапушчана было няправільнае разуменьне жыцьцёвае адносіны, якая выклікала грамадзянскую спрэчку, то такое няправільнае растлумачэньне павінна быць безадкладна папраўлена. Перад гэтым натуральна узьнікнуўшым пытаньнем стаў Найвышэйшы Суд РСФСР, які ўстанавіў, што новае разьясьненьне у інтарэсах непарушнасьці судовых рашэньняў ня можа быць падставаю для скасаваньня рашэньняў, набыўшых ужо законную сілу.[1]) Зразумела, што іншага практычнага выхаду нельга было і прыдумаць. Але ў некаторым сэнсе гэты выхад санкцыянуе фармальную праўду.

Вось чаму мы павінны ізноў зьвярнуцца да нашага тэзісу аб тым, што паказаныя разьясьненьні маюць толькі значэньні як узоры, і у гэтым і ёсьць практычны і тэорэтычны сэнс іх апублікаваньня, якое мае на мэце памагаць у Савецкай Дзяржаве замацаваньню рэвалюцыйнай законнасьці. Такі вывад выцякае таксама з асноў Канстытуцыі СССР, паводле арт. 19 якой, усе дэкрэты, пастановы і распараджэньні, што выдаюцца Цэнтральным Выканаўчым Камітэтам, абавязковы для беспасрэднага выкананьня на ўсёй тэрыторыі СССР. Роўным чынам аб абавязковасьці выкананьня гаворыцца таксама у арт. 38 прыстасоўна да дэкрэтаў і пастаноў СНК Саюза ССР.

Што ж датычыць паасобных саюзных рэспублік, то паводле іх канстытуцый цэнтральныя выканаўчыя камітэты зьяўляюцца вышэйшым заканадаўчым органам, а саветы народных камісараў павінны паведамляць цэнтральныя выканаўчыя камітэты аб выданых імі пастановах і рашэньнях, і такім чынам у цэнтральных выканаўчых камітэтах канцэнтруецца ўся заканадаўчая дзейнасьць, прычым Беларуская канстытуцыя рэльефна адзначае, што дэкрэты і пастановы Савету Народных Камісараў абавязковы для выкананьня на ўсёй тэрыторыі БССР. Адсюль можна лішні раз per argumentum a minore ad majus заключыць, што дэкрэты і пастановы Цэнтральнага Выканаўчага Камітэту абавязковы да безумоўнага і бясспрэчнага выкананьня.

З напісанага вышэй выцякае, што ніякая іншая ўстанова, апроч паказаных, ня можа выдаваць такіх пастаноў, якія б былі агульна-абавязковымі ня ўсёй тэрыторыі данае рэспублікі. Ня можа гэтага рабіць таксама і суд, як бы высока ён ня быў пастаўлены, ня гледзячы на тое, што ў нашай савецкай дзяржаве не прызнаецца тэорыя падзелу ўлады. У такім самым сэнсе трэба вырашыць пытаньне аб сіле і значэньні пастаноў і рашэньняў Найвышэйшага Суда СССР, якія паводле арт. 4 палажэньня аб Найвышэйшым Судзе СССР зьяўляюцца абавязковымі для ўсіх судоў і ўстаноў Союза. Бясспрэчна, што і гэтаму высокаму суду наперакор думцы т. Крыленка, не належыць заканадаўчая работа, хаця б нават, як ён гаворыць, толькі „бягучая."[2]) Тыя кіруючыя разьясьненьні, аб якіх гаворыць у сваім пункце „а" арт. 43 Канстытуцыя СССР, абмяжоўвае адрэсатаў гэтага растлумачэньня толькі найвышэйшымі судамі саюзных рэспублік і зусім ня сьведчыць аб уласьцівых Найвышэйшаму Суду заканадаўчых функцыях і аб яго

[1]) Стучка. Курс Сов. гражд. права, I, ст. 218.
[2]) Крыленко. Суд и Право СССР, ч. I, 1927 г. стр. 129.

праве выдаваць разьясьненьні для беспасрэднага выкананьня, а ня толькі для кіраваньня.

Але, ня глядзячы на тое, найвышэйшы суд усякай савецкай рэспублікі выступае ў праватворчай ролі. Галоўнаю прычынаю такой праватворчай сілы зьяўляецца высокі аўтарытэт, якім карыстаецца гэта ўстанова сярод органаў, прызваных судзіць. Гэтым таксама тлумачацца такія, напрыклад, зьявішчы, як тое, што ў судовай практыцы фактычны шлюб прызнаваўся значна раней афіцыйнага ўзаконеньня яго ў новых кодэксах аб шлюбе, сям'і і апецы; гэтым тлумачыцца і тае практыка ў БССР, па якой народныя суды лічацца ўпаўнаважанымі вырашаць у злучаным працэсе іскі, якія перавышаюць устаноўленыя Г. П. Кодэксам межы іх кампэтэнцыі.[1])

Трэба, аднак, адзначыць, што ў РСФСР практыка у апошнім пытаньні хістаецца, бо Найвышэйшы Суд сваім абежнікам № 20 1924 г. растлумачыў, што з прычыны адсутнасьці ў Кр. Прац. Код. усякіх указаньняў на парадак разгляду грамадзянскіх іскаў па крымінальных справах, народныя суды ў выпадках, калі грамадзянскія іскі перавышаюць падсуднасьць народных судоў, павінны пакідаць іх без разгляду, даючы права зацікаўленым сторанам падаваць іскі у адпаведныя суды. Аднак гэты абежнік ня ўсімі ахотна прымаецца, як гэта відаць з заметкі народнага судзьдзі Рейнгольда, надрукаванай у № 27—28 журнала „Рабочий Суд" за 1925 г.

Такім чынам, паасобныя прэюдыцыі, якія паўстаюць у сувязі з канкрэтнымі спрэчкамі, і права суловай практыкі, якія яднаюцца агульнай назваю прэюдыцыяльнага права, безумоўна набываюць і пры савецкім ладзе значэньне нарматыўных фактаў. Але пры рухавасьці і хуткасьці нашага заканадаўчага апарату іх дзейнасьць не зьяўляецца такою працяжнаю, як у іншых краінах, бо калі яны жыцьцёвы і даюць правільныя і адпавядаючыя сацыялістычнай правясьвядомасьці адказы на непрадугледжаныя пазытыўным законам пытаньні, то яны вельмі хутка робяцца асноваю для заканадаўчых навэль. А калі яны не адпавядаюць гэтым умовам, то яны таксама ж хутка адміраюць.[2])

II.

Як ужо было паказана, фактычныя шлюбныя адносіны прызнаваліся судом яшчэ ў той час, калі дзеючае заканадаўства—Код. Зак. аб актах грам. стану моцна стаяла на той падставе, што толькі грамадзянскі (зарэгістраваны) шлюб выклікае правы і абавязкі супругаў. На фактычных супругаў практыка пашырала ўсе тыя нормы, якія рэгулююць маемасныя адносіны, што выцякаюць з супольнага жыцьця

[1]) Гл. у „Працы Б. Д. У", 1925 г., № 6—7, арт. Грэдынгера „Проблема возложения загладить вред".

[2]) Побач з гэтым трэба адзначыць, што ў РСФСР праведзена рэарганізацыя Народнага Камісарыяту Юстыцыі. Прэзыдыум „ВЦИК", які зьяўляецца піанэрам у гэтай галіне, імкнецца да таго, каб забясьпечыць у поўнай меры адзінства кіраўніцтва ўсёю дзейнасьцю юстыцыі. Дзеля гэтага пры Народным Камісары Юстыцыі знаходзяцца два намесьнікі: першы па лініі пракуратуры, які зьяўляецца пракурорам рэспублікі, а другі—па лініі судовых органаў, які зьяўляецца старшынёю Найвышэйшага Суда РСФСР. Уся работа па кіраваньні судамі застаецца канцэнтраванаю ў НКЮ у спэцыяльным аддзеле і знаходзіцца пад безспасрэдным кіраўніцтвам намесьніка Нар. Камісара Юстыцыі па судовай лініі. Што ж датычыць да дырэктыўных указаньняў судам агульнага характару, то яны будуць давацца Народны Камісарыятам Юстыцыі праз Найвышэйшы Суд, альбо Найвышэйшым Судом з санкцыі Народнага Камісара Юстыцыі. Беспасрэднае кіраваньне судоваю практыкаю і правядзеньне адзінае судовае палітыкі Найвышэйшым Судам ажыцьцяўляць праз перагляд паасобных судовых рашэньняў і прыгавораў і праз дачу растлумачэньняў па канкрэтных справах, у тым ліку па паданьнях паасобных устаноў. Гэта рэформа адхіліць недакладны дуалізм, які наглядаўся ў дырэктыўных указаньнях агульнага характару.

супругаў. Аднак, зрабіць з гэтага канчатковыя вывады, пашыраючы прызнаньне фактычнага шлюбнага супольнага жыцьця таксама і на права насьледваньня, судовая практыка не знайшла мажлівым, і гэта пытаньне, якое мае такое важнае практычнае значэньне, спаткала істотныя хістаньні, якія і зараз яшчэ не адхілены.

Вось чаму асаблівую цікавасьць выклікае пастанова Найвышэйшага Суда РСФСР, якая імкнецца расьсекчы той Гордыеў вузел, што завязаўся дзякуючы некаторай нявызначанасьці сучасных норм, рэгулюючых шлюбныя адносіны.

Практычная вартасьць і тэорэтычнае значэньне пастаноў Найвышэйшага Суда былі высьветлены намі вышэй. Скрозь прызму прыведзеных меркаваньняў мы і разгледзім пастанову Найвышэйшага Суда РСФСР, якая выясьняе юрыдычную сілу фактычных шлюбных адносін з асобаю, якая знаходзіцца ў зарэгістраваным шлюбе.

Пытаньне аб тым, ці зьяўляецца фактычная жонка насьледніцай свайго нябожчыка-фактычнага мужа, гэта пытаньне старое, узьнікшае ў нас з самага пачатку аднаўленьня права насьледваньня, але не вырашанае і да гэтага часу канчаткова і ўсебакова ў паасобных саюзных рэспубліках. Адсутнасьць адзінага кодэксу, які рэгулюе сямейнае права, асабліва адчуваецца ў гэтай галіне. Прыстасоўна да заканадаўства РСФСР, якое займае пераважна тутака нашу ўвагу, гэту праблему варта разлажыць на два пытаньні, стараючыся даць адказ: 1) на тое, ці можа фактычная жонка прызнавацца насьледніцаю свайго, фактычнага мужа, калі іх фактычны шлюб не канкурыруе з другім шлюбам, зарэгістраваным у устаноўленым парадку, і 2)—на тое, ці можа фактычная жонка пасьля сьмерці свайго фактычнага мужа насьледаваць паводле закону, альбо тэстамэнту, калі зарэгістраваны шлюб яго не парваны, альбо наогул афіцыйна не прызнаны скасованым?

У нумары 19 журнала „Судебная Практика“ за 1927 г., які выдаецца Найвышэйшым Судом РСФСР, надрукована пастанова гэтага суда аб праўным эфэкце фактычных шлюбных адносін з асобаю, якая адначасна знаходзіцца у афіцыйна не скасованым зарэгістраваным шлюбе.

Сутнасьць гэтай пастановы, якая зьвярнула на сябе агульную ўвагу і якая, безумоўна, ня раз зьявіцца кіраўніцтвам і ultima ratio на практыцы, заключаецца ў тым, што па погляду Найвышэйшага Суда фактычную жонку і тады можна разглядаць як насьледніцу свайго фактычнага мужа, калі зарэгістраваны шлюб яго афіцыйна не парваны і, такім чынам, фармальна ёсьць дваяжонства. „Судебная Практика“ дала тытул справе, якая выклікала цікавячую нас пастанову; „Фактические брачные отношения с лицом, состоящим в зарегистрированном браке“, хаця ў данным выпадку гаварылася аб царкоўным шлюбе, які быў заключаны да 20 сьнежня 1917 г. і меў паводле ўвагі да арт. 52 Код. Зак. аб актах грамадз. стану 1918 г. сілу зарэгістраванага шлюбу.[1])

Аднак гэтая акалічнасьць нічога не зьмяняе ў пастаноўцы пытаньня.

---

[1]) Паводле Кодэксу Законаў аб шлюбе, сям'і і апецы БССР 1927 г. (увага да арт. 2): „Шлюбы, узятыя паводле рэлігійных абрадаў да 1 мая 1920 г., прыраўноўваюцца да зарэгістраваных шлюбаў“. Па недагляду не паказана, што ў мясцовасьцях, якія далучыліся пазьней да Беларусі, гэтая дата павінна быць аднесена да 20 сьнежня 1917 г. Новы Кодэкс Зак. аб шлюбе, сям'і і апецы РСФСР уносяць у гэтых адносінах наступнае ўдакладненьне, „браки, заключенные по религиозному обряду до 20 декабря 1917 г., а в местностях, которые были заняты неприятелем,—до образования органов ЗАГС, приравниваются к зарегистрированным бракам“. Украінскі Кодэкс Зак. аб сям'і, апецы, шлюбе і аб актах грамадзянскага стану не спыняецца на гэтым пытаньні, у чым і няма асаблівае бяды, бо пытаньне і так яснае. (Гл. ніжэй аб адваротнай сіле законаў).

Але пункт погляду, на якім стаіць Найвышэйшы Суд у паднятым пытаньні, а таксама матывы гэтай пастановы бадай ці могуць лічыцца безапеляцыйнымі, калі стаяць на моцным грунце заканадаўства. Каб нагляднеи выявіць тыя сумненьні, якія паміма волі паўстаюць пры чытаньні паказанае пастановы, зьяўляецца мэтазгодным прывесьці квінтэсэнцыю гэтай пастановы ў той частцы яе, якая заключае погляд Найвышэйшага Суда.

Гэтая пастанова гаворыць: „Грамадзянская касацыйная калегія, выслухаўшы справу 23 ліпеня 1927 г., вынесла наступную пастанову: разгледзеўшы касацыйны пратэст пракурора Ульянаўскай губэрні і касацыйныя скаргі грамадзян Ш., Э. В., Э. Е. і Д., а таксама і аб'ясьненьні на касацыйны пратэст грамадзянкі Ст. і выслухаўшы заключэньне пракурора, які выказаўся за адхіленьне паказанага касацыйнага пратэсту і касацыйных скаргаў, ГКК знаходзіць, што рашэньне Ульянаўскага губ. суда павінна быць пакінута ў сіле па наступных матывах: губэрскі суд, вырашаючы справу аб частковым прызнаньні тэстамэнту памершага грамадзяніна Д. несапраўдным і аб прызнаньні фактычнага шлюба, быўшага паміж грамадзянкай Ст. і нябожчыкам Д. з усімі вынікамі, што выцякаюць з шлюбных адносін, меў права ўжыць да данае справы дзеяўшы ў часе разгляду судом справы Кодэкс Законаў аб шлюбе, сям'і і апецы, узаконіўшы па сутнасьці ўстанавіўшуюся ўжо практыку прызнаньня фактычнага шлюба. Дзякуючы таму, што гэтая частка матываў рашэньня датычыць да сутнасьці справы, якая не павінна правярацца ў касацыйным парадку, ГКК не знаходзіць падстаў да скасаваньня рашэньня Ульянаўскага губ. суда. Што ж датычыць пытаньня аб выніках таго, што тэстатар пры існаваньні першага шлюбу ўзяў новы шлюб, то новы Кодэкс Законаў аб шлюбе, сям'і і апецы не паўтарае артыкулаў 74 і наступных за ім Кодэксу законаў аб актах грамадзянскага стану аб прызнаньні шлюба несапраўдным, апроч разлукі. Дваяжонства ж у нас, хаця яно законам і не дапушчаецца, але само па сабе, як зьявішча выключнае, не выклікае ніякіх вынікаў. Таму няма падставы накладаць на другую жонку памёршага Д. невыгадных для яе маемасных вынікаў, у якіх вінаваты нябожчык—тэстатар. А з прычыны таго, што аб правох першай жонкі спрэчкі не заяўлена, то ГКК не знаходзіць патрэбным спыніцца на матывах губэрскага суда, якія маюць дачыненьне да яе."[1])

Тыя сумненьні, якія выклікаюцца памянёнай пастановай, могуць быць згрупаваны ў наступных пытаньнях:

1) Ці правільная думка Найвышэйшага Суда, паводле якой губэрскі суд быў упаўнаважаны пры разглядзе паказанае спрэчкі ўжыць Кодэкс Законаў аб шлюбе, сям'і і апецы, які дзейнічаў у часе разбора справы?

2) Ці можа фактычная жонка лічыцца насьледніцаю свайго нябожчыка-фактычнага мужа, калі зарэгістраваны шлюб яго (альбо прыроўнены законам да зарэгістраванага шлюбу) афіцыйны яшчэ не скасованы?

3) Ці дапусьціма па савецкіх законах прызваньне да насьледваньня маемасьці пакінутай памершым грамадзянінам, двох, (альбо некалькіх) яго жонак пры ўмове, што адна з гэтых жонак была ў за-

---

[1]) Для большае нагляднасьці пакажам яшчэ наступныя акалічнасьці: 16/VII—1926 г. памёр памянёны гр. Д. і пасьля яго застаўся тэстамэнт, паводле якога ён адказаў усю сваю адзежу, мэблю і трэцьцю частку свайго домаўладаньня грамадзянцы Ст., на той падставе, што яна знаходзілася на яго поўным утрыманьні, а рэшта 2/3 домаўладаньня—сваёй зарэгістраванай жонцы Д. і сваім дачкам Э. і Ш. Губ. суд не прызнаў Ст. утрыманкаю, бо яна мае заробак, як зубны тэхнік, але прызнаў яе фактычнаю жонкаю Д.

рэгістраваным і не прызнаным скасованым шлюбе, а другая (альбо другія) у фактычных шлюбных адносінах?

4) Ці можна згадзіцца з поглядам Найвышэйшага Суда аб тым, што касацыйная інстанцыя зусім не павінна даваць адказу на пытаньне, ці мае сілу тэстамант гр. Д. на карысьць яго зарэгістраванай жонкі Д., ня гледзячы на тое, што суд прызнаў насьледніцаю яго фактычную жонку Ст.?

Пастараемся, па чарзе, вырашыць паказаныя пытаньні. Першае пытаньне датычыць да ўжываньня Кодэксу Законаў аб сям'і, шлюбе і апецы РСФСР да грамадзянскай спрэчкі, якая грунтуецца на праве, узьнікшым 16 ліпеня 1926 г., г. з. у дзень сьмерці грам. Д. Іншымі словамі, ці можна прыдаць гэтаму Кодэксу адваротную сілу? Новы закон, як вядома, уваходзіць у сілу паводле агульнага правілу з таго часу, які адзначаны у ім, як момант уваходжаньня ў сілу. Гэта правіла вядома і савецкаму заканадаўству, па якому закон таксама ня мае адваротнае сілы, пакуль аб гэтым ня будзе паказана у ім самім.[1]) З дэкрэту ж ЦВК і СНК за 17/XI—1926 г. відаць, што названы Кодэкс уведзены ў сілу толькі з 1 студзеня 1927 г. Калі ж закон дзейнічае (пакуль няма выключэньня з агульнага правіла), толькі на будучы час і калі ён ужываецца да тых юрыдычных зьявішч, якія ўзьнікаюць пасьля яго ўваходжаньня ў сілу, то зусім ясна, што паказаны Кодэкс ня можа ўжывацца да спадчыны, што адкрылася пасьля сьмерці асобы, памёршай да ўваходжаньня гэтага закону у сілу. Трэба адзначыць, што яшчэ да апублікаваньня новага Кодэксу судовая практыка РСФСР да некаторай ступені прызнавала фактычныя шлюбы. Але гэтая практыка не павінна была мяняць дзеючая права, бо яна не ўпаўнаважана выяўляцца ў corrigendi juris civilis gratia, а мела на мэце, калі гэта было мэтазгодным, папаўняць прабелы заканадаўства, адпаведна агульным яго прынцыпам і агульнай палітыцы Рабоча-Сялянскага Ураду.

Яшчэ больш зьяўляецца складаным другое пытаньне: аб праве насьледваньня фактычнай жонкі, калі зарэгістраваны шлюб яе фактычнага мужа не скасован.

Разгледзім гэтае пытаньне, з пачатку, незалежна ад прыведзенае пастановы Найвышэйшага Суда, і дапусьцім, што ён узьнік пасьля ўваходжаньня Кодэкса Законаў аб сям'і, шлюбе і апецы ў сілу, г. з. пасьля 1 студзеня 1927 г. У камэнтарыі праф. Маліцкага мы знаходзім наступны адказ на цікавячае нас тутака пытаньне: „Жонка, шлюб якой з спадчынадаўцаю не зарэгістраваны, насьледуе толькі пры адсутнасьці ў спадчынадаўцы жонкі, якая знаходзіцца з ім у зарэгістраваным шлюбе.[2])

Здаецца, што іншага лягічнага вываду і нельга зрабіць на падставе літаральнага тэксту арт. 418 Гр. Код. РСФСР, у якім катэгарычна гаворыцца, што круг асоб, якія прызываюцца да насьледваньня, абмяжоўваецца простымі нісходзянымі, перажыўшым супругам (але не паражыўшымі супругамі) і ўтрыманцамі спэцыяльнай кваліфікацыі. Такім чынам, калі ёсьць дзьве жонкі, якія прэтэндуюць на спадчыну нябожчыка-грамадзяніна, з якім яны знаходзіліся ў шлюбным супольным жыцьці, то трэба перш за ўсё высьвятліць, ці не парваўся афіцыйна шлюб з той з іх, якая лічылася зарэгістраванаю у ўстаноўленым парадку, альбо ці ня маецца досыць прычын прызнаць такі шлюб

[1]) Гл. К. Архіпаў у арт.: „Опубликование и вступление в силу советских законов“, журнал „Советское Право“, 1926 г. № 1 (19).

[2]) А. Л. Малицкий, Гражданский Кодекс Советских Республик, 1927 г. ст. 592. Таксама і ў выданьні гэтага камэнтарыя 1925 г., ст. 319.

фактычна скасаваным? Трэба адзначыць, што паводле заканадаўства РСФСР права суда ўстанаўляць факт скасаваньня шлюба ў выпадку адсутнасьці рэгістрацый разлукі, спэцыяльна агаворана.[1])

Трошкі цяжэй можа паказацца пытаньне, калі канкурыруюць у адносінах праў на спадчыну дзьве фактычных жонкі. Але з таго, што арт. 6 Код. Зак. аб шлюбе, сям'і і апецы не дапушчае рэгістрацыі шлюбаў паміж асобамі, з якіх хаця-б адна знаходзілася ў незарэгістраваным шлюбе, ужо відаць, што заканадаўца па сутнасьці не праводзіць розьніцы паміж шлюбамі зарэгістраваным і незарэгістраваным. А таму, калі незарэгістраваны шлюб зьяўляецца законнаю перашкодаю да рэгістрацыі другога шлюбу, то і другі фактычны шлюб павінен лічыцца недапушчальным, пакуль цягнецца першы. З гэтага палажэньня выцякае, што пры канкурэнцыі двох фактычных жонак, якія прэтэндуюць на спадчыну, пакінутую пасьля сьмерці іх супруга, павінна быць аддадзена перавага той з іх, якая раней увайшла з ім у шлюбныя адносіны, калі толькі гэтыя адносіны не спыніліся і ня будуць судом прызнаны спыненымі, бо другі фактычны шлюб, пакуль існуе першы фактычны ж шлюб, не адпавядае агульным прынцыпам шлюбнага заканадаўства.

Таксама трэба вырашыць адмоўна пытаньне аб тым, ці зьяўляецца абгрунтаваным на законе адначаснае прызнаньне двух жонак насьледніцамі пасьля асобы, з якою яны знаходзіліся ў шлюбных адносінах. З пункту погляду Код. Зак. аб актах грамадзянскага стану 1918 г. гэта пытаньне наогул не выклікае сумненьня, бо на падставе арт. 52 памянёнага Кодэксу, толькі грамядзянскі шлюб, зарэгістраваны у аддзеле запісу актаў грамадзянскага стану, надае правы і абавязкі супругаў, чаму аб прызваньні фактычнай жонкі да насьледваньня па літаральнаму сэнсу гэтага закону нельга было і гаварыць. У часе дзейнасьці паказанага Кодэксу дамаганьні перажыўшых фактычных супругаў на атрыманьне маемасьці пакінутай пасьля сьмерці іх фактычных супругаў, такім чынам маглі, уласна кажучы, быць кваліфікаваны толькі як дамаганьні ўтрыманцаў альбо як дамаганьні, аснованыя на факце ўдзелу іх у вядзеньні гаспадаркі ці прадпрыемства.

Аднак, на пастаўленае вышэй пытаньне аб дапушчальнасьці адначаснага прызваньня да насьледваньня двох жонак павінен быць дадзены таксама адмоўны адказ з пункту погляду дзеючага ў сучасны момант закону, а ня толькі з тае прычыны, што ў нашай дзяржаве не прызнаецца дваяжонства,— няхай нават на падставе lex imperfecta, але і на дакладнай базе арт. 418 Г. К.[2]) Падкрэсьліваючы гэтую акалічнасьць, нельга абмінуць матывіроўкі Найвышэйшага Суда, які думае, што касацыйны суд ня мае падставы абгаварваць пытаньня аб дапушчальнасьці ў якасьці насьледніцы першай жонкі грамадзяніна Д., з тае прычыны, што аб гэтым не заяўлена спрэчкі,—ня гледзячы на тое, што, як гаворыць пастанова суда, дваяжонства ў нас не дазваляецца, і як зьявішча выключнае, ня мае ніякіх вынікаў. Аднак, калі фактычная жонка Д. тою ж самаю пастановаю суда прызнана насьледніцаю яго то ясна, што Найвышэйшы Суд гэтым самым абвяргае сваё палажэньне

---

[1]) Код. Зак. о браке, семье и опеке РСФСР, ст. 20.

[2]) Характар legis imperfectae уласьцівы дваяжонству, аднак, ня будзе захованы у аўтаномных рэспубліках РСФСР (Дагестанскай, Крымскай, Башкірскай, Бурята-Мангольскай, Казацскай, Чувас[к]ай і Кіргіскай), а таксама ў некаторых аўтаномных абласьцях, бо ў сучасны момант ўнесены ўжо праэкт дадатковага артыкула да Крымінальнага Код. які прадугледжвае за дваяжонства і многажонства меру сацыяльнай абароны—у відзе прымусовых [р]абот на тэрмін да 1 году, альбо штрафу да 50 руб. Быць можа, будзе мэтазгодным пасьледаваць гэтаму прыкладу і прыстасоўна да іншых частак Саюзу.

па якому дваяжонства ня мае ніякіх юрыдычных вынікаў. Утварыўся, такім чынам, дасадны circulus vitiosus, з якога цяжка выбрацца. У даным выпадку дапушчэньне двух жонак у якасьці насьледніц зьяўляецца яшчэ-больш няпэўным таму, што суд апраўдвае гэтую меру адноскаю на новы шлюбны кодэкс, прыдаючы яму беспадстаўна адваротную сілу. Між тым правільней кваліфікаваць заяўленае грамадзянкаю Ст. дамаганьне не як hereditatis petitio, бо яна не належыць да асоб, якія прызываюцца да насьледваньня паводле арт. 418 Г. К.,—а толькі як дамаганьне, аснованае на віндыкацыі, і ў гэтым напрамку дасьледваць абгрунтаванасьць яго.

Аднак вернемся да непаразуменьня з прычыны таго, што касацыйная інстанцыя ўхілілася ад вырашэньня прынцыповага пытаньня сапраўднасьці тэстамэнту спадчынадаўцы Д. на карысьць яго першай жонкі, шлюб з якою, як устанавіў суд, фактычна спыніўся яшчэ пры жыцьці Д. Здавалася б, што абавязак усімі спосабамі імкнуцца да высьвятленьня ў любой грамадзянскай справе матар'яльнай ісьціны, што ўскладаецца на суд паводле арт. 5 ГПК, дыктуе іншы падыход да гэтага пытаньня. Апроч гэтага, у сілу арт. 245 паказанага Кодэксу касацыйны суд павінен не абмяжоўвацца праверкаю ўказаньняў скаргніка на дапушчанае судом, пастанавіўшым абскарджанае рашэньне, парушэньне закону, але праверыць і разгледзець усю справу ад пачатку да канца. Выяўленыя ж касацыйнаю інстанцыяю парушэньні закону і ў абскарджанай частцы рашэньня, і наогул у справавядзеньні, маюць аднолькавае значэньне і выклікаюць аднолькавыя вынікі.[1])

* *
*

Да гэтай пары ішло пытаньне аб дапушчальнасьці прызнаньня фактычнай жонкі насьледніцаю з пункту погляду заканадаўства РСФСР.

Што датычыць да УССР, то Код. Зак. аб сям'і, апецы і шлюбе не дае поваду хістаньням у гэтых адносінах. Арт. 104 названага Кодэксу самым катэгарычным спосабам гаворыць, што у УССР прызнаецца толькі грамадзянскі шлюб; асобам жа, якія знаходзяцца „в близьких взаеминах без іхньой реестраці можуць подати до органів ЗАГС, за спільным підписами, заяву про рестрацію іхніх взаемин, як подружжя", паводле арт. 133. Калі ж адна старана знаходзіцца ўжо ў зарэгістраваным шлюбе (арт. 139), то суд можа пастанавіць аб прызнаньні за якою небудзь з іх (звычайна, зразумела, за жанчынаю) адпаведных праў на разам нажытую маемасьць, алімэнтацыю і выхаваньне дзяцей (арт. 140). Катэгарычнасьць арт. 104 не дазваляе рабіць пашыральнага растлумачэньня яго.

Кодэкс законаў аб шлюбе, сям'і і апецы БССР 1927 г., у адпаведнасьці з законам РСФСР, не выстаўляе строгага правіла аб тым, што толькі грамадзянскі шлюб, які разумеецца, як шлюб зарэгістраваны, карыстаецца афіцыйным прызнаньнем. Гэта відаць з таго, што Беларускі Кодэкс (арт. 3), як і кодэкс РСФСР, гаворыць аб фактычных шлюбных адносінах. А у арт. арт. 23 і 29 Кодэксу БССР проста гаворыцца „аб незарэгістраваным шлюбе". Адсюль лёгічна выцякае, што і фактычныя супругі, пасколькі сам закон заве іх саюз шлюбам, павінны карыстацца ўзаемнымі спадчыннымі правамі паводле арт. 459 Гр. Код. БССР,—калі толькі няма зарэгістраванага шлюбу, які зьяўляецца перашкодаю да прыданьня юрыдычнае сілы фактычным шлюбным адносінам. На такім пункце погляду таксама стаіць і Найвышэйшы Суд БССР. Роўным чынам, павінна быць вырашана пытаньне

[1]) Праф. Малицкий. Гражданский Проц. Кодекс Советских Республик, 1926 г., ст. 257.

аб канкурэнцыі двух фактычных жонак, якія у адзін час прэтэндуюць на маемасьць, што засталася ад асобы, з якою яны знаходзіліся ў блізкіх адносінах.

Папярэдняе разважаньне мела на мэце, на падставе аналізу сутнасьці і значэньня кіруючых разьясьненьняў найвышэйшага суда з аднаго боку, і яго пастаноў па канкрэтных справах—з другога боку, зьвярнуць увагу на небясьпеку, зьвязаную для судовай практыкі з бескрытычным успрыйманьнем усіх указаньняў названага суда, хаця б яны і не адпавядалі агульнаму сэнсу савецкага заканадаўства. Адным словам, трэба было лішні раз праверыць і падцьвердзіць тое асноўнае палажэньне, якое з поўнаю падставаю высоўвае і П. І. Стучка па пытаньні аб сіле разьясьненьняў найвышэйшага суда.

На прыкладзе праблемы аб праве насьледваньня фактычных супругаў у яго розных камбінацыях гэтае пытаньне выступае наперад асабліва рэльефна.

Студзень
1928 г.

Ф. І. Гаўзэ.

Маёмасныя адносіны супругаў па кодэксах законаў аб шлюбе, сям'і і апецы БССР, РСФСР і УССР.

Асаблівы інтарэс да шлюбнага і сямейнага заканадаўства, які наглядаўся перад прыняцьцем новага Кодэксу Законаў аб шлюбе, сям'і і апецы ва ўсіх саюзных рэспубліках, замяніўся поўнаю пасыўнасьцю да пытаньняў сям'і і шлюбу пасьля зацьверджаньня гэтага Кодэксу заканадаўчымі органамі. Магчыма, што іменна вялізарная страта энэргіі на дыскусыях, сходах і дакладах, прысьвечаных праекту Шлюбнага Кодэксу, і выклікала гэтую рэакцыю пасьля таго, як праект зрабіўся законам.

Між тым, іменна цяпер, у першы год чыннасьці новага Кодэксу, трэба зьвярнуць асаблівую ўвагу на тое, як ужываюцца нормы, прызнаныя працоўнымі масамі нашае краіны найбольш адпавядаючымі сучаснаму быту і сучаснай экономіцы Саюзу ССР. Бязумоўна, жыцьцё ўнясе цэлы шэраг карэктываў пры ўжываньні норм Кодэксу. Іх трэба падлічыць і аформіць у заканадаўчым парадку праз унясеньне ў Кодэкс адпаведных зьмен. Гэта і адзначыў тав. Чарвякоў у сваёй заключнай прамове на сэсіі Ц. В. К., якая прыняла Кодэкс Законаў аб шлюбе: „Зразумела, што мы ня можам лічыць наш Кодэкс ідэальным, удасканаленым. Там ёсьць яшчэ шмат нявыразнасьцяй, шмат недакладнасьцяй. Мы будзем іх пасьля, у працягу нашай працы, выпраўляць. Само жыцьцё будзе выпраўляць гэтыя нявыразнасьці і недакладнасьці.“

У гэтым нарысе я застанаўлюся на адным, па майму погляду вельмі важным і складаным пытаньні з галіны сямейных адносін, на пытаньні аб маёмасных адносінах супругаў, прычым зраблю спробу параўнальнага вывучэньня адпаведных норм заканадаўства трох саюзных рэспублік: Беларусі, Украіны і РСФСР. Аднак, раней паўстае пытаньне: ці сапраўды праблема сямейна-маёмасных адносін зьяўляецца такою сурьёзнаю ва ўмовах жыцьця Саюзу ССР? На першы погляд здаецца, што ў Саюзе ССР, дзе вялікая частка нацыянальнага багацьця сканцэнтравана ў руках дзяржавы, наданьне значэньня маёмаснаму пытаньню ў сям'і, ёсьць памылка, якую можна растлумачыць толькі тым, што тэарэтык ня ведае жыцьця. Іншая справа ў Заходняй Эўропе, дзе ўсё багацьце знаходзіцца ў руках прыватных асоб, дзе уласнасьць, па выразу Арыстотэля, ёсьць частка сямейнае арганізацыі, дзе сям'я зьяўляецца арганізацыйнаю формаю гэтае прыватнае ўласнасьці, дзе сям'я, як маёмасная ячэйка, зьяўляецца, як кажа прафэсар Шаршаневіч, асноўнаю ячэйкаю дзяржаўнага арганізму. Там зусім зразумелым зьяўляецца асаблівы інтарэс заканадаўцаў і юрыстаў да данага пытаньня. І вельмі ўдала заўважвае прафэсар Мэнгер тую чулаю руплівасьць, якую выказалі аўтары Грамадзянскага Кодэксу Нямеччыны пры

распрацоўцы нормаў, рэгулюючых маёмасныя адносіны супругаў. Праект Нямецкага Кодэксу, кажа прафэсар Мэнгер, „распрацаваў адпаведныя законы да самых малых дэталяй, так што ў ім ёсьць букецік на кожны густ. У сваім імкненьні забясьпечыць як мага лепш гэты важны сацыяльны інтарэс заможных кляс, аўтары праекту напісалі больш 150 вельмі вялікіх параграфаў для рэгуляваньня розных маёмасных адносін паміж супругамі.“[1])

Ня можна, аднак, не згадзіцца з тым, што і ў Саюзе ССР гэтая праблема адыгрывае вялікую ролю, хаця зразумела, зусім ня ў тым напрамку, у якім яе паставіў для Нямеччыны прафэсар Мэнгер. Не гаворачы ўжо аб вёсцы, дзе маёмасьць, уласнасьць пануе над ідэямі шлюбу і сям‘і і падпарадкоўвае інтарэсы сям‘і і шлюбу маёмаснаму інтарэсу сялянскага двара,[2]) але і ў горадзе маёмасны інтарэс мае вельмі вялікае значэньне ў сям‘і саматужніка, рабочага альбо дробнага дзяржаўнага служачага, які іноды мае ўласны домік, бульбу і цыбулю са свайго гароду, парася, а калі-нікалі нават і кароўку,—там, на краі вялікага гораду і недалёка ад цэнтру ў мястэчках і ў фабрычна-заводзкіх паселішчах. Правільнае вырашэньне сямейна-маёмаснае праблемы важна для жанчыны—хатняе гаспадыні і для дзяцей пры частых у нас разводах. У ім зацікаўлена і дзяржава з пункту погляду абароны інтарэсаў слабае стараны. Нарэшце, маёмасныя адносіны і ў сям‘і нэпмана таксама цікавяць дзяржаву, калі не з боку буржуазна-мяшчанскага дабрабыту такіх сем‘яў, то з пункту погляду падатковага абкладаньня маёмасьці нэпмана і спадчыннай пошліны з яе.

Ня то было ў час выданьня Кодэксу Законаў аб актах грамадзянскага стану. Імкнучыся да зьнішчэньня прыватных маёмасных адносін[3]), што было аднэй з асноўных мэтаў савецкае дзяржавы у той пэрыяд, заканадаўца мог паставіць сваёй задачай праўнае нармаваньне вызваленае ад усякіх маёмасных ланцугоў сям‘і, якая грунтуецца на ідэальнай любві двух асоб рознага полу. Заканадаўца даў як кажа тав. Стучка, „прообраз коммунистической семьи“. Артыкул 105 Кодэксу Законаў аб актах грамадзянскага стану цьвёрда і выразна ўстанаўляе, што „брак не создает общности имущества супругов“, а артыкул 106, які дапушчае заключэньне супругамі ўсіх дазволеных законам маёмасных дагавораў, дазваляе старанам вольна ўстанаўляць маёмасныя адносіны ў тых сем‘ях—абломках старога быту, дзе гэтыя адносіны адыгрываюць ролю. Заканадаўца, які ставіць перад сабою задачу абараняць інтарэсы слабейшага, рэгулюе гэтыя згоды толькі ў адным: прызнае наперад неправадзейнымі і неабавязковымі для трэйціх асоб і для супругаў згоды паміж супругамі, накіраваныя да зьмяншэньня маёмасных праў жонкі альбо мужа. У гэтых выпадках закон дае права ў кожны час адмовіцца ад іх выкананьня.

Нэп, дапушчэньне ў пэўных межах прыватных уласьніцкіх адносін, стаўка ў вёсцы, апроч незаможніка, і на серадняка, імкненьне да разьвіцьця рамеснае прамысловасьці і да эканамічнага узмацненьня саматужніка ў горадзе і мястэчку, вялікае беспрацоўе, асабліва сярод жанчын, вымушаная ў зьвязку з нэп‘ам „часовая адмова ад шырока

---

[1]) A. Menger (Prof.) „Das bürgerliche Recht und die besitzlosen Klassen“.

[2]) Аб важнай ролі маёмасных адносін у сялянскім двары сьведчыць, паміж іншым, наступны выраз з заключнае прамовы т. Чарвякова на IV сэсіі ЦВК БССР IV скліканьня, якая прыняла Кодэкс законаў аб шлюбе, сям‘і і апецы: „Сялянка імкнецца праз гэты Кодэкс надаць выразнасьць маёмасным адносінам, бо шлюб выклікае шмат матар‘яльных абавязацельстваў між асобамі, якія ўступаюць у шлюб“.

[3]) Ліквідацыя прыватных маёмасных адносін і ёсьць, па нашай думцы, юрыдычнае выражэньне сутнасьці эканамічнае палітыкі савецкае дзяржавы ў эпоху ваеннага камунізму.

задуманых захадаў сацыяльнага забясьпечаньня дзяцей, беспрацоўных, хворых, старых і да т. п. (тэзісы Камуністычнае Акадэміі аб сям'і і шлюбе),—усе гэтыя факты разам выклікалі патрэбу часьцей ўжываць маёмасныя нормы Кодэксу. Разам з тым выявілася, што гэтыя нормы ня могуць цалкам забясьпечыць інтарэсаў слабае стараны ў сям'і. Вельмі часта жонка пасьля разводу пакідалася фактычна без ўсякіх сродкаў жыцьця, бо, паводле дакладнага сэнсу артыкулу 105 Кодэксу выданьня 1918 году, муж забіраў усю маёмасьць сабе, таму што жонка, займаючыся хатняю гаспадаркаю, ніякае маёмасьці ў сям'ю ня прыносіла. На справе-ж жонка аддавала той маёмасна-працоўнай ячэйцы, якою зьяўляецца сям'я, сваю працу нароўні з мужам. Гэткаю рэдакцыяй артыкулу 105 і тлумачыцца такі дзіўны на першы погляд факт, што адказчык—мужчына абараняўся ад ісьцыцы—жанчыны, якая патрабавала заработную плату, тым, што яна была не работніцаю, а жонкаю яго.

Пад уплывам жыцьця судовая практыка, „робко, но правильно"[1]) парушаючы артыкул 105 Кодэксу, пачала ўжываць прынцып супольнасьці маёмасьці супругаў, „исходя из принципов трудового права".[2])

Пазнаёмімся з судоваю практыкаю па даным пытаньні больш дакладна.

Па іску грамадзянкі Марыі Тапалер да быўшага мужа аб праве на дом Грамадзянская Касацыйная Калегія Найвышэйшага Суда РСФСР пастанавіла:

„Хотя в силу ст. 105 Кодекса Законов об актах гражданского состояния, брак не создает общности имущества супругов, что следует понимать, как относящееся с одной стороны к имуществу, приобретенному супругами до вступления в брак, а с другой— приобретенному во время состояния в браке, но без всякого участия другого супруга; что-же касается имущества, приобретенного супругами совместно, то таковое имущество может быть на основании 61 и следующих ст. ст. ГК признаваемо, в соответствии с фактическими обстоятельствами дела, общей собственностью. Это соображение находит себе подтверждение в ст. 106 Кодекса..."[3])

Калі ў гэтай пастанове Г.-К. К. дае толькі юрыдычныя падставы свайго погляду, то ў наступнай пастанове па справе Афанасьевых Г. К. К. грунтуецца на характары сям'і ў пераходны перыяд, абгрунтоўваючы сваю думку з пункту погляду палітыка-праўнага і агульных пачаткаў савецкага заканадаўства:

„В тех случаях, когда члены семьи общими трудовыми усилиями приобретали имущество или составляли единое целое в смысле занятия трудом или промыслом, совершенно невозможно, исходя из принципов трудового права, проводить старое юридическое понимание права собственности на имущество одного главы семьи, независимо от фактических взаимоотношений равноправных членов семьи, участвовавших в его создании или приобретении. Наша судебная практика, между прочим, твердо защищает право женщины, занимающейся домашним хозяйством, требовать доли из общего имущества, нажитого во время брака. Поэтому следует притти к выводу, что при разрешении вопроса об общей собственности имущества членов городской семьи вообще в каждом отдельном случае суду надлежит устанавливать или трудовой, или договорный (что также не исключается) характер общности

---

[1]) Інструкцыйны ліст Г.-К. К. Найвышэйшага Суда РСФСР № 1 за 1927 год.

[2]) Пастанова Г-К. К. Найвышэйшага Суда РСФСР па справе Афанасьевых („Сборник определений Г-К. К. РСФСР" за 1924 год, № 88).

[3]) Пастанова па справе № 32.082 за 1924 год (той самы збор, стар. 40).

их имущества, в зависимости от фактического положения данной семьи."[1])

У абодвых гэтых пастановах за 1924 год Г.-К. К. грунтуецца на працоўным характары нашага права і на гаспадарча-працоўным прынцыпе, які, па думцы Г.-К К., ляжыць у аснове дзейнасьці сучаснае сям'і, прычым, у другой з паказаных пастаноў Г.-К. К. Найвышэйшага Суду расшыфроўвае разуменьне „гаспадарча-працоўны прынцып", устанаўляючы, што жанчына, якая займаецца хатняю гаспадаркаю, мае права на частку супольнае маёмасьці, набытае ў час шлюбу. Апошняя думка разьвіта больш дакладна ў аднэй з пастаноў Г.-К. К. за 1925 г.

„Установившаяся судебная практика признает, что имущество, нажитое супругами при их совместной жизни, является их общей собственностью. Для этого отнюдь не требуется, чтобы оба супруга занимались одной и той же деятельностью... Если муж занимается торговлей, а жена ведет домашнее хозяйство, занимается воспитанием детей и т. п., она тем не менее не лишена права на половину того имущества, которое явилось результатом ее совместной жизни с мужем. Вопрос о праве супруга на долю в таком имуществе есть, конечно, вопрос факта, но при наличии вышеуказанной судебной практики отказ супругу в признании за ним доли в имуществе должен быть мотивирован."[2])

У гэтай пастанове судовая практыка ўстанаўляе права супруга на палову маёмасьці, што потым прызнаў і Пленум Найвышэйшага Суда па справе Альшэўскай да свайго мужа на частку выіграша па абліга-цыі, якая была атрымана, як частка пэнсіі. „В трудовой семье на все нажитое во время брака имущество оба супруга имеют равные права".

Такім чынам, судовая практыка РСФСР, яшчэ раней чым быў прыняты новы Кодэкс Законаў аб шлюбе, сям'і і апецы, устанавіла наступнае:

1) што маёмасьць, набытая супольнаю працай супругаў, зьяўляецца супольнаю,

2) што пад словамі „супольная праца" разумеецца і праца жонкі ў хатняй гаспадарцы,

3) што супругі маюць роўныя правы на набытую ў час шлюбу маёмасьць.

У пастановах Г.-К. К. за 1926 год мы бачым далейшае разьвіцьцё сямейна-маёмасных нормаў і ў зьвязку з гэтым некаторае ўхіленьне ад тых трох прынцыпаў, якія вызначаны вышэй.

У пастанове за 12/X 1926 году мы чытаем:

„...суд не вошел в обсуждение особенностей дела и исключительно формально разрешил вопрос о дележе имущества между сторонами пополам". Это неправильно, „так как признавая принцип общей собственности имущества, нажитого за время фактических (в данном случае слово „фактических" не надо понимать как противоположное юридическим. Ф. Г.) брачных отношений, суд должен исходить из нормальной хозяйственно-трудовой обстановки жизни семьи. Если-же кто либо из супругов своими действиями не столько содействовал накоплению имущества, сколько во вред другого растрачивал таковое, то суд не может при вычислении размера выделяемого имущества не учитывать этого обстоятельства. Кроме того, суду надлежит иметь в виду, прежде всего, интересы остающихся детей, так как хотя в данном случае нет раздела крестьянского двора, но все-же ввиду наличия факта нахождения 5 детей у ответчика суд не может не принять во

[1]) Той самы збор. Пастанова № 36, стар. 108.
[2]) Пастанова па справе Краўца з Яфрэмавай за 22 ліпеня 1925 году.

внимание положения последнего при распределении имущества."[1])

У інструкцыйным лісьце Г.-К. К. мы чытаем наступную дырэктыву судом:

„Суд поделил пополам между супругами не только имущество общего пользования (обстановку, ценности, дом), но также и торговое предприятие мужа, в котором жена участия не принимала. Г.-К. К. признала, что в данном случае принцип общности имущества не может быть распространен на торговое предприятие, так как оно никакой связи с семейными отношениями супругов не имеет, указав, что самостоятельная деятельность каждого из супругов в области имущественных прав допущена, как Кодексом Законов об актах гражданского состояния, так и Г. К., и что при отсутствии участия супруги в предприятии мужа, она не может претендовать на таковое."[2])

Такім чынам, Г. К. К. Найвышэйшага Суда РСФСР ўжо абмяжоўвае бязумоўнае права супруга на палову маёмасьці, прызнае магчымым існаваньне паасобнае маёмасьці мужа і ў тым выпадку, калі яна набыта ў час шлюбу, а таксама прапануе суду „мецъ на ўвазе *перш за ўсё* інтарэсы дзяцей". Апошняе дае нам права сьцьвярджаць, што Г.-К. К. часткова пераносіць прынцыпы Зямельнага Кодэксу аб сямейнай маёмасьці на гарадзкія сем'і, хаця ў другім мейсцы таго самага інструкцыйнага лісту Г.-К. К. адзначае, што

„очень часто суды переносят принципы Земельного Кодекса и на городские семьи. Это конечно неверно, так как ни Г. К., ни Кодекс об актах гражданского состояния не устанавливает понятия общего семейного имущества, кроме установленной новым Кодексом общности имущества супругов, нажитого во время брака".

Судовая практыка УССР таксама не прызнае поўнае паасобнасьці маёмасьці супругаў. Яшчэ ў 1922 годзе Аддзел Судовага Кантролю НКЮ УССР растлумачыў па справе Пракопенка, што

„при установлении раздельного жительства каждый из супругов вправе требовать свою долю в хозяйстве. При определении этой доли надо принять в соображение, что было каждым из супругов внесено в хозяйство; если труд, то какой полезности был труд, каковы результаты хозяйства вообще".

Г.-К. К. Найвышэйшага Суда УССР у 1923 і 1924 г. г. стаіць на тым самым пункце погляду, што і Аддзел Судовага Кантролю, праводзячы ў сваіх пастановах прынцып супольнасьці маёмасьці супругаў:

„Имущество приобретенное супругами в течение их общей семейной жизни должно быть признаваемо общей собственностью данных супругов".[3])

„Имущество, нажитое общим трудом и силами умершего, его жены и дочери подлежит в силу трудового принципа разделу между последними соответственно продолжительности совместной жизни каждой из них с умершим и с принятием в соображение и материального их положения".[4])

Праўда, нельга яшчэ дакладна ўстанавіць, чым кіруецца Г.-К. К. Найвышэйшага Суда УССР, калі прызнае супольнасьць маёмасьці супругаў: працоўным прынцыпам ці фактам супольнага жыцьця супругаў, незалежна ад працы кожнага з іх у супольнай гаспадарцы. Апроч таго, з другое з паказаных вышэй пастаноў відаць, што працоўны прынцып,

[1]) „Судебная практика РСФСР" за 1927 год, № 1.
[2]) „Судебная практика РСФСР" за 1927 г., № 2, стар. 11.
[3]) „Сборник определений Г-К. К. Верхсуда УССР" за 1923 г., паст. № 339.
[4]) Той самы „Сборник" за 1924 г., вып. I, паст. № 20.

як падстава прызнаць супольную маёмасьць супругаў, не праводзіцца цалкам нават і тут, калі Найвышэйшы Суд цьвёрда стаў на гэты пункт погляду, бо на ўстанаўленьне разьмеру частак робіць уплыў і матар'яльнае становішча старон. Але ўжо ў далейшых сваіх пастановах Найвышэйшы Суд УССР прызнае працоўны прынцып адзінаю падставай супольнасьці маёмасьці супругаў, якая набыта ў час шлюбу. Аб гэтым сьведчыць шэраг пастаноў Г.-К. К. Найвышэйшага Суда УССР, з якіх адзначым, як вельмі характэрную, пастанову па справе А. Чэхаўскога да П. Чэхаўской аб праве на дом.[1])

Нарэшце і ў БССР суды пры вынясеньні рашэньняў па пытаньнях аб маёмасьці супругаў кіраваліся гаспадарча-працоўным прынцыпам і не прытрымліваліся фармальнага пункту погляду, які праводзіцца ў артыкуле 105 Кодэксу Законаў аб актах грамадзянскага стану выданьня 1918 году.[2])

* * *

Мы палічылі за патрэбнае дакладна застанавіцца на судовай практыцы да ўваходу ў сілу новага Кодэксу Законаў аб шлюбе, сям'і і апецы, каб давесьці, што ідэя супольнасьці маёмасьці супругаў, набытае пасьля шлюбу, якая ляжыць у аснове артыкулу 21 Кодэксу аб шлюбе БССР, артыкулу 10 Кодэксу РСФСР і артыкулу 125 Кодэксу УССР, прадыктавана самім жыцьцём, якое самавольна зламала норму Кодэксу 1918 году. Кодэкс выданьня 1927 году (ў УССР 1926 г.,) толькі аформіў у заканадаўчым парадку норму, якая была праведзена ў жыцьцё судоваю практыкаю ўсіх саюзных рэспублік. У аб'ясьняльнай запісцы НКЮ РСФСР да новага Кодэксу і праводзіцца гэтая думка. Гаворачы аб тым, што ў Кодэксе пакідаецца норма аб паасобнасьці маёмасьці супругаў, набытае раней шлюбу, аб'ясьняльная запіска далей паказвае, што „в отношении имущества, нажитого супругами в течении брака, проект становится на прямо противоположную точку зрения. Брак при Советском строе представляет собой, прежде всего, союз двух трудящихся, где нет возможности расчленить, что из общего имущества в этом союзе и кем именно заработано и принесено для общего пользования; поэтому с правовой стороны диктуется необходимость признать общность прав каждого из супругов на все, что добыто им за время совместной жизни. Эта потребность выявлена нашей судебной практикой, которая установила еще в 1922 г., что даже в тех случаях, когда один из супругов, обычно жена, ограничивается работой только по обслуживанию семьи, не принося никаких доходов извне, как это делает муж, она производит, однако, полезную работу, вполне соответствующую работе мужа, почему и имеет полное право на получение своей доли из общего имущества при расчленении брачного союза в меру вложенного труда... Поэтому в ст. 9-й проект устанавливает общую собственность супругов на все то имущество, какое у них явилось в результате их совместной брачной жизни, не ставя себе явно безнадежной и принципиально неправильной задачи учесть и расценить, что и в какой мере кто из супругов внес в это общее достояние“.[3])

---

[1]) Той самы „Сборник“, вып. 3, паст. № 207. Гл. таксама пастановы №№ 206 231 і інш.

[2]) Мы не даем тэкстаў пастаноў судоў БССР, таму што яны пакуль што не публікуюцца. Аднак, мы грунтуемся на зусім верагодных даных абследваньня практыкі судоў першае інстанцыі у галіне сямейна-шлюбнага права, зробленага НКЮ БССР у 1926 годзе.

[3]) „Проект Кодекса законов о браке, семье и опеке с об'яснительной запиской, одобренный СНК РСФСР и вносимый на утверждение 2-ой сессии ВЦИК 12 созыва“ стр. 6.

Як відаць з гэтае цытаты, НКЮ РСФСР, прызнаючы супольнасьць маёмасьці супругаў, грунтуецца на характары працоўнае сям'і і на гаспадарча-працоўным прынцыпе. Аднак, у першапачатковай рэдакцыі Кодэксу НКЮ гаворыць ужо пра супольнасьць *усякае* маёмасьці супругаў, незалежна ад працоўнага ці непрацоўнага характару яго набыцьця. Артыкул 9 праекту НКЮ, зацьверджанага Саветам Народных Камісараў і паданага II сэсіі ВЦИК XII скліканьня кажа, што „имущество, нажитое супругами в течение брака, считается принадлежащим супругам на началах общей собственности (статьи 61-65 Г. К.)". У літаратуры, прысьвечанай крытыцы гэтага праекту, мы знайшлі толькі ў артыкуле т. Раевіча супярэчаньні супроць паказанай рэдакцыі артыкулу 9. Раевіч кажа:

„К имуществу нетрудовому не только неприменимы приведенные тов. Курским (в об'яснительной записке. Ф. Г.) соображения, но об'явление его общей собственностью супругов было бы вредным по ряду причин. Во-первых, это означало-бы нецелесообразное дробление собственности на торговые и промышленные предприятия и переход их, в половинной доле, в руки лиц, деловая неспособность которых в большинстве случаев очевидна. Во-вторых, при обложении налогами ставки налога, при признании имущества находящимся не в единоличной, а в общей собственности, снижается. Аналогичную роль играет это обстоятельство и при определении предельного размера наследственной массы. В-третьих, система общности приобретаемого имущества является наиболее сложной и запутанной из всех существующих систем имущественных отношений супругов и создает большие затруднения при разделе нетрудового имущества и в случае несостоятельности. Необходимо поэтому внести оговорку о том, что ст. 12 проекта (первого, до утверждения его СНК и аналогичная приведенной нами ст. 9 утвержденного СНК проекта Ф. Г.) не распространяется на имущества, нажитые в результате нетрудовой деятельности одного из супругов".[1])

Рэдакцыя артыкулу 9 была, аднак, у асноўным прынята сэсіяю ВЦИК. Зьмены, зробленыя ў ёй, тычацца тэрміналёгіі і, галоўным чынам, пытаньня аб частцы супруга. Заканадаўчыя органы РСФСР, відавочна, не згадзіліся з думкаю НКЮ аб „явной безнадежности и принципиальной неправильности задачи учесть долю, внесенную каждым из супругов в общее имущество" і прызналі, што разьмер долі кожнага вызначаецца судом. У выніку артыкул 10 Кодэксу, які адпавядае артыкулу 9 праекту, запісан у такой рэдакцыі:

„10. Имущество, принадлежавшее супругам до вступления в брак остается раздельным их имуществом. Имущество, нажитое супругами в течение брака считается общим имуществом супругов. Размер принадлежащей каждому супругу доли в случае спора определяется судом.

ПРИМЕЧАНИЕ. Права супругов в отношении пользования землей и в отношении имущества общего пользования в составе крестьянского двора определяются ст. ст. 66 и 67 Земельного Кодекса и изданными в развитие и дополнение их узаконениями".

Адпаведныя артыкулы Кодэксу законаў аб шлюбе БССР (арт. 21) і Кодэксу УССР (арт. 125) зрэдагаваны наступным чынам:

Артыкул 21 Кодэксу БССР.	Артыкул 125 Кодэксу УССР.
„Маёмасьць, нажытая супругамі ў часе шлюбу супольнаю працаю,	„Имущество, нажитое супругами совместным трудом во время бра-

[1]) „Советское право" за 1925 г., № 3. С. Раевич „Проект Кодекса Законов о браке, семье и опеке РСФСР" стр. 8—9

належыць абодвым супругам на асновах супольнае ўласнасьці (арт. арт. 61—65 Грамадзянскага Кодэксу) у роўных частках. Іншая маёмасьць складае паасобную ўласнасьць кожнага з іх.

УВАГА 1. Праца ў хатняй гаспадарцы і гадаваньне дзяцей прыроўніваецца ў адносінах праў на маёмасьць да працы па адшуканьні сродкаў да жыцьця

УВАГА 2. Маёмасныя правы і абавязкі супругаў—працоўных землякарыстальнікаў рэгулююцца Зямельным Кодэксам".

ка, считается принадлежащим обоим супругам на началах общей собственности (ст. ст. 61—65 Гражданского Кодекса УССР) в равных долях, остальное же имущество составляет отдельную собственность каждого из них.

ПРИМЕЧАНИЕ. Труд жены по ведению домашнего хозяйства или по уходу за детьми приравнивается в отношении прав на имущество к труду мужа по добыванию средств к жизни".

Пры параўнаньні артыкулаў Кодэксаў БССР, УССР і РСФСР, якія грунтуюцца на адным і тым самым прынцыпе, мы бачым значную розьніцу:

1) Кодэксы БССР і УССР прызнаюць супольнай уласнасьцю маёмасьць, набытую супольнаю працаю, разумеючы пад такою працаю і працу жонкі па вядзеньні хатняе гаспадаркі; Кодэкс РСФСР гаворыць наогул аб маёмасьці, якая набыта ў час шлюбу.

2) Кодэксы БССР і УССР прызнаюць роўнае права супругаў на такую маёмасьць; Кодэкс перадае пытаньне аб долі кожнага з супругаў на вырашэньне суда.

3) Кодэксы БССР і УССР характарызуюць такую маёмасьць, як супольную ўласнасьць, спасылаючыся пры гэтым на адпаведныя артыкулы Грамадзянскага Кодэксу; Кодэкс РСФСР дае расплыўчатае разуменьне „супольная маёмасьць супругаў".

4) У дачыненьні да вызначэньня долі маёмасьці ў сялянскім двары значна зьбліжаюцца паміж сабою рэдакцыі адпаведных уваг у Кодэксах БССР і РСФСР (увага 2 да арт. 121 БССР і ўвага да артыкулу 10 РСФСР); Кодэкс УССР зусім не гаворыць пра гэта.

Разгледзім больш дакладна гэтую розьніцу і яе юрыдычныя вынікі. БССР і УССР, прызнаючы супольнаю ўласнасьцю толькі набытое супольнаю працай, грунтуюцца пры гэтым беспасрэдна на вымаганьнях жыцьця, якія адбіліся ў судовай практыцы, і на інтарэсах сапраўды працоўнае сям'і. РСФСР, грунтуючыся нібы на тым самым працоўным прынцыпе, на справе зьмяняе яго і, гаворачы пра маёмасьць, набытую ў час шлюбу, фактычна ставіць у аднолькавыя ўмовы сям'ю працоўнага і сям'ю нэпмана, хоць ясна, што ўмовы жыцьця ў гэтых сем'ях зусім розныя. Паводле рэдакцыі Кодэксу РСФСР, спадчына, атрыманая ў час шлюбу адным з супругаў, будзе лічыцца супольнаю маёмасьцю. Таксама супольным зьяўляецца гандлёвае прадпрыемства мужа, хоць у паказанай вышэй пастанове Найвышэйшы Суд робіць, і зусім правільна, працілеглы вывад. Праўда, гэты недахоп артыкулу 10 Кодэксу РСФСР карэктуецца тым, што паводле гэтага самага артыкулу частка супругаў у кожным паасобным выпадку вызначаецца судом (чым яшчэ Кодэкс РСФСР адрозніваецца ад Кодэксаў БССР і УССР).

Аднак, мы цалкам згаджаемся з думкаю НКЮ РСФСР, запісанаю ў аб'ясьняльнай запісцы да першапачатковага праекту, і лічым, што вызначэньне фактычнага ўдзелу кожнага з супругаў у набыцьці маёмасьці зьяўляецца задачаю, якая відавочна не пад сілу суду[1]).

[1]) Такі самы погляд у заканадаўчых органаў БССР і УССР.

Закон РСФСР, які дае вялікі прастор пагляду суду, у той самы час не дае суду ніякіх кіруючых дырэктыў, што можа прывесьці да законнасьці разанскай і законнасьці калускай і можа замест прастору судовага пагляду ўтварыць прастор для самавольства судзьдзяў.

Ёсьць і яшчэ адна небясьпека ў фармуліроўцы Кодэксу РСФСР, што ўжо адзначыў Найвышэйшы Суд РСФСР у аднэй з сваіх пастаноў. Гэтая небясьпека заключаецца ў пашырэньні пачаткаў супольнасьці маёмасьці сялянскага двара і на гарадзкія сям'і, г. зн. у замене інстытуту маёмасьці *супругаў* інстытутам маёмасьці *сям'і*. Нарэшце, вялікае сумленьне выклікае замена яснага і пэўнага тэрміну „супольная ўласнасьць“ са спасыланьнем пры гэтым на Грамадзянскі Кодэкс тэрмінам „супольная маёмасьць“ без такога спасыланьня. Ня гледзячы на тое, што інстытуту супольнае ўласнасьці прысьвечана ў Г. К. толькі пяць артыкулаў, ён юрыдычна досыць дакладна вызначан. Гэта значыць: супольнае кіраваньне маёмасьцю на зусім аднолькавых правох, што падкрэсьлівае для данага выпадку прынцып роўнаправяя супругаў; адказнасьць за асабовыя даўгі толькі сваёю часткаю і адказнасьць усёю супольнаю маёмасьцю за даўгі з гэтае маёмасьці (падаткі, зборы і да т. п.). Апроч таго, у гэтых-жа артыкулах устаноўлена права выдзелу і парадак яго. У той самы час, дзякуючы таму, што прызнана роўнасьць частак супругаў у гэтай маёмасьці, закон цалкам забясьпечвае магчымасьць спаганяць з усяе маёмасьці за даўгі сям'і, напрыклад, за даўгі, зьвязаныя з аплатаю працы хатняе работніцы, з наймам кватэры і да т. п. Праўда, у некаторых выпадках нельга правесьці поўнай аналёгіі паміж супольнаю ўласнасьцю па Грамадзянскім Кодэксе і маёмасьцю супругаў, бо ў апошнім выпадку да чыста рэчавых праваадносін далучаюцца і адносіны асабова-праўныя. Але тут мы сустракаемся толькі з карэктывамі да зусім пэўна вызначанага юрыдычнага становішча супольнае ўласнасьці. Рэдакцыя артыкулу 21 Кодэксу БССР і артыкулу 125 Кодэксу УССР не дае магчымасьці забраць усю маёмасьць сям'і за даўгі мужа альбо жонкі з прычыны п'янства, распуснага жыцьця і да т. п. Ня тое ў Кодэксе РСФСР, дзе пад словамі „агульная маёмасьць“ можна разумець і ідэальную супольнасьць маёмасьці супругаў, пры якой пануе кругавая парука і салідарная адказнасьць, і гэтак званую сыстэму поўнае супольнасьці ў Заходня-Эўрапэйскіх заканадаўствах, якая мірна жыве побач з прыгнечаным становішчам жонкі і ўзурпацыяю яе праў, дзе супольнасьць ёсьць патэнцыяльная сіла, якая выяўляецца толькі пры разводзе, пры падзеле супольнае маёмасьці, а не ў час шлюбу. Бліжэй да ісьціны рэдакцыя Кодэксаў БССР і УССР, хоць і тут не пашкодзіла-б увесьці дзьве-тры дадатковыя нормы, якія адрозьнівалі-б супольную ўласнасьць супругаў ад супольнае ўласнасьці наогул.

Апошняя розьніца, якая тычыць маёмасных адносін у сялянскім двары, зьяўляецца не такою важнаю, таму што, уласна кажучы, справы на ўсіх трох рэспубліках будуць вырашацца аднолькава, дзякуючы роўнасьці адпаведных норм у зямельных кодэксах саюзных рэспублік. У даным выпадку можна гаварыць толькі аб рэдакцыйнай перавазе Кодэксаў БССР і РСФСР у параўнаньні з Кодэксам УССР.

Наступным артыкулам, які рэгулюе маёмасныя адносіны супругаў, зьяўляецца арт. 24 Кодэксу Законаў аб шлюбе БССР:

„24. У адносінах да маёмасьці, складаючай паасобную ўласнасьць, супругі могуць уваходзіць паміж сабою ва ўсе дазволеныя законам маёмасна-дагаворныя адносіны. Згоды паміж супругамі, накіраваныя да зьмяншэньня маёмасных праў жонкі або мужа і іх дзяцей неправадзейны і неабавязковы для трэйціх асоб і для супругаў“.

Калі выкінуць з гэтага артыкулу словы: „У адносінах да маёмасьці, складаючай паасобную уласнасьць“, то мы будзем мець арт. 127 Кодэксу аб сям'і УССР (ня лічачы рэдакцыйнай розьніцы). Калі-ж апроч таго, прапусьціць словы: „і іх дзяцей“, то будзе артыкул 13 Кодэксу аб шлюбе РСФСР. Такім чынам, першая розьніца—тое, што Кодэкс БССР дазваляе ўсякія ўгоды паміж супругамі толькі ў дачыненьні да маёмасьці, якая складае паасобную ўласнасьць, гэта значыць, набыта раней шлюбу. Мы лічым гэта зусім правільным, бо, падлічваючы канкрэтныя эканамічныя ўмовы жыцьця ў Саюзе ССР, мы не знаходзім іншых прычын і повадаў для такіх угод, апроч імкненьня нэпмана вызваліць сябе праз фіктыўную ўгоду ад плацяжу падаткаў альбо ад іншых да таго падобных дзяржаўных павіннасьцяй. Апроч таго вынікам з кожнай значнай маёмаснай угоды безумоўна, было-б некаторае парушэньне прынцыпу супольнасьці маёмасьці і таму такая ўгода лічылася-б паводле Кодэксаў РСФСР і УССР неправядзейною, як памяншаючая маёмасныя правы аднэй з старон. Што-ж датычыць другое розьніцы, то для нас неясна, што меў на ўвазе заканадаўца БССР і УССР, калі зрабіў гэтую розьніцу ў параўнаньні з артыкулам 13 Кодэксу РСФСР. Дарэньне маёмасьці адным з супругаў другому, тэстамэнт і да т. п., бязумоўна, можа шкодзіць дзецям, але ня можна-ж лічыць такую ўгоду на гэтай падставе незаконнай. Калі-ж гаварыць аб паасобнай маёмасьці дзяцей, то пытаньне гэта рэгулюецца артыкулам 62 Кодэксу і некаторымі артыкуламі разьдзелу аб апецы, якія даюць зусім цьвёрдую і пэўную гарантыю інтарэсаў дзяцей. Магчыма, што практыка дасьць гэтай норме пэўны сэнс. Пакуль што, як быццам, адпаведных выпадкаў у судовай практыцы саюзных рэспублік няма.

Вельмі значнаю зьяўляецца розьніца маёмасных адносін супругаў, якія знаходзяцца ў фактычным шлюбе.

У БССР і ў РСФСР закон аднолькава рэгулюе пытаньне аб фактычных шлюбных адносінах. Арт. арт. 22 і 23 Кодэксу БССР і аналёгічныя артыкулы—11 і 12 Кодэксу РСФСР устанаўляюць пэўныя прыметы фактычных шлюбных адносін, вынікам якіх зьяўляюцца пэўныя маёмасныя адносіны. Аднак, у Кодэксе БССР ёсьць артыкулы аб неправадзейнасьці шлюбу, калі адзін з супругаў ужо знаходзіцца ў шлюбе (арт. арт. 9 і 13 Кодэксу БССР), у той самы час, як Кодэкс РСФСР гаворыць толькі аб тым, што такі шлюб ня можа быць зарэгістраваны. З гэтае прычыны ў РСФСР магчымы пратэнзіі двох мужоў альбо дзьвёх жонак на адну і тую самую маёмасьць і задаволеньне абодвых іскаў, г. з. фактычнае прызнаньне бігаміі.

Наш погляд будзе яшчэ больш пераконваючым, калі мы ўспомнім, што паводле законаў РСФСР, каб прызнаць супольнасьць маёмасьці, зусім ня трэба супольнае працы ў зарэгістраваным шлюбе. Для фактычнага шлюбу гэта ўмова зьяўляецца часткова абавязковаю, таму што аднэю з прымет, патрэбных для таго, каб прызнаць фактычныя шлюбныя адносіны, зьяўляецца супольнае жыцьцё і супольнае вядзеньне гаспадаркі. Паводле-ж беларускага Кодэксу, у даным выпадку больш абараняюцца правы зарэгістраванае жонкі[1]) і ўжо ва

[1]) Зразумела, ў канкрэтных выпадках, калі ёсьць ўсе довады фактычнага скасаваньня шлюбу, суд можа прызнаць перш, шлюб парвaным, хаця-б і ня было фармальнага разводу. У гэтым нас пераконвае вельмі асьцярожная рэдакцыя арт. 29 Кодэксу БССР, якая яснай і пэўнай формулы: „супругі павінны зарэгістраваць фак скасаваньня шлюбу ў органах ЗАГС“—дае больш гібкую фармуліроўку: „скасаваньне шлюбу.. пры жыцьці супругаў рэгіструецца ў органах ЗАГС“—а далей адзначае, што: „гэты запіс у кнігах ЗАГС зьяўляецца *бяспрэчным* довадам скасаваньня шлюбу“, дапушчаючы, відавочна, іншы *спрэчны* парадак доваду скасаваньня шлюбу. Больш ясна запісана ўстаноў-

ўсякім разе немагчыма задаволеньне іскаў дзьвёх жонак альбо двох мужоў, таму што неправадзейны шлюб не выклікае ніякіх юрыдычных вынікаў.

На іншым пункце погляду стаіць па даным пытаньні УССР. Арт. арт. 111 і 114 Кодэксу УССР прызнаюць неправадзейным шлюб асобы, якая ўжо знаходзіцца ў шлюбе, а артыкул 139 устанаўляе, што калі ёсьць зарэгістраваны шлюб, то не дазваляецца рэгістрацыя ўстаноўленага судом фактычнага шлюбу. Аднак, паводле артыкулу 140, і ў апошнім выпадку суд можа пастанавіць аб прызнаньні за аднэй з старон праў, прадугледжаных арт. арт. 125, 128—132 Кодэксу аб сям'і УССР, г. з. дазваляецца, паміж іншым, прызнаньне судом права на маёмасьць, калі яна набыта супольнаю працаю. Такім чынам, у УССР могуць быць два іскі двох мужоў альбо дзьвёх жонак, але за розны час. Суду прыдзецца выясьніць, калі была набыта маёмасьць, а таксама, якое маёмасьці тычыцца кожны з іскаў, і ў залежнасьці ад гэтага вырашаць справу.

Гэты момант яшчэ вастрэй у пытаньнях спадчынаемства зарэгістраванае і фактычнае жонкі пасьля мужа. Быць спадчынаемцам на падставе закону і на падставе тэстамэнту паводле Кодэксаў БССР і УССР можа толькі адзін з супругаў, бо ёсьць артыкулы аб неправадзейнасьці шлюбу асобы, якая знаходзіцца ў другім шлюбе.[1]) Што-ж датычыць права разьведзенае жонкі на частку маёмасьці ў зьвязку з артыкулам аб супольнай маёмасьці супругаў, то гэта ня мае ніякага дачыненьня да права быць спадчынаемцам; гэта іск аб праве ўласнасьці, які павінен быць вырашан паасобна.

Нарэшце, адзначым розьніцу рэдакцыі арт. 3 Кодэксу БССР і РСФСР і арт. 41 дадатку 1-га да Кодэксу УССР. Арт. 3 Кодэксаў БССР і РСФСР устанаўляе, што: „Асобы, якія знаходзяцца ў шлюбных адносінах, незарэгістраваных ва ўстаноўленым парадку, маюць права ва усякі час аформіць свае адносіны рэгістрацыяю з паказаньнем тэрміну фактычнага супольнага жыцьця“. Відавочна, гэты тэрмін, запісаны ў кнігах ЗАГС, і будзе лічыцца бясспрэчным довадам існаваньня шлюбу, запісанага пасьля яго фактычнага заключэньня, что можа прывесьці прызнаньня паасобнае маёмасьці жонкі альбо мужа супольнаю маёмасьцю супругаў. У УССР арт. 41 дадатку 1 устанаўляе права супругаў заявіць тэрмін іх фактычнага супольнага жыцьця. Аднак, „указанная регистрация является бесспорным доказательством наличия брака *лишь с момента его регистрации*“. Гэта не дае магчымасьці прызнаць супольнаю уласнасьцю тую маёмасьць, якая фактычна належыць аднаму з супругаў, што вельмі важна для дзяржавы пры розных спагнаньнях з маёмасьці. У даным выпадку інтарэсы дзяржавы больш забясьпечаны ў УССР.

леная намі норма ў арт. 120 Кодэксу УССР: „бесспорным доказательством расторжения разводом брака... является внесение записей о разводе в книгу ЗАГС или определение суда о признании данного брака расторгнутым“. І ўжо зусім дакладна запісана гэта норма ў Кодэксе РСФСР у арт. арт. 18 і 20: „19. Прекращение брака, как зарегистрированного, так и незарегистрированного, но установленного судом согласно ст. 12 настоящего Кодэкса, при жиэни супругов может быть зарегистрировано в органах записей актов гражданского состояния (развод). 20. Факт прекращения брака в случае отсутствия регистрации развода может быть равным образом устанавливаем судом“

[1]) Гэта ня тычыцца выпадкаў, калі фактычная жонка знаходзіцца цалкам на ўтрыманьні мужа на працягу аднаго году да дня яго сьмерці. У гэтым выпадку з супольнае маёмасьці, якая лічыцца маёмасьцю мужа і зарэгістраванае жонкі, выдзяляецца палавіна, якая зьяўляецца спадчынаю масай, і гэта маса падзяляецца паміж зарэгістраванаю і незарэгістраванаю жонкамі, а таксама паміж дзяцьмі і іншымі ўтрыманцамі, калі яны ёсьць. У даным выпадку фэктычная жонка зьяўляецца спадчынаемцам на падставе агульных норм Грамадзянскага Кодэксу, як утрыманка.

* * *

Паказаная розьніца ў заканадаўстве робіць, бязумоўна, уплыў на судовую практыку саюзных рэспублік.

Раней чым пачаць азнаямленьне з судоваю практыкаю, мы лічым патрэбным зрабіць дзьве заўвагі. Праўныя нормы, якія рэгулююць сямейна-маёмасныя адносіны, вельмі слаба распрацаваны. На падставе зьмешчаных у Кодэксе 3-4 артыкулаў аб гэтым пытаньні суд павінен стварыць шэраг юрыдычных норм, удасканальваючы, канкрэтызуючы і растлумачваючы чынны закон. Дзякуючы аднолькавым сацыяльна-эканамічным умовам жыцьця ў саюзных рэспубліках, гэта можа прывесьці да зьбліжэньня судовае практыкі гэтых рэспублік. Апроч таго, трэба ўзяць пад увагу той факт, што Кодэксы законаў аб шлюбе, сям'і і апецы ўвайшлі ў сілу ня так даўно: у УССР—у канцы лістападу 1926 году, у РСФСР—1 студзеня 1927 году, у БССР—1 сакавіка 1927 году. З прычыны гэтага судовая практыка, якую можна вывучыць, г. з. якая ўжо апублікавана, вельмі невялікая і яшчэ ня досыць устанавілася. Таму мы лічым, што яшчэ рана рабіць пэўныя вывады. Аднак, нельга не адзначыць, што ў адным вельмі важным пытаньні—у пытаньні аб адказнасьці аднаго з супругаў за даўгі другога судовая практыка РСФСР розьніцца ад судовае практыкі УССР.

Па справе № 31868 Грамадзянска-Касацыйная Калегія Найвышэйшага Суда РСФСР растлумачыла:

„Кассатор оспаривает то положение в решении суда, что признанное общим имущество его с женой тем не менее должно подвергнуться полностью продаже за единоличный долг жены. Однако, это положение суда основано на мысли ст. 10 Кодекса Законов о браке, которая, говоря об имуществе, нажитом супругами в течение брака и являющимся общим их имуществом, тем самым имеет в виду, что и прожитое имущество (т. е. долги) считается прожитым имуществом сообща, ибо при совместной жизни супругов в общем источнике доходов их выделять особо долги каждого супруга в смысле неответственности общего нажитого имущества нет законных оснований, пока формально и житейски отдельная доля каждого супруга еще не определена в том или ином виде, об'язательном и для третьих лиц. По данному случаю никаких договорных отношений между супругами в смысле раздела общего имущества или самостоятельности деятельности каждого из них—что имеется в виду ст. 13 Кодекса Законов о браке—не было и, следовательно, то общее имущество, какое имелось у супругов Поповых, правильно предназначено на удовлетворение кредиторов Поповой. Таким образом, следует признать, что супруги совместно отвечают тем общим имуществом, которое ими было приобретено за время совместной жизни, и, случай, указываемый кассатором, когда за долги жены, произведенные при общей жизни с мужем, будет подвергнуто продаже все общее имущество, вполне возможен, при условии, конечно, если тот или другой из супругов не докажет, что часть имущества является его единоличной собственностью.[1])

Яшчэ больш пэўныя тлумачэньні дала тая самая Грамадзянска-Касацыйная Калегія па дзьвёх справах аб выключэньні паводле просьбы жонкі часткі рэчаў з опісу маёмасьці, зробленай ў першым выпадку за даўгі мужа па падатках, а ў другім выпадку—для сплаты страт дзяржаўнае ўстановы ад растраты яе служачага:

[1]) „Судебная практика РСФСР“ за 1927 г., № 12, ст. 12.

„При разрешении спора об исключении из описи имущества, описанного за долги, суду надлежало отнестись очень осторожно, тем более, что ответчиком по делу является финорган, который вправе предполагать общую собственность супругов, пока противное недоказано, а следовательно, и ответственность за долги каждого из супругов“.[1])

„...В виду того, что опись имущества произведена по претензии госоргана к Филипову, совершившему растрату казенных денег, суд правильно подтвердил ответственность общего имущества за долги одного Филипова. По скольку имущество не было разделено, и истица жила на средства мужа, нет никаких оснований делить таковое теперь только с единственной целью неплатежа налогов“.[2])

Інакш вырашыла гэтае пытаньне Грамадзянска-Касацыйная Калегія Найвышэйшага Суда УССР.

„При совершении уголовного преступления одним из супругов, имущественная ответственность может пасть лишь на причитающеюся этому супругу часть общей собственности обоих супругов, если не будет доказано в судебном порядке, что это общее имущество было приобретено супругами на средства, добытые одним из супругов путем совершения им уголовного преступления“.[3])

Зусім не закранаючы пытаньня аб тым, ці правільна вырашаны справы ў даных канкрэтных выпадках, мы адзначаем, што паказаныя прыклады пастаноў грамадзянска-касацыйных калегій Найвышэйшых Судоў РСФСР і УССР, у якіх ёсьць дырэктывы *агульнага характару*, значна розьняцца паміж сабой. У той час, як УССР устанавіла, як прэзумпцыю, адказнасьць за даўгі аднаго з супругаў толькі часткаю маёмасьці супругаў, дапушчаючы адказнасьць усёю маёмасьцю толькі, калі судовым парадкам будзе даведзена, што супольная маёмасьць набыта на сродкі, здабытыя злачынствам, Г.-К. К. Найвышэйшага Суда РСФСР дапушчае працілеглую прэзумпцыю: адказнасьць усёю маёмасьцю за даўгі кожнага з супругаў, пакуль другі супруг не давядзе, што маёмасьць належыць асабіста яму, г. з., гаворачы мовою пастановы Г.-К. К. Найвышэйшага Суда РСФСР, што маёмасьць зьяўляецца „разьдзельнаю“.

Больш правільным мы лічым пункт погляду Грамадзянска-Касацыйнае Калегіі Найвышэйшага Суда УССР. Да рэчы, цяпер ён сьцьвярджаецца законам Саюзу ССР. У пастанове ЦВК і СНК СССР „аб парадку адплаты ўшчэрбку ад страт, прысваеньняў і кражы маёмасьці дзяржаўных устаноў і прадпрыемстваў, каапэрацыйных, прафэсыйных і грамадзкіх арганізацый“ ёсьць артыкул, які рэгулюе пытаньне аб спагнаньні з супольнае маёмасьці супругаў:

2. „У выпадках, паказаных у арт. 1, спагнаньне можа зварочвацца і на ўсю маёмасьць, якою асуджаны (адказчык) уладае сумесна з другімі асобамі, у тым ліку і на агульную маёмасьць сялянскага двара, да складу якога належыць асуджаны (адказчык), а таксама на агульную маёмасьць супругаў, калі па суду будзе ўстаноўлена, што агульная маёмасьць павялічалася дзякуючы злачынству.

Узварот спагнаньня на агульную маёмасьць дапушчаецца толькі пры ўмове адпаведнай у тым абмоўкі ў прыгаворы або вырашэньні суду.

---

[1]) Там-жа, № 8. Пастанова па справе гр-кі Субоцінай (спр. № 374).

[2]) Там-жа, № 21. Пастанова па справе гр-кі Філіпавай (д. № 33984).

[3]) „Вестник Советской Юстиции“ за 1927 г., № 9—10 ст. 379. Пастанова па справе гр-кі Данцовай (д. № 1978).

УВАГА: Чыннасьць гэтага артыкулу пашыраецца толькі на тыя выпадкі, калі паміж момантам учыненьня страты, прысваеньня або кражы і момантам узбуджэньня крымінальнага прасьледваньня і прайшло ня больш двух год.[1])

Аднолькава вырашае судовая практыка РСФСР і УССР пытаньне аб праве супруга на частку дому, хаця-б ён і быў зарэгістраваны ў камунальным аддзеле на імя другога супруга, як яго ўласнасьць.[2]) Але ў вызначэньні часткі, належачае кожнаму з супругаў, судовая практыка гэтых рэспублік разыходзіцца. Па справе № 873 Г.-К. К. Найвышэйшага Суда УССР у пастанове за 31 сьнежаня 1926 году кажа:

„Наличие у истицы—жены ответчика—утраты трудоспособности в размере лишь 35% не есть еще основание к разделу имущества, приобретенного ею совместно с мужем, в этой же пропорции, так как ст. 125 Кодэкса законов о семье указывает, что таковое имущество считается принадлежащим обоим супругам на началах общей собственности и при том в равных долях“.[3])

Па аналёгічнай справе—па іску гр-кі Несьцеравай да гр-на Дзяляева аб выдзеле часткі маёмасьці Г.-К. К. Найвышэйшага Суда РСФСР у пастанове за 17 жніўня 1927 году кажа, што:

„Домашние вещи подлежали разделу пополам: но суд, конечно, мог отойти от этого принципа и присудить одной из сторон в связи с конкрэтными обстоятельствами дела и меньше половины, но мотивировать в таком случае свой вывод“.[4])

У той самы час у пастанове па іншай аналёгічнай справе, дзе ісьціца—жонка—хатняя гаспадыня патрабуе ад мужа—гандляра паловы ўсяе маёмасьці, якая складаецца з магазыну і дому, Г.-К. К. Найвышэйшага Суда РСФСР адзначае наступнае:

„В своем решении,—суд, исходя из трудового принципа легшего в основание удовлетворения иска жены, совершенно неправильно определяет этот трудовой принцип у нетрудовых элементов, как заключающийся между прочим даже в устройстве балов. Такой явно неверный мотив суда, однако не нарушает правильного по существу решения суда о признании права истицы на половину нажитого во время брака имущества, тем более, что и судебная практика и завершившая эту практику ст. 10 Кодекса законов о браке установила признание имущества, нажитого во время брака, общим имуществом“.[5])

Такім чынам, у РСФСР і закон, і судовая практыка не даюць ніякіх дырэктыў аб тым, чым трэба кіравацца, устанаўляючы частку супруга ў супольнай маёмасьці, бо аналёгічныя справы (калі муж—гандляр альбо асоба вольнае прафэсіі, а жонка—хатняя гаспадыня) вырашаюцца розна. Трэба, аднак, адзначыць, што судовая практыка РСФСР дае артыкулу 10 Кодэксу законаў аб шлюбе РСФСР тлумачэньне, якое ў значнай частцы адпавядае арт. 21 Кодэксу БССР і арт. 125 Кодэксу УССР, устанавіўшы, як прэзумпцыю, роўнае права супругаў на маёмасьць і прыраўнаньне праўных вынікаў працы па хатняй гаспадарцы да праўных вынікаў працы па адшуканьню сродкаў да жыцьця.

---

[1]) „Збор Законаў СССР“ за 27 г., № 51, арт. 507.

[2]) Гл. пастанову Г.-К. К. Найвышэйшага Суда УССР за 20 сьнежаня 1926 г. па справе Васіленка, якая апублікавана ў „Вестнике Советской Юстиции“ за 1927 г., № 9-10, а таксама пастанову Г-К. К. Найвышэйшага Суда РСФСР па справе № 3372, якая апублікавана ў „Судебной практике РСФСР“ за 1927 г., № 7, ст. 4.

[3]) „Вестник Советской Юстиции“ за 1927 г., № 3.

[4]) „Судебная практика РСФСР“ за 1927 г, № 20. Пастанова па справе № 34333.

[5]) „Судебная практика РСФСР“ за 1927 г., № 7. Пастанова па справе № 3372.

* * *

Рознае рэгуляваньне сямейна-маёмасных адносін у заканадаўствах саюзных рэспублік робіць вельмі цяжкім вырашэньне вынікаючых з гэтых адносін пытаньняў у дачыненьні да шлюбаў паміж грамадзянамі розных рэспублік, да шлюбаў супругаў, якія пераяжджаюць з аднэй рэспублікі ў іншую, а таксама да спрэчак паміж грамадзянамі Саюзу ССР заграніцай. Пра апошняе піша, паміж іншым, у лісьце да саюзных рэспублік Народны Камісарыят Чужаземных Спраў Саюзу ССР, які займаецца цяпер распрацоўкаю інструкцыі консулам аб ужываньні заграніцаю Кодэксаў законаў аб шлюбе саюзных рэспублік.[1]) А таму зусім зразумела, што некаторыя работнікі—юрысты лічаць патрэбным устанаўленьне агульнасаюзных норм па асноўных пытаньнях шлюбнага заканадаўства. Камісія па падрыхтоўцы агульнасаюзных пачаткаў грамадзянскага заканадаўства паставіла перад сабою і гэта пытаньне. Адна з яе падкамісій пастанавіла: „по вопросу о включении в состав основ гражданского законодательства отдельных норм из Кодекса законов о браке РСФСР считать, что возможно было бы включить в Основы содержание нижеследующих статей названного Кодекса: 8, 9, 10, 13, 14, 35, 36, 42, 45, 48, 53, 55, 64 і 85...“

Калі прынцыпова згадзіцца з пунктам погляду падкамісіі, то мы лічылі-б больш мэтазгодным прыняць за аснову замест артыкулаў 10 і 13 Кодэксў РСФСР артыкулы 21 і 24 Кодэксу БССР.

У Кодэкс законаў аб шлюбе БССР трэба было-б, на наш погляд, дадаткова запісаць наступныя нормы: 1) у некаторых канкрэтных выпадках, калі суд пераканаецца, што адзін з супругаў ня удзельнічаў ва ўтварэньні маёмасьці, альбо растраваў яе, то можа пастанавіць альбо аб пазбаўленьні яго часткі ў супольнай маёмасьці, альбо аб дачы яму менш за палову супольнае маёмасьці; б) угоды, учыненыя адным з супругаў на карысьць сям'і, абавязковы і для другога супруга, даўгі па гэтых згодах плацяцца з супольнае маёмасьці і 3) за асабістыя даўгі аднаго з супругаў адказвае толькі тая частка супольнае маёмасьці, якая зьяўляецца ўласнасьцю гэтага супруга, калі праз суд не даведзена, што маёмасьць павялічылася дзякуючы дзеям, вынікам якіх зьяўляецца доўг (напр., адказнасьць па падатках з прадпрыемства, хаця-б яно было ўласнасьцю аднаго з супругаў, калі даходам ад гэтага прадпрыемства карыстаецца ўся сям'я, альбо аплата шкоды ад растраты, калі растрачаная сума скарыстана сям'ёю).

Менск, Люты 1928 г.

---

[1]) Да часу друкаваньня гэтага артыкулу памянёная інструкцыя ўжо выдана, як пастанова ЦВК і СНК СССР. (З. З. СССР. 1928 г., № 5, арт. 44).

Мікола Гуткоўскі.

Кадыфікацыя заканадаўства саюзных рэспублік у галіне адміністрацыйнага права.

12 кастрычніка 1927 году Усеўкраінскі Цэнтральны Выканаўчы Камітэт зацьвердзіў Адміністрацыйны Кодэкс УССР, які набывае сілу з 1 лютага 1928 г.[1])

Такім чынам, мы маем першы ў СССР Адміністрацыйны Кодэкс. Гэты Кодэкс, як напісана ва ўводным да яго законе, мае на мэце дапамагчы ўзмацненьню рэвалюцыйнае законнасьці, а таксама сыстэматызаваць правілы, якія рэгулююць дзейнасьць адміністрацыйных органаў і іншых органаў улады у адміністрацыйнай галіне.

Самы факт выданьня Адміністрацыйнага Кодэксу УССР, які рэгулюе такую важную галіну дзяржаўнае дзейнасьці, ня можа не спыніць на сабе ўвагі адміністратывіста. Асабліва ж гэтая спроба Украінскага ураду ў кадыфікацыі адміністрацыйнага заканадаўства павінна глыбока зацікавіць практычных работнікаў—адміністратывістаў нашае Беларускае Сацыялістычнае Савецкае Рэспублікі, для якой упарадкаваньне адміністрацыйнага заканадаўства ў момант рэарганізацыі савецкага апарату і пашырэньня праў мясцовых органаў набывае актуальнае значэньне і вымагае свайго безадкладнага ажыцьцяўленьня.

Трэба зазначыць, што хаця права пяршынства выданьня Адм. Кодэксу належыць Украіне, аднак права ініцыятывы і першапачатковы праэкт гэтага Кодэксу належаць РСФСР. У 1924 г. Народны Камісарыят Унутраных Спраў РСФСР выдаў праэкт „Административного Устава“ і разаслаў яго для водзыву губэрскім выканаўчым камітэтам, ведамствам і рэспублікам. Чулая заўсёды да карысных навін у галіне заканадаўства Украінская ССР, якая сама адчувала безадкладную патрэбу ўпарадкаваць адміністрацыйнае заканадаўства, доўга над праэктам РСФСР не размышляла, а зрабіўшы нязначныя зьмены ў гэтым праэкце, надрукавала праэкт „Административного Кодекса УССР“, і ўжо ў жніўні 1924 г. Народны Камісарыят Унутраных Спраў УССР унёс гэты праэкт на разгляд СНК.

Аднак справа з кадыфікацыяю адміністрацыйнага заканадаўства і са складаньнем Адміністрацыйнага Кодэксу аказалася не такою простаю. Ні праэкт „Административного Устава РСФСР“, ні праэкт „Административного Кодекса УССР“ заканадаўчымі органамі прыняты ня былі, а вернуты ініцыятарам—народным камісарыятам унутраных спраў—для новае распрацоўкі. З пачатку 1925 г. работа па складаньні адміністрацыйных кодэксаў у РСФСР і на Украіне ідзе самастойнымі пуцямі, без якіх бы то ні было запазычаньняў ад свайго суседа, прычым, РСФСР перабудоўвае наступныя свае праэкты па іншых прынцыпах, а УССР удасканальвае Адміністрацыйны Кодэкс першапачатковай рэдакцыі, запазычанай у РСФСР.

У БССР, як мы зазначылі вышэй, толькі ў нядаўнія часы паўстала пытаньне аб патрэбе ўпарадкаваць заканадаўства у адміністрацыйнай

[1]) Вісти ВУЦВК—1928 г. 5/1, № 4 (2194). СУ/УССР—27, № 63-65, ст. 240.

галіне. Бедная сваімі працаўнікамі БССР ня можа сама прабіваць сьцежкі і рабіць такую работу, якая ўжо зроблена мацнейшымі нашымі суседзямі—РСФСР і УССР.

Каб нам даць адказ, ці патрэбен нам наогул Адміністрацыйны Кодэкс, каб нам дарэмна не шукаць пуцей да ўтварэньня самастойнае сыстэмы такога кодэксу і не рабіць памылак, мы павінны перш за ўсё пазнаёміцца з гісторыяю адміністрацыйных кодэксаў РСФСР і УССР, пазнаёміцца з мэтадамі складаньня іх, наогул з іншымі спробамі ўпарадкаваць заканадаўства у адміністрацыйнай галіне—з рознымі зборнікамі адміністрацыйных законаў, выявіць, у якім стане знаходзіцца гэтае пытаньне ў нас, і нарэшце намеціць, што нам трэба рабіць для ажыцьцяўленьня кадыфікацыі нашага заканадаўства ў галіне адміністрацыі.

* * *

Прычыны, выклікаўшыя патрэбу ўпарадкаваць заканадаўства у адміністрацыйнай галіне і ў УССР, і ў РСФСР, былі аднолькавыя.

Новая эканамічная палітыка, абвешчаная ў пачатку 1921 году, была мнагаводнаю крыніцаю, з якой палілося савецкае заканадаўства для афармленьня праў і абавязкаў грамадзян у сфэры адносін зямельных, маемасных, рабочае сілы і інш. Усё гэта знайшло сваё выяўленьне ў шэрагу выдадзеных кодэксаў: Працоўным, Грамадзянскім, Зямельным, Крымінальным і інш. Ініцыятыва складаньня гэтых кодэксаў належала РСФСР, іншыя савецкія рэспублікі звычайна запазычвалі гэтыя кодэксы, якія ахаплялі амаль што найважнейшыя галіны праўных адносін. Аднак, заставалася яшчэ неаформленаю адна надзвычайна важная сфэра ўнутранага дзяржаўнага кіраўніцтва.

У кожнай саюзнай рэспубліцы накапляўся шэраг выдадзеных у розныя часы дэкрэтаў, пастаноў, інструкцый, раскіданых па зборах законаў і па іншых афіцыйных выданьнях. Гэты нарматыўны матар'ял ня толькі не ахапляў усіх пытаньняў аб узаемаадносінах органаў дзяржаўнага кіраўніцтва з насельніцтвам, але вельмі часта супярэчыў новым вымаганьням жыцьця, выцякаўшым з задач дзяржаўнае дзейнасьці пры новай эканамічнай палітыцы. Цэлы шэраг пытаньняў рэгуляваўся толькі ведамственнымі інструкцыямі, прычым вельмі часта інструкцыі аднаго ведамства супярэчылі інструкцыям другога ведамства.

Зразумела, што неадкладнаю задачаю заканадаўцы зьяўлялася ўнесьці законнасьць у дзейнасьць адміністрацыйных органаў, дакладна аформіць і ўстанавіць нормы, рэгулюючыя іх дзейнасьць, зьнішчыць вельмі шырока ўжыванае „усмотрение“ і вырашэньне пытаньняў па прыметах „мэтазгоднасьці“, вызначыць разуменьне „рэвалюцыйнае законнасьці“, каб даць мажлівасьць савецкаму грамадзянству ясна ведаць свае абавязкі і абавязкі адміністрацыйных органаў, ведаць, як ахоўваць свае законныя правы ад парушэньня.

Калі такая патрэба адчувалася ў цэнтрах саюзных рэспублік (маем на ўвазе РСФСР і УССР), і гэтыя цэнтры, захапіўшыся неадкладнаю арганізацыйнаю работаю, асабліва пасьля ўтварэньня Саюзу ССР, не маглі ажыцьцявіць упарадкаваньне адміністрацыйнага заканадаўства, то такая патрэба на мясцох вылілася ў стыхійную праватворчасьць. Шэраг губэрскіх выканаўчых камітэтаў у 1924 г., прымушаныя патрэбаю палепшыць адміністрацыйны апарат, упарадкаваць яго дзейнасьць, выдалі свае мясцовыя „адміністрацыйныя кодэксы“. Так было у Яраслаўскай, Кастрамской, Іркуцкай і іншых губэрнях.[1])

[1]) Стенограф. отчет Всероссийского С'езда Начальников Губ. Админ. Отделов— Январь 1925 г. стр. 112.

Гэтыя праўныя творы распрацоўваліся на грунце практыкі аднае губэрні і ахапіць поўнасьцю найскладанейшых пытаньняў адміністрацыі не маглі, а часамі проста такі супярэчылі агульнаму духу заканадаўства і існуючым нормам.[1])

У 1922 г. Нар. Камісарыят Унутраных Спраў РСФСР пачаў работу па зьбіраньні нарматыўных матар'ялаў для праэкту Адміністрацыйнага Статуту, і ў пачатку 1923 г. пачынаюць афармляцца першыя разьдзелы „Административного Устава". Да ўдзелу ў працы былі прыцягнуты вядомыя адміністратывісты тэарэтыкі і практыкі: прафэсары—Елістратаў, Архіпаў, Ігнацьеў, Калесьнікаў.

Чуць толькі зьявіліся першыя нарысы праэкту „Административного Устава РСФСР", як савецкая праўная літаратура адразу выявіла вялікую цікавасьць да гэтае работы.

Ужо ў № 1-2 „Власти Советов" за 1923 г. „В. Игнатьев" друкуе артыкул пад тытулам: „Административный Кодекс". Адзначаючы відавочнасьць патрэбы кадыфікацыі пытаньняў кіраўніцтва (управления) у яго чыстым відзе, патрэбу, выкліканую мірным будаўніцтвам савецкай улады, аўтар намячае плян работы, якая павінна прадбачыць: 1) аб'ём кодэксу, 2) падбор матар'ялаў, 3) выбарку матар'ялаў паводле пляну, 4) устанаўленьне дзеючага заканадаўства, 5) сыстэматызацыю дзеючага нарматыўнага матар'ялу, 6) запаўненьне прабелаў, 7) злучэньне матар'ялаў у адзіны акт. „В. Игнатьев" зазначае, што задача гэта вельмі цяжкая і складаная („задача крайне трудная и сложная"). Ня маючы прыкладаў Адміністрацыйнага Кодэксу у іншых эўрапэйскіх дзяржавах, каб можна было зрабіць некаторае запазычаньне, аўтар лічыць, што адпраўным пунктам пры складаньні Адміністрацыйнага Кодэксу павінна быць існуючая сыстэма савецкага кіраўніцтва на аснове дыктатуры пралетарыяту. Тутака ня можа быць ні прынцыпу роўнасьці ўсіх перад законам, ні дэмакратычнага прынцыпу вольнасьці. Вольнасьць павінна быць для пралетарыяту, для працоўных.

Усьлед за гэтым першым артыкулам па нашай тэме ў „Власти Советов" за 1923 г. № 3, адразу зьяўляюцца чатыры артыкулы аб Адміністрацыйным Кодэксе:—„Г. С. Гурвича—к составлению Административного Кодекса"; „А. Елистратова—Об Административном Кодексе"; „К. Архипова—Организация Советского Управления (1-ая часть Административного Кодекса)" і „А. Колесникова—Содержание Административного Кодекса". Імёны аўтараў сьведчаць, што пытаньне аб Адміністрацыйным Кодэксе лічылся пытаньнем „ударным".

У гэты падгатоўчы пэрыяд дыскусій па пытаньні аб характары Адміністрацыйнага Кодэксу быў вызначаны аб'ём і зьмест праэкту „Административного Устава РСФСР".

Вялі спрэчкі паміж сабою два пункты погляду: 1) К. А. Архіпаў і Г. С. Гурвіч думалі ахапіць Адміністрацыйным Кодэксам мажліва большую сфэру праўных адносін, і 2) Калесьнікаў—думаў абмежаваць сфэру Адміністрацыйнага Кодэксу нормамі, якія рэгулююць выключна пытаньні ўнутранага кіраўніцтва ў сьцісльм сэнсе.

Аўтары першапачатковага праэкту Адміністрацыйнага Кодэксу намячалі досыць такі шырокі зьмест яго па разьдзелах: I) Органы савецкага кіраўніцтва. II) Савецкая служба. III) Ахова рэвалюцыйнага парадку. IV) Нормы супроць эксплуатацыі працоўных. V) Нормы аб прызрэньні. VI) Будаўніцтва насельных мейсц. VII) Формы адміністрацыйнае дзейнасьці. VIII) Гарантыі рэвалюцыйнае законнасьці ў савецкім кіраўніцтве.

Насколькі аб'ём кодэксу меркаваўся быць шырокім, відаць з таго,

[1]) Об'яснительная записка к проэкту Административного Устава РСФСР.

што асноўныя разьдзелы яго былі падзелены яшчэ на часткі. Напр.: I разьдзел меў 14 частак: 1) Арганізацыя НК Унутраных Спраў. 2) Арганізацыя—абласнога кіраўніцтва. 3)—губерскага. 4)—павятовага. 5)—валаснога. 6)—сельскіх саветаў. 7)—гарадзкіх саветаў. 8)—рэвалюцыйных камітэтаў. 9)—інспэктур народных камісарыятаў. 10)—Міліцыі. 11)—Крымінальнага Вышуку. 12)—Дзяржаўнае Палітычнае Управы. 13)—Камунальных органаў і 14)—Цэнтральнае Статыстычнае Управы.

Разьдзел II праэкту зьмяшчаў: 1) Агульны статут пра савецкую службу. 2) Службу ў міліцыі. 3) Службу ў часьцях войск асобага прызначэньня. 4) Дысцыплінарны статут.

К. Архіпаў, разьбіраючы зьмест 1-га разьдзелу паказанага вышэй праэкту („Власть Советов—1923 г. № 3“) лічыць патрэбным падзяліць гэты разьдзел яшчэ на два пададзелы: у першы ўвесьці палажэньні аб цэнтральных органах (народных камісарыятах) і прыроўненых да іх і ў другі—палажэньне аб мясцовых органах улады.

Прафэсар Г. С. Гурвіч ішоў далей за К. А. Архіпава. Ён прапанаваў назваць новы заканадаўчы акт „Кодексом советского управления“ і лічыў, што ў гэты кодэкс павінен увайсьці ўвесь праўны матар'ял, які рэгулюе кіраўніцтва ва ўсіх яго галінах і з усіх бакоў, якімі б яны шматлікімі і разнастайнымі не былі, без усякага разьмежаваньня ўнутранога і надворнага кіраўніцтва. Праф. Гурвіч мысьліў сабе гэты Кодэкс разьмеркаваным на часткі у адпаведнасьці з галінамі кіраўніцтва: ваеннага, фінансавага, народнае асьветы, аховы народнага здароўя і інш. Ён кажа, што для захаваньня паўнаты Кодэксу ня трэба баяцца ўмешваньня нават у такія галіны, як фінансавая („Власть Советов—1923 г. № 3. К составлению Административного Кодекса“).

Наадварот, А. Калесьнікаў у тым самым № 3 „Власти Советов“ за 1923 г. абмяжоўваў зьмест Адміністрацыйнага Кодэксу наступнымі разьдзеламі: 1) Органы савецкага кіраўніцтва, да якіх трэба далучыць нормы, якія вызначаюць работу Усерасійскага ЦВК, а таксама арганізацыю і функцыі СНК і Савету Працы і Абароны. 2) Ахова рэвалюцыйнага парадку; сюды можна далучыць і правілы аб міліцыі. 3) Формы адміністрацыйнай дзейнасьці і 4) Гарантыі рэвалюцыйнай законнасьці ў савецкім кіраўніцтве.

Чацьвёрты крытык праэкту Адміністрацыйнага Кодэксу, прафэсар А. Елістратаў, заняў сярэднюю пазыцыю да праэкту новага заканадаўчага акту. Ён адзначае вялікую цяжкасьць пастаўленае задачы даць новы Адміністрацыйны Кодэкс—(„не надо, конечно, закрывать глаза на неизмеримую сложность этой задачи“). Разглядаючы прынцыпы, на якіх можна будаваць савецкі кодэкс: 1) фармальны, зьвязаны з разьмежаваньнем суда і адміністрацыі, 2) функцыянальны момант і 3) ведамствены момант, праф. Елістратаў гаворыць, што гэтыя прынцыпы пры складаньні Адміністрацыйнага Кодэксу строга ня могуць быць вытрыманы; тутака не прыходзіцца быць тэарэтычна паступовым, а мейсцы павінны быць задаволены сыстэматычнаю сводкаю пэўнага матар'ялу. Праф. Елістратаў прадбачыць, што з удакладненьнем праўнай тэхнікі распрацованы НКУСпраў кодэкс напэўна разаб'ецца на цэлы шэраг паасобных кодэксаў: арганізацыйны, рэвалюцыйнага парадку, камунальны, а покуль іх няма, кажа ён, фактычна каштоўным будзе першы Адміністрацыйны Кодэкс.

У выніку дэтальнага абгаварэньня ў НКУСпраў РСФСР першапачатковы праэкт Адміністрацыйнага Кодэксу быў значна перапрацованы і ў кастрычніку 1924 г. пад тытулам „Административный Устав РСФСР“ быў у друкаваным відзе разасланы на заключэньне ўсіх народных камісарыятаў, абласных, губэрскіх выканаўчых камітэтаў і іх

адміністрацыйных аддзелаў, а таксама народным камісарыятам унутраных спраў аўтаномных і саюзных рэспублік, паміж іншым і НКУ Спраў БССР, які свайго заключэньня, ня ў прыклад іншым рэспублікам, зусім ня даў.

Зьмесь гэтага, другога па ліку заканапраэкту, выявіўся ў наступным: 1) Агульныя палажэньні. Частка 1.—Формы адміністрацыйнай дзейнасьці. Раздзел I—Абавязковыя пастановы. Р. II—Меры адміністрацыйнага ўплыву (вобыскі і выемкі) 2.—Асабовае затрыманьне. 3.—Адміністрацыйная высылка. 4.—Выкананьне за кошт абавязанага. 5.—Рэквізіцыя. 6.—Канфіскацыя. Р. III—Ужываньне зброі і вызаў вайсковых часьцей. Р. IV—Надзвычайныя меры аховы рэвалюцыйнага парадку. Частка II-я—Ахова рэвалюцыйнага парадку. Р. I—Адміністрацыйны падлік насельніцтва: 1) Пасьведчаньне асобы, 2) Віды на пражываньне для чужаземцаў. 3) Рэгістрацыя гарадзкога насельніцтва. 4) Аднаўленьне згубленых дакумэнтаў. Р. II—Правілы рэгуляваньня перамяшчэньня насельніцтва. Р. III—Друк і відовішчы: 1) Друк. 2) Рэгуляваньне паліграфічнае вытворчасьці і гандлю творамі друку. 3) Публічныя відовішчы і забавы. Р. IV—Сходы, працэсіі і маніфэстацыі. Р. V—Таварыствы (общества), зьезды і клюбы. Р. VI—Правілы аб культах: 1) Агульныя палажэньні. 2) Рэлігійныя таварыствы. 3) Маемасьць культаў. Р. VII—Лятэрыі і публічныя зборы. Р. VIII—Нагляд за вядзеньнем гандлю: 1) Агульныя палажэньні, 2) Камітэты рыначных гандляроў. 3) Гандаль вінам. 4) Гандаль зброяю і выбуховымі матэрыямі (взрывчатыми веществами). Р. IX—Адміністрацыйныя меры пры навальных бядотах (стихийных бедствиях). Р. X—Барацьба з сацыяльным паразітызмам і хуліганствам. Усіх артыкулаў было спраэктавана—405.

Зараз жа пасьля рассылкі праэкта Адміністрацыйнага Статуту на водзыў пасыпаліся адказы, і на працягу 10 тыдняў ад рассылкі НКам. Унутраных Спраў атрымаў 62 водзывы—46 ад мясцовых органаў і 16 ад цэнтральных ведамстваў.

Гэтыя адказы можна падзяліць на тры групы: 1-я група, у якую уваходзяць пераважна мясцовыя органы, а з цэнтральных—Народныя Камісарыяты Фінансаў і Замежных Спраў, спаткалі праэкт Адміністрацыйнага Статуту, можна сказаць, з захапленьнем і, не крытыкуючы яго, цалкам згаджаюцца з праэктам і просяць хутчэй выдаць яго. НК Замежных Спраў адзначае, што „самы факт выданьня новага статуту зробіць за граніцаю выгоднае для нас уражаньне і будзе спрыяць адхіленьню досыць пашыранага погляду аб поўным сваявольстве мясцовае ўлады рэспублікі. (Адказ Уп. НК Чуж. Спраў 14/XI-24 г. № 5950/э).

Кіргіская аўтаномная рэспубліка піша:—„патрэба ў выданьні статуту надзвычайна вострая, і мясцы вітаюць ініцыятыву цэнтру ў гэтых адносінах, выказваючы пажаданьне хутчэйшага выданьня яго“.

Забайкальскі губ. Адмін. Аддзел піша:—„Выданьне Адміністрацыйнага Статуту выклікаецца безадкладнаю патрэбаю для ўстанаўленьня і праўнага ўдакладненьня асноў рэвалюцыйнага парадку і бясьпекі, а таму гэтае выданьне трэба ажыцьцявіць у тэрміновым парадку“.

Другая група, да якой належыць 12 народных камісарыятаў, далі свае водзывы, зусім не зачапляючы пытаньня аб тым, ці патрэбен гэты статут, лічучы гэта пытаньне бясспрэчным, і ўнесьлі ў праэкт шэраг карэктываў.

Трэцяя група, самая маленькая—да яе належаць Народны Камісарыят Юстыцыі і Дзяржаўная Палітычная Управа, якія лічаць выданьне Адміністрацыйнага Статуту непатрэбным.

Новае прызнаньне і агульнае адабрэньні Адміністрацыйны Статут

атрымаў на Усерасійскім Зьезьдзе Начальнікаў губэрскіх адміністрацыйных аддзелаў і начальнікаў п/аддзела крымінальнага вышуку—26/I—I/II-1925 г. Гэты зьезд, заслухаўшы даклад т. Болдырава аб Адміністрацыйным Статуце і прызнаючы, што некадыфікаванае заканадаўства ў галіне адміністрацыі патрабуе свае сыстэматызацыі, што кампэтэнцыя адміністрацыйных органаў паводле пастановы II сэсіі Усер. ЦВК XI скліканьня значна пашырылася і патрабуе рэглямантацыі, што такая рэглямантацыя патрэбна ў сувязі з эканамічным ростам краіны, што ўзмацненьне саюзу рабочае клясы з сялянствам патрабуе ўстанаўленьня моцных асноў і форм адміністрацыйнай дзейнасьці, што выданьне Адміністрацыйнага Статуту патрэбна і дзеля раскрыцьця розных хлусьлівых нападкаў буржуазных краін на нашу адміністрацыйную практыку, пастанавіў: 1) лічыць вельмі патрэбным выданьне Адмін. Статуту ў самы кароткі тэрмін, 2) ухваліць у асноўным першапачатковы праэкт, 3) зрабіць дадаткі да яго: а) аб парадку падачы скаргаў на службовых асоб, б) аб ваеным стане, в) аб абавязковых пастановах валасных выканаўчых камітэтаў, г) аб накладаньні пакараньняў органамі міліцыі, д) аб групах веруючых, е) аб парадку набыцьця і захаваньня зброі, ж) аб дабравольных зборах, з) аб парадку карыстаньня пячаткамі і штампамі. 4) Перайменаваць Адміністрацыйны Статут у Адміністрацыйны Кодэкс. 5) Для найбольш спадручнага карыстаньня Кодэксам даручыць Народн. Каміс. Унутраных Спраў разам з Кодэксам выдаць у сыстэматызаваным відзе ўсе інструкцыі, якія выцякаюць з Кодэксу і даць пералік тых, што касуюцца.

Пажаданьні Зьезду начальнікаў губ. адміністрацыйных аддзелаў і начальнікаў пададзелаў крымінальнага вышуку—людзей, бліжэй за якіх ніхто, здаецца, і ня можа быць да сапраўднага жыцьця, былі падлічаны Народным Камісарыятам Унутраных Спраў РСФСР, які яшчэ раз перапрацаваў праэкт і ў трэцяй рэдакцыі ізноў разаслаў яго на заключэньні народных камісарыятаў.

Трэба адзначыць, што гэты праэкт Адміністрацыйнага Кодэксу быў пабудованы ўжо на іншым прынцыпе чым ся праэкт Адміністрацыйнага Статуту.

З тае прычыны, што характар норм адміністрацыйнага праву дваякі—з аднаго боку, гэта права рэгулюе дзейнасьць дзяржаўнага кіраўніцтва і датычыць способаў ажыцьцяўленьня паасобных задач, з другога боку—яно надае грамадзянам пэўныя правы да ўлады і ўскладае на іх пэўныя абавязкі, то і заканадаўчы матар'ял, рэгулюючы гэтыя адносіны, можна клясыфікаваць дваякім чынам. Можна у асновы сыстэмы палажыць мэты і задачы адміністрацыйнай дзейнасьці, чаго прытрымліваецца французская школа адміністрацыйнага праву (Де-Жэрандо, Бартэлемі, Батбі),—і можна сыстэматызаваць нормы права па аб'екту адносін, клясыфікуючы публічныя суб'ектыўныя правы грамадзян, чаго прытрымліваецца нямецкая школа (Отто Майер, у расійскай літаратуры праф. Елістратаў).[1])

Па першаму прынцыпу быў пабудованы Адміністрацыйны Статут, а па другому—новы праэкт—Адміністрацыйны Кодэкс.

Новы праэкт Адміністрацыйнага Кодэксу складаецца з 4-х частак: 1) Забесьпячэньня адміністрацыйнай законнасьці ў савецкім кіраўніцтве. 2) Абавязковыя пастановы і адміністрацыйныя пакараньні. 3) Публічныя правы грамадзян (разьдзелы):—1) Грамадзянства РСФСР. 2) Страта грамадзянства РСФСР. 3) Аднаўленьне ў грамадзянстве РСФСР. 4) Правілы аб грамадах і аб'яднаньнях. 5) Зьезды, нарады і канфэрэнцыі. 6) Клюбы. 7) Публічныя сходы. 8) Працэсіі і маніфэстацыі.

[1]) Кобалевский В. Очерки Совет. Административного Права. Харьков 1925 г. ст. 22.

9) Публічныя відовішчы і забавы. 10) Друк. 11) Правілы аб культах. Частка IV—Ахова рэвалюцыйнага парадку і грамадзкае небясьпекі Разьдзелы: 1) Падлік насельніцтва. 2) Меры адміністрацыйнага уплыву. 3) Нагляд на гандлем. 4) Адміністрацыйныя меры пры навальных бядотах. Зьмест Кодэксу, пабудаванага на прынцыпе клясыфікацыі суб'ектыўных праў грамадзян, выцякае з агульных палажэньняў да Адміністрацыйнага Кодэксу (арт. 1-13), у якіх падкрэсьліваюцца суб'ектыўныя правы грамадзян, напр.: „Кожны грамадзянін РСФСР і Саюзных Рэспублік мае права вольна перамяшчацца і сяліцца на тэрыторыі РСФСР, а таксама займацца прафэсыямі і промысламі, не забароненымі законамі“ (арт. 7). „Грамадзянін можа быць абмежаваны ў карыстаньні дадзенымі яму законам правамі альбо пазбаўлен іх толькі праз суд“ (арт. 9) і далей. „Ніхто ня можа быць затрыман апроч выпадкаў і ў парадку, устаноўленым Адміністрацыйным і Крымінальна-Працэсуальным Кодэксамі“ (арт. 10) і інш. Такім чынам, на форму Адміністрацыйнага Кодэксу, безумоўна, быў зроблены значны ўплыў праф. Елістратава—староньніка нямецкае школы,—аднаго з галоўнейшых удзельнікаў у складаньні праэкту Адм. Кодэксу.

Аднак Народны Камісарыят Юстыцыі і Дзяржаўная Палітычная Управа—двое з усіх народных камісарыятаў, ізноў выказаліся супроць выданьня Адміністрацыйнага Кодэксу з прычыны, галоўным чынам, цякучасьці заканадаўства ў гэтай галіне.

Народны Камісарыят Унутраных Спраў робіць сводку новых заключэньняў на праэкт, выпрацоўвае новы, чацьвёрты, варыянт Адміністрацыйнага Кодэксу і падае яго ў заканадаўчыя ўстановы.

З гэтага моманту пачынаюцца мытарствы праэкта Адміністрацыйнага Кодэксу і каля яго падымаецца цікавая барацьба поглядаў.

Перш за ўсё праэкт папаў у камісію т. Смолянінова, якая 25 жніўня 1925 г. прызнала распрацоўку і ўнясеньне праэкта Адмін. Кодэксу на чарговую сэсію Усерасійскага ЦВ Камітэту нямэтазгодным і нават адхіліла прапанову Народнага Кам. Унутраных Спраў аб патрэбе склікаць на падставе пастановы СНК у часы кастрычнікавае сэсіі УЦВК нараду з членаў ЦВК для абгаварэньня гэтага Кодэксу. Камісія прызнала за патрэбнае, каб замест Адміністрацыйнага Кодэксу НК Унутр. Спраў выдаў „Сборник, кодифицирующий законодательство по администрированию“.

12 верасьня 1925 г. СНК РСФСР прызнаў таксама, што зацьверджаньне Адміністрацыйнага Кодэксу не выклікаецца тэрміноваю патрэбаю, але згадзіўся на скліканьне ў часы сэсіі Усерас. ЦВК нарады з ліку членаў УЦВК для далейшага выясьненьня мэтазгоднасьці выданьня Адміністрацыйнага Кодэксу (прат. СНК РСФСР—12/IX 1925 г. № 43).

21 кастрычніка адбылася нарада з ліку членаў II-ое сэсіі УЦВК XII скліканьня, якая пастанавіла: 1) лічыць, што выданьне Адміністрацыйнага Кодэксу ў сучасны момант зусім мэтазгодна і своечасна—(совершенно целесообразно и своевременно), 2) прасіць Прэзыдыум УЦВК даручыць СНК пачаць разглядаць Адміністрацыйны Кодэкс з такім разьлікам, каб ён мог паступіць на зацьверджаньне чарговае сэсіі Усерас. ЦВК.

Аднак, ні Малы СНК РСФСР (30/XII-25 г.), ні СНК (5/II-26 г.) з патрэбаю выданьня Адміністрацыйнага Кодэксу не згадзіліся, і наперакор дырэктывам нарады УЦВК лаканічна пастанавілі: „лічыць несваячасным выданьне Адміністрацыйнага Кодэксу“. Разам з гэтым СНК даручыў НКЮ на працягу трох месяцаў кадыфікаваць і выдаць зборнік адміністрацыйных законаў, дзеючых у межах РСФСР. Да рэчы, гэты зборнік быў гатовы не праз 3 месяцы, а праз 16 месяцаў—(„Сборник

действующих на территории РСФСР административных законов. Составили Кишкин и Усков. Москва 1927 г.“).

Перамог, такім чынам, пункт погляду НКЮстыцыі, падрабязна выражаны у яго заключэньні за 19.XII-25 г. на імя СНК РСФСР. НКЮ, уласна кажучы, пратэстуе ня так моцна супроць сутнасьці кодэксу, а галоўным чынам—супроць формы. НКЮ лічыць, што аб‘ём савецкага адміністрацыйнага права вельмі шырокі, ён ахапляе ўсю галіну ўнутранага кіраўніцтва, куды ўваходзяць і народная асьвета, і ахова народнага здароўя, і транспартная справа, і жылішчная, і ваенная, і шмат іншага. Выдзяленьне з гэтай галіне толькі тых норм, якія бліжэйшым чынам маюць дачыненьне да аховы рэвалюцыйнага парадку і небясьпекі, ня можа ня быць надзвычайна ўмоўным і штучным, а з другога боку паўстаюць некаторыя самненьні ў сэнсе сацыяльнае значнасьці Кодэксу. НКЮ хацеў бы, каб сыстэматыка і фармуліроўка Адміністрацыйнага Кодэксу адзначалася б патрэбнаю вытрыманасьцю і выразнасьцю, і ня можа задаволіцца разнастайнасьцю элемэнтаў Адміністрацыйнага Кодэксу, які зьмяшчае ў сабе і грамадзянства РСФСР, і гандаль віном, і кіраваньне грамадзкімі рынкамі, і клюбамі, і інш. Па думцы НКЮ, праэкт, з аднаго боку, зьяўляецца вельмі вузкім, бо ён выхапляе з адміністрацыйнага права толькі адну і досыць нязначную па свайму зьместу галіну рэвалюцыйнага парадку і небясьпекі, з другога боку— ён зьяўляецца вельмі широкім, бо захапляе інструкцыйны па сваім характары матар‘ял, і нарэшце, ён зьяўляецца ізноў такі вельмі вузкім, бо ня можа ахапіць усяго інструцыйнага матар‘ялу. НКЮ раіць Народному Камісарыяту Унутр. Спраў паляпшаць зборнікі пастаноў і загадаў у адміністрацыйнай галіне, а не кадафікаваць заканадаўства па лініі аднаго наркамату. У апошнім выпадку, з некатораю апаскаю зазначае НКЮ, побач з Народным Камісарыятам Унутраных Спраў, на такіх самых падставах маглі б выступіць і Нар. Кам. Асьветы, і Нар. Камісарыят Аховы Здароўя са сваімі праэктамі кодэксаў па народнай асьвеце і па ахове народнага здароўя.

Па нашаму пагляду, форма, якую хоча захаваць НКЮстыцыі перамагла сапраўдныя вымаганьні жыцьця. На дзіва, здавалася б няроўны турнір паміж Народным Камісарыятам Юстыцыі, зброю якога падтрымлівала толькі Дзяржаўная Палітычная Управа, і ўсімі іншымі народнымі камісарыятамі, усімі аўтаномнымі рэспублікамі, абласьцямі, губэрскімі выканаўчымі камітэтамі скончыўся перамогаю НКЮстыцыі.

Фармальныя довады Народнага Камісарыяту Юстыцыі нас задаволіць ніяк ня могуць. Голас мейсц, якія адчуваюць на сабе неўпарадкаванасьць адміністрацыйнага заканадаўства, павінен быць больш пераканальным. Рацыяналізацыя і эканомія часу патрабуе даць адміністратару зборнік не на 1000 старонак, якім зьяўляецца „Сборник действующего законодательства по советскому управлению Кучкеля и Орлова“, ні на 500 старонак „сборника действующих на территории РСФСР административных законов—Кишкина и Ускова“, і іншыя даведчыкі і зборнікі,—а сыстэматызаваны адзіны заканадаўчы акт, які б яднаў сабою ўсе агульныя прынцыпы савецкага адміністраваньня. Як ні як, праэкт Адміністрацыйнага Кодэксу РСФСР замяняе сабою 40 выдадзеных з 1918-1925 г. г., паасобных законаў, раскіданых па „Собранию Узаконений РСФСР“, не гаворачы аб шэрагу ведамственных загадаў, інструкцый і цыркуляраў.

Шэраг артыкулаў у часопісі, якія зьявіліся ў момант абгаварэньня Адміністрацыйнага Кодэксу у заканадаўчых органах, сьведчыць, што аўтары—пераважна практычныя работнікі цэнтральных і мясцовых органаў, лічаць выданьне Адміністрацыйнага Кодэксу неадкладна аба-

вязковаю справаю. Напр.: „А. Колесников—Что даст Административный Устав РСФСР"?,—(Власть Советов 1925 г. № 8), „Э. Бородина—Административный Кодекс по проэкту НКВД (Власть Советов 1925 г. № 12), Ф. Горбанев—Об Административном Уставе—(Власть Советов 1925 г. № 27").

У літаратуры нам удалося знайсьці толькі аднаго праціўніка Адміністрацыйнага Статуту—гэта А. Крымава, які ў „Власти Советов 1925 г. № 14" зьмясьціў артыкул „Об Административном Уставе". Артыкул А. Крымава накірованы супроць артыкулу А. Калесьнікава—„Что даст издание Административного Устава РСФСР?" Аўтар лічыць, што няма рацыі паўтараць у Адміністрацыйным Статуце ўсім добра вядомыя дэкрэты аб рэквізіцыі, канфіскацыі, аб надзвычайных мерах аховы рэвалюцыйнага парадку, альбо пацьвярджаць парадак правядзеньня вобыскаў і арыштаў, якія прадугледжаны Крымінальна-Працэсуальным Кодэксам. Няма рацыі таксама зьмяшчаць у статуце інструкцыйны матар'ял, які можа быць выдадзены НКУС, а не ЦВК і СНК. Аўтар прапануе замест Адміністрацыйнага Статуту, які непатрэбен, асабліва непатрэбен для вёскі ні з пункту погляду палажэньня аб відовішчах і сходах, ні з пункту погляду прапіскі грамадзян альбо вытворчасьці друкарскіх машын,—выдаць добры падручнік для работнікаў міліцыі і паасобны папулярны падручнік для валасных работнікаў.

Коратка і вельмі пераканальна на артыкул Крымава адказаў у „Власти Советов 1926 г. № 27" работнік „Слободы Красноковской, Черкасского района, Донского округа, Сев.-Кавк. Края Ф. Горбанев"—работнік іменна таго нізавога апарату, за які так аўтарытэтна ратаваў А. Крымаў.

„Ф. Горбанев" гаворыць: „Уявіце сабе самую нізавую работу савецкага апарату, перанясіцеся ў вялізарны паток папер, які там маецца, уявіце сабе яшчэ тое, што вы ў першы раз пачынаеце старшынстваваць дзе небудзь у валасным выканаўчым камітэце альбо сельскім савеце, і мне здаецца, што патрэба ў выданьні Адміністрацыйнага Статуту зробіцца для вас відавочнай.—Выданьне Адм. Статуту дыктуецца самым бытам вёскі. Патрэба у адміністрацыйным заканадаўстве канечная і ці не ўсяроўна будзе, як аўтар (Крымаў) раіць Народнаму Камісарыяту Унутраных Спраў збрашураваць чыннае заканадаўства па адміністрацыйных пытаньнях; калі практычна збрашураваць усе гэтыя пытаньні, то і будзе статут без артыкулаў". Ф. Гарбанёў заключае: „Статут адміністрацыйны ў рабоце на вёсцы патрэбен і з выданьнем яго трэба пасьпяшыць".

Вось гэтыя прыведзеныя погляды практычных работнікаў аб патрэбе выданьня Адміністрацыйнага Кодэксу таксама пераконваюць нас у тым, што патрэбен іменна адзіны заканадаўчы акт, які злучыў бы ў сабе адміністрацыйнае заканадаўства і лягчэй унетрыў бы асновы рэвалюцыйнае законнасьці і сярод адміністрацыі, і сярод шырокіх працоўных мас.

У якім жа стане знаходзіцца пытаньне аб упарадкаваньні адміністрацыйнага заканадаўства ў сучасны момант у РСФСР?

Народны Камісарыят Унутраных Спраў РСФСР не адмовіўся ад думкі выдаць Адміністрацыйны Кодэкс і чакае часу, калі гэтая патрэба пасьпее. Ад беспасрэдных працаунікаў над гэтым кодэксам у НКУС РСФСР мы чулі, што у канцы 1927 г. гэты кодэкс ізноў будзе ўносіцца ў заканадаўчыя ўстановы на абгаварэньне.

Вымаганьні практыкі, як мы вышэй ужо зазначылі, задавольваюцца трыма асноўнымі падручнікамі:

Першы—„Действующее законодательство по советскому управле-

нію в 2-х выпусках, составленное А. Кучкелем и Р. Орловым—Москва 1925 г.“ выдадзены НКУ Спраў. Друкованага матар‘ялу на 1500 старонак, у 2-х выпусках. Першы выпуск зьмяшчае разьдзелы: 1) Дзяржаўнае будаўніцтва СССР. 2) Выбары ў саветы. 3) Грамадзянства. Другі выпуск: 1) Савецкая служба. 2) Маемасныя правы мясцовых саветаў. 3) Агульныя формы адміністрацыйнай дзейнасьці. 4) Ахова рэвалюцыйнага парадку. 5) Ахова дабрабыту і бяспекі. Зборнік зьмяшчае багаты нарматыўны матар‘ял, але, ня гледзячы на паказчыкі і на сыстэматычнае разьмеркаваньне, гэты матар‘ял давіць сваей грамоздкасьцю асабліва работнікаў нізавых органаў, бо яшчэ мала мець кніжку, а трэба спраўляцца з яе зьместам.

У разьвіцьцё гэтага першага падручніка НКУ Спраў РСФСР у 1926 г. выдадзены: „Систематический сборник приказов по милиции— с 1920 по 1926 г.“ Гэты зборнік абымае сабою каля 1000 старонак і падзяляецца на 7 разьдзелаў: 1) Структура цэнтральных і мясцовых органаў, дворнікі, начныя вартаўнікі, сельскія выканаўцы. 2) Служба міліцыі. 3) Правы і абавязкі. 4) Падрыхтоўка міліцыі. 5) Забясьпячэньне міліцыі. 6) Справаводзтва і справаздачнасьць. 7) Загады агульнага характару.

Трэці падручнік выдадзены Народным Камісарыятам Юстыцыі РСФСР—„Сборник действующих на территории РСФСР административных законов. Составили С. Кишкин и В. Усков, под редакцией Д. И. Курского. Москва 1927 г.“ Гэты сборнік значна меншы за паказаныя вышэй зборнікі НКУС. Ён ахапляе адміністрацыйнае права ў вузкім сэнсе слова—заканадаўства, якое ахапляе галіну ўнутранага кіраўніцтва, датычнага беспасрэдна да забесьпячэньне і аховы рэвалюцыйнага парадку. Зборнік падзяляецца на тры часткі: 1) Зьмест адміністрацыйнай дзейнасьці (ахова рэвалюцыйнага парадку і бясьпекі). 2) Форма адміністрацыйнай дзейнасьці (меры адміністрацыйнага ўплыву) і 3) Адміністрацыйныя органы Па нашай думцы, матар‘ял лепей было б разьмеркаваць якраз наадварот: 1) Адміністрацыйныя органы. 2) Форма адміністрацыйнай дзейнасьці і 3) Зьмест адміністрацыйнай дзейнасьці— гэтак было б больш лягічна і паступова.

У гэтым жа 1927 г. зьявіўся ў сьвет яшчэ адзін падручнік— „Справочник по административному управлению. Пособие для уисполкома, волисполкома и сельсовета, с предисловием Н. В. Крыленко, под редакцией Ф. Шумятского, Составители: Лейкин и Шнейдер. Москва 1927 г.“ Гэты падручнік па аб‘ёму меншы за папярэднія і мае на мэце папулярызаваць савецкае заканадаўства ў галіне адміністрацыі ня толькі сярод работнікаў нізавога апарату, але і сярод шырокіх мас рабоча-сялянскага насельніцтва. На мясцох такі „справочник“ будзе больш прыймальным: ён ня будзе давіць вялікаю колькасьцю нарматыўнага матар‘ялу.

* * *

Цяперака мы пазнаёмімся з гісторыяю Адміністрацыйнага Кодэксу УССР. Гэта гісторыя таксама дасьць нам мажлівасьць пераканацца ў патрэбе такога заканадаўчага акту.

Пытаньне аб выданьні Адміністрацыйнага Кодэксу на Украіне паўстала яшчэ ў 1922 г., калі там пачалася кадыфікацыйная работа і быў выдадзены нават такі кодэкс, як Кодэкс Народнае Асьветы. Асабліва-ж гэтая патрэба выявілася на зьездзе загадчыкаў адміністрацыйных аддзелаў, які быў скліканы Народным Камісарыятам Унутраных Спраў у 1923 г. Неўпарадкаванасьць заканадаўства у адміністрацыйнай галіне тармазіла работу адміністрацыйных органаў. Вось чаму. як толькі аформіўся праэкт Адміністрацыйнага Статуту РСФСР

(2-я рэдакцыя) і гэты праэкт стаў вядомы на Украіне, як Нар. Кам. Унутраных Спраў УССР хутка перабіў яго больш з надворнага боку, размеркаваўшы матар'ял на 12 частак альбо на 34 разьдзелы, прычым, радактары гэтага праэкту (гал. чынам т. Готфрыд) выкінулі з праэкту РСФСР з часткі VIII разьдзелы аб гандлі віном і аб гандлі зброяю і выбуховымі матэрыямі, далі праэкту назву „Административный Кодекс УССР". Новы заканапраэкт Нар. Камісарыятам Унутраных Спраў УССР быў надрукаваны, нават не на правох рукапісу, якім быў надрукованы праэкт Адм. Статуту РСФСР, і ўжо ў жніўны 1924 г. гэты праэкт быў паданы на разгляд СНК. Ініцыятары запазычанага у РСФСР праэкту Адм. Статуту, стараючыся абагнаць РСФСР, уносілі яго ў СНК УССР нават без заключэньняў ведамстваў і мейсц і разаслалі праэкт на заключэньні толькі разам з пасылкаю яго ў СНК. Такая сьпешка каштавала праэкту тое, што ён Саветам Народных Камісараў быў адхілены і перададзены для далейшае распрацоўкі у НКУСпраў.

Увесь 1925 год прайшоў над сыстэматызацыяю нарматыўнага матар'ялу, над вывучаньнем заключэньняў ведамстваў і мейсц на першы праэкт Адм. Кодэксу. Цікава адзначыць, што на Украіне не знайшлося ніводнае установы ні цэнтральнае, ні мясцовае, не зьявілася ў часопісу ніводнага артыкулу, якія б выказаліся супроць патрэбы выданьня Адміністрацыйнага Кодэксу. Заключэньні акруговых выканаўчых камітэтаў паражаюць сваёю грунтоўнасьцю і сьведчаць аб вялікім інтарэсе, выяўленым мясцовымі работнікамі да Адміністрацыйнага Кодэксу.

Да працы над распрацоўкаю новага варыянту праэкта Адм. Кодэксу запрашаюцца вядомыя на Украіне адміністратывісты-прафэсары А. Ф. Еўціхіеў і В. Л. Кобалеўскі, над ім працуюць практыкі—юрысконсульт НКУС І. К. Сухаплюеў і Член Камісіі Заканадаўчых Праэктаў пры СНК т. Брон.

Новы варыянт (другі па ліку) значна адрозьніваецца ад першага праэкту, хаця ён пабудован на такіх самых прынцыпах, як і першы—матар'ял у ім разьмяркованы па функцыях адміністрацыйных органаў. Праэкт складаецца з трох частак—І) Агульнай. ІІ) Формы і віды адміністрацыйнай дзейнасьці і ІІІ) Дзейнасьць адміністратыўных органаў па дапамозе іншым органам. Агульная частка складаецца з нормаў, якія прадугледжваюць функцыі: а) адміністрацыйнага аддзелу НКУ Спраў, б) адміністрацыйнага аддзелу акруговага выканаўчага камітэту, в) адмін. аддз. раённых выканаўчых камітэтаў, г) сельскіх саветаў і д) задачы, правы і абавязкі сельскіх выканаўцаў. Як бачым, у праэкт уводзіцца акурат той нарматыўны матар'ял, які быў адкінуты РСФСР у пачатку 1924 г. Праэкт зьмяшчаў у сабе 706 артыкулаў, супроць 451 арт. першага праэкту. У красавіку 1925 г. другая рэдакцыя Адм. Кодэксу падаецца ў СНК і разглядаецца Камісіяю Заканадаўчых Праэктаў вельмі уважліва на працягу часу ад 24 красавіка па 8 верасьня, г. з. чатыры з паловай месяцы, на 26 спэцыяльных пасяджэньнях КЗП. Мэтад работы—чыталіся падрад артыкулы і зараз жа разьбіраліся і папраўляліся.

На падставе паправак КЗП юрысконсульт НКУС УССР І. К. Сухаплюеў робіць 3-ю рэдакцыю, прычым да адпаведных артыкулаў Кодэксу дадае адноскі на заканадаўства СССР і УССР. Усіх артыкулаў—597. Гэтая рэдакцыя важна тым, што у ёй замацавалася больш менш стала сыстэма Кодэксу і яго зьмест. Кодэкс быў разьбіты на 14 разьдзелаў: 1) Агульныя палажэньні. 2) Адміністрацыйныя акты. 3) Адміністрацыйныя меры. 4) Працоўныя павіннасьці. 5) Парадак карыстаньня пячаткамі і сьцягамі. 6) Рэгістрацыя і падлік насельніцтва. 7) Парадак набыцьця грамадзянства УССР. 8) Лятэры, гульні і забавы.

9) Таварыствы, сходы і зьезды. 10) Адлучэньне царквы ад дзяржавы. 11) Надзвычайныя меры аховы рэвалюцыйнага парадку. 12) Адміністрацыйны нагляд у галіне прамысловасьці. 13) Адміністрацыйны нагляд за гандлем. 14) Аб парадку абскарджаньня дзеяньняў мясцовых органаў ўлады.

Гэта асноўная рэдакцыя ідзе ізноў у СНК, дзе у КЗП, даецца 4-ты варыянт Кодэксу ў 536 артыкулаў. Чацьвёртая рэдакцыя Адм. Кодэксу ў лістападзе 1926 г. уносіцца на чарговую сэсію Усеукр. ЦВК, якая для разгляду праэкту выдзеліла спэцыяльную камісію. Гэтая камісія ў сваю чаргу падзялілася на 3 падкамісіі, якія 22-23 лістападу разгледзелі праэкт і ўнесьлі у яго шэраг паправак. Камісія, выказаўшы пажаданьне больш дэтальна распрацоваць пытаньне аб барацьбе з сацыяльным паразытызмам, пастанавіла прасіць СНК прысьпешыць праходжаньне праэкту НКУ Спраў аб выключэньні з Крымінальнага Кодэксу УССР цэлага шэрагу правапарушэньняў для перадачы іх для разгляду у адміністрацыйным парадку і прасіць урад зацьвердзіць Адміністрацыйны Кодэс УССР і апублікаваць яго ў прамяжутку паміж сэсіямі з тым, каб на канчатковае зацьверджаньне ён быў паданы на бліжэйшую сэсію Усеукр. ЦВК (Прат. № 2 заседания комиссии IV сессии ВУЦИК по Административному Кодексу УССР—23/XI-26 г.). Разам з гэтым Народны Камісарыят Унутраных Спраў пасылае гэты 4-ты варыянт кодэксу другі раз на заключэньне ведамстваў і акруг.

9 сьнежня 1926 г. СНК УССР передае праэкт на новы разгляд камісіі пад старшынствам т. Чарлюн-Чаркевіча. Гэтая камісія ў сваю чаргу дае пяты праэкт, нават два праэкты, у двух чытаньнях, у 530 і 521 арт. У сакавіку гэты пяты праэкт Адм. Кодэксу падаецца ў СНК на подпіс, але не падпісваецца па той прычыне, што на Украіне ў той час распрацоўваўся закон аб пашырэньні праў мясцовых органаў.

Юрыдычная частка НКУС УССР яшчэ раз перагледзела праэкт Адм. Кодэксу, уключыла у яго украінскі закон за 26/VI-27 г. аб пашырэньні праў мясцовых органаў улады, увяла новы разьдзел аб зьездах, нарадах і канфэрэнцыях, паводле Саюзнага закону за 14/VI-27 г. і ўзяла пад увагу некаторыя пазьнейшыя украінскія законы. Новая, шостая рэдакцыя, была ў ліпені 1927 г. нарэшце пададзена у СНК і 12 кастрычніка была зацьверджана Цэнтральным Выканаўчым Камітэтам. (Вісти ВУЦВК—5/I-28 г. № 4).

Мы бачым, які вялікі шлях абгаварэньне прайшоў Адміністрацыйны Кодэкс УССР. Трэба было правесьці вялікую падгатоўчую працу па зьбіраньні і сыстэматыцы нарматыўнага матар'ялу, трэба было даць 6, нават 7, варыянтаў Кодэксу, два разы пасылаць на заключэньне ведамстваў і акруг, трэба было патраціць, можна сказаць, 6 гадоў работы над ім, пакуль ён зрабіўся законам.

Асабліва чынны ўдзел у абгаварэньні Адміністрацыйнага Кодэксу ўзялі акруговыя выканаўчыя камітэты. Іх адказы складаюць цэлыя томы спраў. І трэба дзівіцца працаздольнасьці І. К. Сухаплюева, аднаго з галоўнейшых работнікаў над гэтым Кодэксам, які сам зрабіў дэтальную сводку заключэньняў па артыкулах і па установах. Сводка складае цэлы том. Шэраг пажаданьняў мейсц, якія былі выяўлены з адказаў, зараз жа быў рэалізаваны урадам УССР, напр., па прапанове НКРСІ у 1924 г. быў выдадзены закон аб пашырэньні абавязковых пастаноў мясцовых органаў улады на паласу адчужэньня чыгунак (СУ УССР 1924 г. № 12, арт. 136).

Прапановы акруг самі па сабе вельмі цікавы. Напр.: выканаўчыя камітэты павінны пэрыядычна кадыфікаваць свае абавязковыя пастановы (Шэпятоўка). Павінны ўжывацца адміністрацыйныя пакараньні на

недалетак. Дазволіць рабіць папярэдні арышт маемасьці асоб, якіх улічылі ў парушэньні абавязковых пастаноў (Ромны). Аб наданьні права міліцыі накладаць штрафы на мейсцы ўчыненьня правапарушэньня да 5 руб. (Бердзянск). У адміністрацыйным парадку павінны разглядацца, паміж іншым, справы аб адпраўленьні натуральных патрэб на вуліцы, пад парканам або каля дому, за язду па тратуарах на веласіпэдах або на каньках, за правоз па тратуарах марожнага, за выпусканьне на вуліцу злых сабак, за мучэньне жывёлы і інш. (Луганск).

Усе гэтыя дэталі, уся крапатлівая работа законападгатоўчых органаў сьведчыць аб тым, што справа з напісаньнем Адміністрацыйнага Кодэксу—справа вельмі складаная.

Што ж дае Адміністрацыйны Кодэкс Украіне?

Ён дае—1) значную эканомію—замяняе сабою 55 раскіданых па зборы законаў, вельмі часта супярэчных адзін другому, законаў, не гаворачы аб шэрагу цыркуляраў і інструкцый.

2) Ён ахапляе сабою цэлы шэраг адносін, якія наогул заканадаўствам УССР не былі прадбачаны, напр.: а) дэталі пры выданьні абавязковых пастаноў (парадак выданьня, апублікаваньня, скасаваньня), б) ужываньне адм. пакараньняў за нязначныя правапашурэньні, в) нармаваньне выданьня інструкцый і цыркуляраў, што выдаюцца камісарыятамі і мясцовымі органамі ўлады, г) меры прымусовага ўплыву—асабовае затрыманьне, вобыскі і выняцьці у адміністрацыйным разрэзе, а таксама парадак ужываньня зборі, д) выкананьне за кошт абавязанага, е) перадача сельскім саветам права рэгістраваць таварыствы (селькомнезамы, камітэты ўзаемадапамогі, сельскія пажарныя дружыны), ж) клюбы, з) сходы, працэсіі, маніфэстацыі, і) правы рэлігійных таварыстваў у адносінах уладаньня культавымі пабудовамі, к) публічныя відовішчы і забавы, л) адміністрацыйный нагляд за паліграфічнымі прадпрыемствамі.

3) Дадзена пэўная сыстэма адміністрацыйнага права, у якой лёгка разабрацца і адміністратару, і грамадзянам.

Нельга не адзначыць і другога віду кадыфікацыйнай чыннасьці Украінскага ураду—гэта выданьне ў 1925 г. „Сборника постановлений, инструкций, циркуляров центральных органов УССР по административной деятельности“ (выданьне НКУС УССР—Харкаў—280 ст.) Зборнік складаецца з 6 разьдзелаў: 1) НКУС і мясцовыя органы, 2) Адміністрацыйныя аддзелы; формы адміністрацыйнай дзейнасьці і аховы рэвалюцыйнага парадку. 3) Аддзел Міліцыі і Вышуку. 4) Папраўна-Працоўны Аддзел. 5) Інспэкцыя спраў камунальнае гаспадаркі. 6) Дадаткі.

У жніўні месяцы НКУС УССР зьбіраў нарматыўны матар‘ял апошняга часу і меркаваўся выдаць у канцы 1927 г. новы сыстэматычны зборнік адміністрацыйных законаў.

Без зьбіраньня і сыстэматызацыі нарматыўнага матар‘ялу нельга было пісаць Адміністрацыйнага Кодэксу.

* * *

Цяперака пяройдзем да разгляду адміністрацыйнага заканадаўства Беларускай Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі.

Новыя прынцыпы савецкага адміністраваньня, якія зьявіліся ў выніку Кастрычнікавае Рэвалюцыі, прымушалі нашы адміністрацыйныя органы зорка сачыць за тым, што робіцца ў гэтай галіне ў суседняй рэспубліцы—РСФСР. Першы пэрыяд існаваньня Савецкай Беларусі—Савецкая Беларусь Часовага Ураду (студзень 1919 г.), Беларусь пасьля 1-га Зьезду Саветаў і Літоўска-Белар. Рэсп. (ад канца лютага да сярэдзіны 1919 г.) потым, пасьля польскае акупацыі, пэрыяд Ваенна-

Рэвалюцыйнага Камітэту ССРБ—(другая палова 1920 г.), у момант напружаннай барацьбы за адстайваньне заваёў рэвалюцыі, можна ахарактарызаваць, як пэрыяд, калі можна сказаць, існавала адно толькі адміністрацыйнае права: дыфэрэнцыяцыі на галіны права ня было. Роля адміністрацыйных органаў была ў гэты пэрыяд вельмі шырокая. Так, Камісарыят Унутраных Спраў у 1919 г. выдаў загад аб ліквідацыі шляхецкіх і мяшчанскіх грамад і аб перадачы іх рухомае і нерухомае маемасьці мясцовым саветам (Загад № 7 Весьці час. ураду Сав. Бел. 19 г. № 2). Камісарыят Унутраных Спраў нават прадпісвае выбранаму зьездам саветаў 29 студзеня 1919 г. Менскаму павятоваму камітэту неадкладна прыступіць да выкананьня сваіх функцый (Прик. Ком. Вн. Дел № 21—Изв. ЦИК БССР—1919 г. № 6). У гэты пэрыяд адміністрацыйныя органы лічаць сябе настолькі зьвязанымі з Масквою, што Камісарыят Унутраных Спраў Сав. Беларусі аддае загад, каб усе валасныя і сельскія саветы і іншыя савецкія органы выпісвалі з Масквы афіцыйны орган Ураду РСФСР—„Известия ЦИК" і газэту „Бедноту" (Изв. вр. прав. Сов. Бел. 1919 г. № 2.). Ваенна-Рэвалюцыйны Камітэт Сав. Беларусі ў 1920 г. лічыў канстытуцыю РСФСР сваею канстытуцыяю і ў афіцыйным органе „Известиях Военно-Револ. Комитета ССРБ" за 1920 г. № 5 агалашае выпіску з савецкае канстытуцыі (РСФСР) артыкулаў, датычных да арганізацыі валасных зьездаў і сельскіх саветаў на Беларусі. Гэтае адчуваньне сябе непарыўнаю часткаю адміністрацыйных органаў РСФСР перайшло ў традыцыю і цягнулася аж да канца 1923 г. ня гледзячы на тое, што Савецкая Беларусь была ўжо саюзнаю рэспублікаю. Гал. Кіраўніцтва Міліцыі і Крымінальнага Вышуку ў часы 1920-1923 г., можна сказаць на працягу 4-х гадоў свайго існаваньня, карыстаецца выключна нормамі, якія выдаваліся НКУ Спраў і іншымі цэнтральнымі органамі РСФСР. Напр.:—інструкцыі а) валасным міліцыянэрам, б) гарадзкім раённым начальнікам, в) павятовым раённым начальнікам (Пр. Мил. Бел. 1920 г. 2/XII—№ 21); інстр. СНК/Р аб парадку адчыненьня і вядзеньня ўсякага гандлю і правіл нагляду за ім (Пр. Мил./Б—21 г. 20/IX № 115 § 6); аб няўхільным захаваньні дэкрэту СНК/Р за II/IX—21 г. і інструкцыі НК Земляробства (РСФСР) аб наглядзе за гуртамі быдла (Пр. Мил/Б—21 г. 19/IX № 130), палажэньне аб дворніках—заг. Міл. РСФСР № 310—14/VI 1922 г. (Пр. Мил/Б 22 г. 9/IX № 99). Ня гледзячы на зацьверджаньне III сэсіяй ЦВК БССР III скліканьня 26/VI-22 г. палажэньня аб пракурорскім наглядзе БССР, Міліцыя Беларусі 20/X-22 г. абвяшчае ў сваім загадзе № 112 палажэньне аб пракуратуры РСФСР, цырк. НКАх. Здар., НКУС і ВЦСПС РСФСР за 26/I-23 г. аб мерах барацьбы з прасутыцыяю (Пр. Мил/Б-23 г. 30/III—№ 32 § 1). Дапамога органаў міліцыі фінансавай інспэкцыі— Заг. Міл. РСФСР 23 г. № 128 (Пр. Мил/Б—23 г. № 52). Інстр. Мил/РСФСР аб парадку набыцьця паляўнічае, агнястрэльнае і халоднае зброі, набояў, а таксама аб рэгістрацыі і падліку іх (Пр. Мил/Б— 23 г. 13/VII—№ 76 § 2). Палажэньне аб сельскіх вартаўнікох—(Пр. Мил/Б 23 г. 4/XII—№ 119). Вось прыдклад таго, як НКУС БССР карыстаўся нарматыўным матар'ялам РСФСР. Цікава, што ў верасьні 1923 г. НКУС РСФСР прыслаў у Менск спэцыяльную камісію для рэвізіі „свайго органу—НКУС БССР", ня гледзячы на тое, што заключаны 13/VIII-20 г. Камісарыятам Унутраных Спраў БССР дагавор з НКУС РСФСР аб падпарадкаваньні службы Галоўміліцыі Беларусі такой самай службе РСФСР з утварэньнем Саюзу ССР, здавалася б павінен быў быць скасованы. (Кароткі Нарыс Гісторыі Міліцыі Беларусі 1917—1927 г. ст. 40). Толькі з пачатку 1924 г. пачынаюць выдавацца адміністрацыйныя нормы ад імя органаў НКУС БССР, праўда, са значным запазычаньнем ад РСФСР.

З 1920 г. загады у адміністрацыйнай галіне зьмяшчаліся Галоўным Кіраўніцтвам Міліцыі і Крым. Вышуку у сваіх „приказах“. Гэтыя загады рассылаліся перапісанымі на машынцы падпарадкаваным органам. Рэдка больш важныя загады друкаваліся ў мясцовых газэтах. З пачатку 1921 г. шэраг важнейшых адмін. норм друкаваліся у афіцыйным органе Бел. Ураду—„Известия ЦИК ССРБ“, а з пачатку 1922 г.—у „Собраниях Узаконений“.

У верасьні 1924 г. Гал. Кір. Міл. і Крым. Вышуку БССР пачала выдаваць для органаў міліцыі на мясцох друкаваны—„Сборник приказов Милиции и Уголовного Розыска БССР“. За 1924 г. вышла 4 нумары, а за 1925—6 нумароў. Да жалю, меркаваньні эканоміі прымусілі НКУС спыніць друкаваньне загадаў Міліцыі, у якіх вельмі часта зьмяшчаліся важныя публічна-праўныя акты.

З сярэдзіны 1925 г. пачынае выдавацца коштам НКУС „Бюллетень СНК БССР“, у якім зьмяшчаюцца пераважна адміністрацыйныя нормы ня толькі НКУС, але і іншымі ведамствамі. Бюлетэнь друкуецца ў патрэбным ліку экзэмпляраў і даходзіць да ніжэйшых мясцовых органаў-сельскіх саветаў. Такім чынам, толькі з сярэдзіны 1925 г. заканадаўства ў галіне адміністрацыі робіцца так ці іначай даступным і болей шырокаму колу адміністрацыйных органаў, і болей шырокаму колу савецкага грамадзянства.

Але Гал. Кіраўніцтва Міліцыі і Крым. Вышуку добра адчувала неўпарадкаванасьць нараматыўнага матар'ялу ў галіне адміністрацыі і прымушана было правесьці сыстэматызацыю дзеючых загадаў і цыркуляраў Міліцыі і Крым. Вышуку і агаласіць у „Сборнике приказов“ за 1925 г. № 3 (прик. № 75) альфабэтны паказчык дзеючых загадаў і цыркуляраў з 1920 па 1925 г. Аднак НКУС спыніўся на палавіне дарогі—ён не выдаў ніякага сыстэматычнага зборніка дзеючага па Міліцыі нарматыўнага матар'ялу, які быў вядомы толькі нязначнаму ліку канцылярскіх работнікаў, падшываўшых гэтыя інструкцыі і цыркуляры да справы.

З бегам часу, з накапленьнем нарматыўнага матар'ялу, патрэба ўпарадкаваць гэты матар'ял стала яшчэ вастрэй, і вось з другое паловы 1927 г. у НКУС пачынае весьціся работа па новай сыстэматызацыі нарматыўнага матар'ялу па Кір. Міліцыі. Работа гэта прыбліжаецца да канца.

Вось і ўсё, што зроблена ў галіне кадыфікацыі адміністрацыйнага права, нават часткі яго, у нас на Беларусі. Зроблена, як мы бачым, вельмі мала. Шэраг народных камісарыятаў свайго нарматыўнага матар'ялу не упарадкаваў.

Цэнтральным пунктам адміністрацыйнай дзейнасьці зьяўляецца права адміністрацыйных органаў выдаваць абавязковыя пастановы і накладаць за парушэньне іх пакараньні. Гэта пытаньне ў БССР рэгулюецца выдадзеным ЦВК і СНК 10/VII—1925 г. „палажэньнем аб парадку выданьня акруговымі і раённымі выканаўчымі камітэтамі абавязковых пастаноў і аб адміністрацыйным пакараньні за іх парушэньне (33/Б—25.31.288).

З ускладненьнем дзейнасьці мясцовых органаў—акруговых і раённых выканаучых камітэтаў і гарадзкіх саветаў, кампэтэнцыя якіх на працягу 1925-26 г. паступова пашыралася, паўстала патрэба ўпарадкаваць таксама і пытаньне аб выданьне гэтымі мясцовымі органамі абавязковых пастаноў.

НКУС у сярэдзіне 1926 г. энергічна ўзяўся за ўпарадкаваньне пытаньня аб абавязковых пастановах. 15/VII—26 г. ён унес у НКЮст.

на ўзгадненьне досыць дэтальна распрацаваны праэкт тыповых абавязковых пастаноў з аб'ясьняльным тэкстам, на манер невялікага падручніка, а 18/IX—26 г.—у СНК праэкт аб выданьні акруговымі і раённымі выканаўчымі камітэтамі і гарадзкімі саветамі акруговых і неакруговых гарадоў БССР абавязковых пастаноў і аб накладаньні за іх парушэньне спагнаньняў у адміністрацыйным парадку. Новы праэкт унёс цэлы шэраг карэктываў да палажэньне аб абавязковых пастановах за 10/VII—25 г. Галоўныя зьмены: 1) абавязковыя пастановы выдаюцца гарадзкімі саветамі; 2) падрабязна пералічаны пытаньні, па якіх выдаюцца абавязковыя пастановы; 3) тэрмін уваходжаньня ў сілу абавязковых пастаноў замест 7 дзён павялічан да 14 дзён; 4) адказнасьць па абавязковых пастановах нясуць дзяржаўныя ўстановы, прадпрыёмствы і грамадзкія арганізацыі; 5) уводзіцца асобы від адміністрацыйнага пакараньня—папярэджаньне; 6) накладаньне адм. пакараньняў ускладаецца на загадчыкаў адмін. аддзелаў АВК; 7) міліцыі даецца права накладаць адміністрацыйныя пакараньні на месцы ўтварэньня малаважных парушэньняў—у відзе штрафу; 8) тэрмін налажэньня адмін. пакараньняў павялічана да 3-х месяцаў; 9) устаноўлены іншы парадак накіраваньня скаргаў.

Гэты праэкт быў дакладна разгледжаны Аддзелам Зак. Праэктаў НКЮ, які разаслаў акругам запытаньні па цэламу шэрагу спрэчных пытаньняў, адказы акруг па артыкулах праэкту былі акуратна сыстэматызаваны і праэкт гэты быў падан у Кам. Зак. Праэктаў пры СНК.

26 красавіка 1927 г. КЗП, не прыняўшы праэкту, пастанавіла „даручыць народным камісарыятам Унутраных Спраў і Юстыцыі, з удзелам кансультанта КЗП т. Гуткоўскага перарабіць праэкт так, каб ім прадугледжваліся ўсе віды пастаноў, якія маюць права выдаваць акруговыя і раённыя выканаўчыя камітэты і гарадзкія саветы, і адначасна пачаць распрацоўку Адміністрацыйнага Кодэксу БССР“.

Праэкт аб выданьні абавязковых пастаноў быў адхілены КЗП таму, што пры яго разглядзе выявілася шэраг пытаньняў, зьвязаных з выданьнем абавязковых пастаноў, якія настойліва вымагалі свайго вырашэньня, у выніку чаго КЗП першы раз выразна паставіла пытаньне аб распрацоўцы Адміністрацыйнага Кодэксу.

Думку аб упарадкаваньні адміністрацыйнага заканадаўства пры дапамозе выданьня Адміністрацыйнага Кодэксу асабліва энергічна праводзіў нам. Старшыні КЗП Г. Е. Парэчын. Ажыцьцяўленьне гэтае думкі было даручана аўтару гэтых радкоў.

Падыўшоўшы блізка да гэтае справы, мы спаткалі значныя цяжкасьці. Для ўкладчыка Адміністрацыйнага Кодэксу, нам здавалася, патрэбен у першую чаргу увесь матар'ял публічна-праўнага характару, выдадзены цэнтральнымі органамі ў галіне адміністрацыйнага права ў шырокім сэнсе, таму у маі мес. 1927 г. Кір. Спраў СНК запрапанавала ўсім народным камісарыятам прыслаць копіі сваіх публічна-праўных актаў, з адзначэньнем дзеючых і страціўшых сілу; асабліва для нашае работы патрэбны акты НКУС, НКАх. Здар. НКПрацы, НКФ, ВСНГасп. Такое запатрабаваньне паставіла некаторыя камісарыяты ў тупік: некаторыя ўстановы не пакінулі для сабе копій сваіх нарматыўных матар'ялў і пасьпелі паздаваць справы у Дз. Архіў. Некаторыя ня маюць у сябе нават цэльнага экземпляру сваіх афіцыйных выданьняў, дзе друкаваўся нарматыўны матар'ял (НКА). Нам удалося атрымаць адказ толькі ад НКАх. Здар., РСІ і НКЮ і то толькі з пералічэньнем загадаў і цыркуляраў, без іх тэкстаў. Прышлося правесьці работу па сыстэматызацыі друкаваных матар'ялаў па БССР і СССР,

Для таго, каб пазнаёміцца з работаю па складаньні Адміністрацыйнага Кодэксу на Украіне і ў РСФСР, нам, удалося пабываць у Харкаве і ў Маскве, азнаёміцца на мейсцы з работаю па арыгінальных справах і па гутарках з беспасрэднымі удзельнікамі ў распрацоўцы Адм. Кодэксу.

Якія ж напрашваюцца вывады і вышэй напісанага?

1) Галіна адміністрацыйнага права павінна быць у нас безадкладна ўпарадкавана.

2) Лепшым з усіх спосабаў упарадкаваньня трэба лічыць выданьне Адміністрацыйнага Кодэксу.

3) На работу гэту павінна быць зьвернута асаблівая ўвага, бо справа гэта вельмі складаная; да работы павінны быць прыцягнуты зацікаўленыя ведамствы—асабліва НКУС і НКЮ.

4) Народныя камісарыяты павінны як найхутчэй упарадкаваць свае нарматыўныя матар'ялы, асабліва тыя, якія імі не надрукаваны у афіцыйных органах—без гэтых матар'ялаў нельга весьці работу па складаньні новага законапраэкта.

5) За аснову ўзяць сыстэму Украінскага Адм. Кодэксу; схэму, разаслаць народным камісарыятам і акругам на абгаварэньне і падлічыўшы пажаданьні устаноў, зацьвердзіць гэту схэму ў КЗП.

У сучасны момант работа па складаньні Адм. Кодэксу намі ўжо вядзецца на падставе сабраных намі матар'ялаў, і ў чарнавым напісаны разьдзелы: 1) Агульныя палажэньні 2) Адміністрацыйныя акты. 3) Абавязковыя пастановы. 4) Меры адміністрацыйнага уплыву. 5) Іншыя адміністрацыйныя меры прымусовага характару (асабовае затрыманьне, арышты, і інш.).

Пытаньне аб сыстэматыцы Адміністрацыйнага Кодэксу, мы спадзяемся высьвятліць у асобнай рабоце.

* * *

Наш агляд датычыць кадыфікацыйнае дзейнасьці ў галіне адміністрацыйнага праву трох саюзных рэспублік—РСФСР, УССР і БССР. Пэўнымі матар'ямі па гэтым пытаньні у іншых саюзных рэспубліках мы не распалагаем, аднак, такая праца праводзіцца, як нам вядома у Аззрбейджане, які у 1925 г. прасіў НКУС РСФСР прыслаць яму свой праэкт, вядзецца яна і ў Сярэдня Азіяцкіх Саюзных Рэспубліках.

Мы ўпэўнены, что вымаганьні часу хутка вырашаць пытаньне ўпарадкаваньня адміністрацыйнага заканадаўства ва ўсіх саюзных рэспубліках.

Менск 15/1—1928 г.

Проф. В. Н. Ширяев.

Н. С. Таганцев и его значение для науки уголовного права.

(По поводу пятилетия со дня смерти).

В переживаемое нами время перестройки всех общественных отношений, полной переоценки ценностей и в соответствии с этим коренной реформы законодательства представляется не лишним остановиться с чувством признательности перед памятью тех, чьими трудами создалась возможность и этой перестройки, и этой переоценки, и этой реформы.

Вот те соображения общего характера, которыми может быть оправдана избранная тема.

Они могут быть дополнены ссылкой на юбилейную дату—пятилетний срок, протекший со дня смерти Н. С. Таганцева, скончавшегося 22-го марта 1923 г.

I.

Почти вся жизнь, а вместе с тем и вся деятельность Н. С. Таганцева протекли в Петрограде и тесно с ним связаны, но в своем последующем изложении я не имею ввиду касаться ни служебной, ни общественной стороны деятельности Н. С. Таганцева, несмотря на все их разнообразие и глубокий интерес, а постараюсь, в меру моих сил, подойти к Н. С. Таганцеву, только как к ученому криминалисту, и выяснить, что он дал для нашей науки.

Такое сужение задачи, несомненно, лишит нас возможности взглянуть на Н. С. Таганцева во весь его могучий рост, но в то же время, рассматривая Таганцева только как криминалиста ученого, мы можем более подробно и основательно выяснить его значение в этой специальной области. К тому же всестороннее изучение жизни и деятельности Таганцева во всей их полноте представляется затруднительным, в виду продолжительности и разнообразия его служебной и общественной работы—Н. С. Таганцев родился 19-го февраля 1843 года, а скончался 22 марта 1923 года т. е. на 81-м году жизни,—и требует для надлежащего освещения и оценки большой подготовительной, архивной работы. При этом сам Н. С. Таганцев может мало помочь исследователю, заинтересовавшемуся его личностью, ибо в его распоряжении почти не будет автобиографического материала.

Впрочем, именно это обстоятельство для маститого сановника, каким несомненно был Таганцев, будет также довольно характерным: оно свидетельствует о необыкновенной скромности, присущей Н. С. Таганцеву.

Уже стоя на пороге могилы и м. б. не без давления тех тяжелых материальных обстоятельств, в которых он оказался после октября 1917 года, Н. С. Таганцев берется за перо и публикует несколько

очерков мемуарного характера, и выпускает в свет книжку под заглавием „Пережитое“ (1919 г.). Но и в этих очерках, и в этой книжке центр тяжести не в личных переживаниях и впечатлениях, а в стремлении изобразить, „как это было“,—различные наиболее выпуклые моменты прошлого, за рассказом о которых личности самого рассказчика почти незаметно; лишь отдельные черточки, отдельные штрихи дают возможность, если не изобразить, то напомнить особенности нравственного облика покойного

В этом отношении особенно характерно предисловие к „Пережитому“, озаглавленное „Pro domo suo“ (Sic!), из которого видно, что Н. С. Таганцев „многократно порывался писать воспоминания, но (его) всегда удерживало одно, может быть излишне щепетильное соображение: во всех прочитанных им „мемуарах“, „воспоминаниях“, „страницах прошлого“ его поражали ярко окрашенная личная жилка большинства воспоминаний, „невольное или верней непроизвольное выдвигание своего Я доминирующим тоном рассказа“.

Ему всегда казалось „не слишком ли много проявляется в них самодавлеющего умиления“, „ведь только избранным, на челе коих горит неугасаемый огонь Прометея, приличествует передавать свое „Былое и Думы“ „urbi et orbi“.... Как только появлялась подобная мысль, Н. С. бросал написанные листы, но „годы и леденящее время,— добавляет он далее,—очевидно стерли краснобагровые налеты скромности, я поддался искушению и начинаю предлагать читателю из пережитого“.

Но и поддавшись искушению, Н. С. Таганцев полон сомнений относительно своих сил и способностей надлежащим образом выполнить предпринятое: „Провидению угодно было, допустив меня дожить до глубокой старости, сохранить пока мне и возможность пользоваться накопленными запасами моей жизни, по мере дарованных мне умственных сил и способностей“.... „Боюсь, что я взялся рубить дубинку не по росту. На моей палитре не положено достаточно сочных и ярких красок для надлежащего изображения описываемого. Содержание очерка—крупнейшие события новой истории России, а мой личный кругозор недостаточно широк; слабее моя способность проникать в глубь переплетающихся исторических нитей, сопоставлять и оценивать совершившееся, и, наконец, думается мне особенно слабой окажется моя способность облечь это в надлежащую форму“....„На какое либо снисходительное ко мне отношение я не претендую, прошу только верить моей искренности“.

Такими и подобными замечаниями, свидетельствующими об удивительной скромности автора, пестрят и дальнейшие страницы „Пережитого“, где Н. С. отступая от эпического тона повествования, допускает небольшие лирические отступления, где сквозь незлобивый наружный юмор слышатся затаенная горечь и скорбь[1]).

---

[1]) В дальнейшем встречаются такие замечания и оговорки:

„Думаю, что буду к себе только справедлив, если скажу, что м. б. надлежащая характеристика его (гр. Витте) перу моему просто не под силу“ (стр. 152—153).

...„Не могу только не сказать, что как ни любовно относился он (гр. Витте) ко мне, в особенности в начале наших отношений, он никогда не был героем моего романа. Уж очень он был какой-то не настоящий.“ (стр. 153).

—„И в моих глазах, и по моим убеждениям, хотя и не первоклассного, но все таки, позволяю себе думать, кое-что почитавшего юриста, Сперанский был величайший самородок юридических россыпей России“. (стр. 160).

—„Затем, я м. б., неумело, недостаточно научно, но во всяком случае говорю чистосердечно, вполне убежденно держался моего воззрения и т. д. (о Финляндии— стр. 169).

Характерен также и девиз лично избранный Н. С. Таганцевым на гербе открываемого им рода Таганцевых: „трудом счастлив“.—„И отходя в час, предназначенный мне Создателем, в вечность, я оставляю его, как непререкаемый завет моим детям и внукам: пусть вспоминают своего труженника отца и деда и его судьбу“ (стр. 6 прим. „Пережитого“).

От принадлежности к семье, в которой отцу Таганцева нужно было приписаться из мещан в купцы 3-ей гильдии, чтобы избавить сыновей от страшной 25-летней рекрутчины, и до чина 2-го класса (действ. тайн. совет.), почетного мирового судьи, заслуженного профессора, почетного академика, почетного члена Ун-тов Петербургского, Киевского, Казанского, Юрьевского, (Дерпского), почетного члена Московского и Петербургского Юридических Обществ—дистанция огромного размера, крупный взмах жизненного маятника, закончившего свое продолжительное качание 22-го марта 1923 года, в Доме Ученых на б. Миллионной ул.

Но как ни содержательно, как ни интересно протекла трудовая жизнь Н. С. Таганцева, она тесно связана со всем прошлым строем, всецело принадлежит ему. В этом отношении Н. С. Таганцев был видным и верным деятелем дореволюционной России, могущим привлекать к себе внимание и вызывать интерес лишь со стороны историков. Но Н. С. Таганцев криминалист и его труды по уголовному праву сохранили свое значение и по настоящее время.[1])

Если Таганцева знали все криминалисты моего поколения, ибо все мы учились по Таганцеву и лекции Таганцева в наше время были первой настольной книгой каждого начинающего криминалиста, то должны будут знать его и те кто придет к нам на смену, более молодые поколения русских криминалистов, ибо, не изучив основательно Таганцева, нельзя считать себя серьезно подготовленным криминалистом.

II.

—Что же сделал Н. С. Таганцев, как криминалист?

На этот короткий вопрос можно дать такой же краткий ответ, заимствуя его с обложки его сборника статей о смертной казни,—там сказано: „Того же автора—Русское Уголовное Право. Часть общая. Изд. второе, 2 тома, 1902 г. 1460 стр.“

Этот ответ совершенно формальный, будет верным и по существу: Таганцев дал нам русское уголовное право, которого до него не было.

Чтобы выяснить значение того или другого ученого, необходимо бросить хотя бы общий взгляд на состояние науки до его вступления на научное поприще.

По отношению к Н. С. Таганцеву сделать это не трудно, в этом нам может оказать содействие сам Н. С, составивший краткий обзор науки уголовного права на западе за 25-летие (1867—1892 г. г.), с момента начала его преподавательской деятельности.

Не трудно сделать это и в отношении России, ибо до Таганцева самостоятельной научной разработки уголовного права почти не было.[2])

---

[1]) Русское уголов. право Н. С. Таганцева, т. т. 1 и 2, изд. 1902 г. включено, как необходимое пособие для аспирантов по уголовн. праву РАНИОН.

[2]) См. Фельдштейн—Главные течения в истории науки уголов. права в России. Вполне правильно замечание К-К, автора ст. „Уголовное право в России“ (Энциклоп. словарь Брокгауза и Ефрона т. 55, стр. 847), что „научная разработка уголовного права и на западе принадлежит новейшему времени, в России же едва ли не современник наш—В. Д. Спасович—должен быть признан первым представителем русского уголовного права, как науки в собственном смысле этого понятия“. Действительно, труды предшественников Спасовича по разработке вопросов уголовного права в настоящее время имеют только историческое значение.

Лекция Н. С. Таганцева—„Последнее 25 летие в истории уголовного права“ интересна в том отношении, что она рисует состояние науки уголовного права в тот момент, когда Н. С. вступал на путь научно-учебной деятельности, раскрывает, под чьим влиянием эта деятельность началась, и дает ключ к уразумению всего дальнейшего направления работы Николая Степановича. „Когда я—пишет Н. С. Таганцев—в 1863 г. поехал в Германию для продолжения научных занятий под руководством немецких ученых—распределение корифеев этого направления представлялось в таком виде. В Тюбингене не задолго перед тем скончался талантливый представитель абстрактного метода Кэстлин, и его место занял его ученик и друг—Гесслер; в Берлине увлекал стройностью и логичностью построений молодой гегельянец—Бернер, а рядом с ним излагал в том же направлении основы уголовного права маститый представитель той же школы Гефтер; в Кенигсберге читал уголовное право Абегг, в Боне был Гельшнер, в Иене-Марецолль, в Лейпциге—Вехтер. Только в жизнерадостном Гейдельберге, где природа соперничает в красоте с творчеством человека, привлекал массу слушателей глашатай иного направления, маститый уж в то время Миттермайер, пользовавшийся громадной известностью за пределами Германии, но едва признаваемый своими немецкими коллегами.

По складу своего ума Миттермайер был всегда противником науки для науки: он считал условием всякого юридического метода его применимость к жизни; у него нельзя встретить ни одной работы чисто кабинетской, ни в философской, ни в исторической сфере права. Он не высказывал ни одного юридического положения, не подкрепив его примером из действительной жизни; даже той или другой научной теории отдавался он настолько, на сколько она оправдывалась и была осуществима на практике.

Признавая право жизненным явлением, он требовал, чтобы и его высшие основные начала были раскрываемы путем анализа жизненных юридических отношений. Не отрицая значения дедукции при разработке законов социальных явлений, он считал необходимым проверять дедуктивные выводы из установленных уже принципов и начал права эмпирическими обобщениями, добытыми из жизни, путем наблюдения и опыта.

Он не отрицает в принципе значения ни философии, ни истории; напротив того, он отводит надлежащее место не только истории догмы, но и истории правовых институтов, как необходимого подспорья раскрытия законов общественной жизни.

Он восставал только против исключительного преобладания философского элемента в разработке права, он восставал против исключительного применения отвлеченного метода, забывавшего, что право—не геометрическая формула, а жизненное явление, созидающееся и развивающееся не под влиянием какого либо принципа, а являющееся продуктом сложного механизма взаимодействия различных сил.

Миттермайер был центром этого направления; его ученики уже выдвигались и в других Университетах, как профессор Гольцендорф, бывший тогда приват-доцентом в Берлине, профессор Вальберг в Вене... Под руководством Миттермайера выбрал я тему для магистерской диссертации (О повторении преступлений 1867 г.), от него получил я и незабвенное для меня теплое напутствие на дальнейшую педагогическую деятельность.“ (Стр. 9-10)

„Для меня,—говорил далее Н. С.—перед началом преподавания выбор направления был ясен: его подсказывала сама юридическая

жизнь того времени, требовавшая неустанной разработки действительности. На сколько я оказался годен для осуществления этих требований, судить не мне; но не могу не вспомнить, что наиболее отрадной наградой для меня в этом отношении была оценка моей докторской диссертации о преступлениях против жизни, сделанная на моем диспуте моим учителем В. Д. Спасовичем, высказавшим, что эпиграфом моей работы можно было бы поставить: „из жизни для жизни“...“

Я привел эту длинную выдержку из лекции Н. С. Таганцева, так как она раз‘ясняет многое в характере научной деятельности Таганцева, а вместе с тем рассеивает и те недоразумения, которые с оценкой этой деятельности связаны. Сторонники ходячих мнений, трафаретных этикеток обычно причисляют Таганцева к „классикам“, считают его чуть ли не столпом классической доктрины в науке уголовного права в России.[1])

Уже из слов самого Таганцева, из оценки данной его труду В. Д. Спасовичем, с очевидностью видно, что Н. С. Таганцев по самому своему духу, по складу своего ума и научным интересам был чужд классицизму, как чему то застывшему, оторванному от жизни, отвлеченному. Его научные воззрения постоянно в движении, вечно в стадии пересмотра и освежения.

Указывая причины долгой переработки II-го издания своих лекций, зятянувшейся на десятилетие, Н. С. Таганцев говорит: „хотелось и в этом труде воспользоваться не только новыми данными нашей судебной и законодательной практики, но как и прежде, разрабатывать наше право в связи с развитием западно-европейских законодательств и с неуклонно-поступательным движением науки. А именно за последнее время литература уголовного права получила громадное развитие и в ширину, и в глубину. Не только усердно ремонтировались старые шоссейные пути, но прокладывались новые дороги и тропинки, не всегда удачно пролагаемые, но всегда, как и все новое, завлекающие. Хотелось разобраться в этой сокровищнице знаний, подняться на крутизы, с которых открываются новые горизонты. Увы, и в этом отношении от многих вожделений пришлось отказаться: не под силу альпийские экскурсии, когда весьма и весьма ощущаешь и высоту четвертого этажа; и вероятно, мои молодые коллеги по разработке уголовного права насчитают в настоящем труде много недоглядок и недомыслей, и даже весьма крупных:“ „feci, quod potui, faciant meliora potentes“. „Будущее—молодым силам“. (Предисловие ко второму изд. лекций). И это не только слова, а искреннее глубокое убеждение, претворенное в жизнь. Чтобы наглядно убедиться в этом, достаточно сравнить соответствующие отделы его курса, лекции первого и второго издания. Везде можно усмотреть не только освежение материала и пополнение его новыми литературными данными, но и переработку в соответствии „с неуклонно-поступательным движением науки“. Не все новые идеи и учения Таганцев воспринял, но он не сторонился их, считался с ними и по своему перерабатывал.

Для научного деятеля характерны не только развиваемые и отстаиваемые им взгляды, но и самые темы, за разработку которых он берется.

Выбор тем для первых монографических работ Таганцева показывает, что отвлеченный формализм построений классической школы

[1]) См. наприм. Эндиклопед. словарь Брогауза и Ефрона, т. 55, стр. 868.—Россия: „Таганцев решительный сторонник т. н. классического направления в уголовном праве, созданного Фейербахом“.

был всегда чужд его научным влечениям. Под влиянием Миттермайера темой своей магистерской диссертации Таганцев избирает вопрос „О повторении преступлений“ т. е. как раз ту область науки, где в первую очередь стали развиваться новые направления в уголовном праве, ибо рост рецидива свидетельствовал о бесплодности борьбы с преступностью на почве только формально-юридического изучения понятий преступления и наказания.[1])

Постепенно от изучения рецидива, как обстоятельства усиливающего ответственность, перешли к изучению рецидивиста, привычного преступника и к изучению тех условий, на почве которых вырастает и рецидив, и преступность вообще.

Другая тема, которая привлекла внимание Ник. Ст. Таганцева на первых ступенях его самостоятельной научной деятельности—об ответственности малолетних—точно также не свидетельствует о пристрастии Таганцева к отвлеченным, оторванным от живой действительности вопросам; эта тема и до сих пор является наиболее животрепещущей и злободневной.[2])

Из этих двух примеров видно, в какую сторону тяготели научные вкусы и стремления Таганцева: во всяком случае это не была область абстракции и формально-логических выкладок и построений.

„Из жизни для жизни“, этот эпиграф мог бы быть поставлен с неменьшим основанием и на этих работах, как и на сочинении о преступлениях против жизни.

Разрабатывая эту последнюю тему, Н. С. Таганцев в отношении к русскому уголовному праву один проделал ту работу, которая была по силам лишь нескольким лицам, занимавшимся вопросами общей части уголовного права.

---

[1]) Возражая М. Н. Чубинскому („Общая характеристика новых учений в уголовном праве 1898“) утверждавшему, что старая теория сводила преступность исключительно к злой воле преступника, игнорируя другие источники преступлений, и что только новая школа поставила девизом лучше предупреждать, чем карать,—Н. С. Таганцев указывает, „что этому противоречит вся история науки уголовного права XIX столетия, в особенности его первого критического периода. Говоря pro domo suo (sic!) могу сослаться еще на мое исследование о повторении преступлений“ (Русск уг. право, 2-е изд. т. 1, стр. 11, прим. 2).

Действительно в этом исследовании Н. С. Таганцева, вышедшем в свет в 1867 г. уже можно найти рассуждения такого рода: „Итак деятельность государства по отношению к нарушениям общественного порядка разделяется на две основные части: розыскание общих причин преступления, тех элементов или тех комбинаций этих элементов, которые вызывают эти явления и, следовательно, подавление самой возможности совершения преступления или реагиров ние против нарушений уже совершившихся... Для этого государство должно прежде всего изучить вопрос: что такое преступление, как общественное явление; где заключаются причины его вызывающие; каковы законы, по которым оно действует?“ (стр. 30).

„Нам нет необходимости перечислять все те причины преступлений и все средства, при помощи которых государство может бороться с этими причинами... На первом плане стоят разумеется экономические условия. Бедность, голод и т. п. составляют один из главных источников преступлений, поэтому развитие благосостояния, промышленности, торговли, улучшение положения рабочего класса, более правильное распределение дохода между трудом и капиталом, устройство рабочих ассоциаций и т. д. служат деятельными средствами предотвращения преступлений“... (стр. 32).

[2]) См. Таганцев—исследование об ответственности малолетних по русскому праву и проект законоположений об этом вопросе. 1872 г.

В этой работе Н. С Таганцев отмечает необходимость установления для малолетних особых условий ответственности (стр. 5-6), указывает на вред, причиняемый несовершеннолетним от судебного разбирательства в обычном порядке (стр. 13, 92), отводит в своем проекте большое место исправительным заведениям, исключает из системы наказаний в отношении несовершеннолетних—правоограничения и подсудность несовершеннолетних суду присяжных (стр. 122), словом уже вначале 70-х г. г. Таганцев наметил вехи того пути, по которому в дальнейшем пошло законодательство о преступных подростках.

Ведь общие учения науки уголовного права разрабатывались обычно в связи с отдельными видами преступных деяний и прежде всего с посягательствами против жизни, телесной неприкосновенности, и из выработанных таким образом учений выросла постепенно общая часть науки уголовного права.

Н. С. Таганцев в своей докторской диссертации—„О преступлениях против жизни“ т. I-II 1870-71 г. подробно осветил почти все общие вопросы науки применительно к лишению жизни и на почве русского уголовного законодательства.

Этот труд Таганцева лег затем в основу курса русского уголовного права, (ч. общ., вып. I-й учение о преступлении, 1 и 2. 1874, вып. 2-й 1878 г. вып. 3-й—1879 г.) и двух последующих изданий его лекций, разумеется с дополнениями и исправлениями, в соответствии с постепенным развитием науки и судебной практики.[1])

Таким образом, русское уголовное право, по крайней мере его общая часть, является Lebenswerk'om, плодом всей научной жизни Ник. Ст. Таганцева, который он оставил в наследие будущим поколениям русских криминалистов.[2]) Когда этот труд называют „капитальным“, мне думается, этим эпитетом отмечают лишь одну его сторону, его научную солидность и обоснованность. „Русское уголовное право“ Таганцева по существу является энциклопедией русского дореволюционного уголовного права, в которой можно найти ответы на все вопросы, могущие интересовать криминалиста, ответы продуманные и обоснованные, опирающиеся и на данные современной науки, и на опыт судебной практики.

III.

Было бы излишним для поставленной нами задачи: оценить значение Таганцева для науки уголовного права—излагать все его взгляды на разнообразные вопросы, волнующие и до сих пор криминалистов. Для этого достаточно остановиться лишь на некоторых наиболее существенных и характерных моментах.

Таковы его взгляды на предмет науки, условия и основания уголовной ответственности и на задачи карательной деятельности.

Ближайшее знакомство с воззрениями Таганцева по этим вопросам покажет нам, как далеко он отошел от того, что называют классическим направлением в уголовном праве и насколько он шел нога в ногу с тем современным течением уголовно-правовой мысли, которое впитало в себя элементы социологического и биологического изучения преступности.

Так на первых же страницах своих лекций, посвященных вопросам о содержании уголовного права и его разработки, Н. С. Таганцев замечает, „что анализ и изучение этой борьбы единичного с целым, слабого с всемогущим... представляет огромный интерес, и сколь разнообразны и многосторонни проявления этой борьбы, столь же многосторонне и разнообразно может быть и ее изучение“.

---

[1]) См. Таганцев. Лекции по русскому уголовному праву, ч. общая, вып. 1-й 1887 г., вып. 2-й—1888 г., вып. 3-й—1890 г., и вып. 4-й—1892 г.—Русское уголовное право. Лекции, ч. общая, т. I и II, 1902 г.

[2]) Помимо лекций по русскому уголовному праву Таганцеву принадлежит не мало работ по вопросам как уголовного права, так и процесса, помещенных в журнале М-ва Юстиции, Судебном Вестнике и Журнале гражданского и уголовного права, редактором которого он одно время состоял. Из этих работ назовем: „О новейшей литературе в Германии по вопросу, о суде присяжных“, „О жизни и сочинениях Миттермайера“, „О вознаграждении за вред и убытки, причиняемые преступлением“, „О гражданском истце“, „Уголовная ответственность врачей хирургов“ и другие.

„Прежде всего, каждое преступное деяние в отдельности, в особенности важное и сложное, уже своей жизненной обстановкой приковывает наше внимание“... (стр. 1).

„Но за каждым преступным деянием стоит деятель, его воспроизводящий. Еще более интереса от внешней стороны перейти к внутренней, рассмотреть данное деяние, как момент проявления личности, как взрыв давно скоплявшихся элементов; от изучения события перейти к изучению деятеля, показать как развивались в нем условия преступности“... (стр. 2).

„Дело и деятель—вот существенные элементы единичного преступного деяния. Но, отходя от отдельного события и лица, его учинившего, рассматривая преступные факты не в их индивидуальности, а в их совокупности и последовательности, наблюдательный ум открывает в них новые и в высшей степени важные стороны для изучения. Прежде всего мы убеждаемся, что не было народа, не было ни одного фазиса народной жизни, где бы не существовала общественная борьба с этими деяниями, вредоносными для отдельного лица или целого общества, и чем сложнее и разнообразнее становится общественная жизнь, тем разнообразнее и ожесточеннее становится эта борьба преступного с велениями права и закона... И вот с цифровым отчетом о ежегодных числах преступных деяний в руках, наука стала изучать преступление, как социальное явление, было положено основание моральной статистике“... (стр. 3).

„Появилось стремление к выяснению, путем тех же приемов, соотношения преступления с известными факторами индивидуальной и общественной жизни людей, и к установлению соотношения видоизменяемости социальной преступности с видоизменяемостью этих факторов“. (стр. 4)

„Но как изучение условийо тдельного преступления мало по малу привело к изучению преступления, как социального явления, так анализ личности преступника, личных условий, влияющих на социальную преступность, естественно вызвал стремление изучать преступные типы вообще, их психологические, анатомические и физиологические особенности.“ (стр. 5)

Таким образом из этих цитат, м. б. несколько излишне затянувшихся, виден основной взгляд Таганцева на содержание науки уголовного права: как многосторонне преступное деяние, так же многосторонне может быть и его изучение. И действительно, чтобы изучить и постигнуть преступное деяние во всей его многообразной полноте недостаточно изучать его только как наказуемое посягательство на правоохраненное благо или, как говорит Таганцев,—как наказуемое нарушение нормы в ее реальном бытии. Это лишь одна сторона преступного деяния. Для полноты необходимо изучение преступного деяния и как явления социального, порождаемого общественной средой, и как проявления личности преступника, с его психофизическими особенностями. В эти три рубрики логически м. б. уложено все содержание науки уголовного права, весь тот социологический и биологический материал, о включении которого или выделении в самостоятельные отрасли знания долгое время спорили криминалисты.

Правда, Н. С. Таганцев, несмотря на широкие рамки своих лекций, не захватил всего этого материала в достаточной мере; мало того, поставив вопрос: „с какой же точки зрения д. б. изучено преступное деяние в настоящем курсе, посвященном уголовному праву, как особой отрасли правоведения?“—отвечает: „уголовное право, как одна из юридических наук, должно, конечно иметь своим предметом изучение

преступных деяний, как юридических отношений", и далее возражает против попытки „поставить в науке уголовного права на первый план не юридическую, а социально-антропологическую сторону" (стр. 8).

Но отсутствие соответствующего материала в лекциях Таганцева не является особенностью только его труда; ведь даже известный учебник проф. Fr. v. Liszt'a ограничивается изложением юридической стороны предмета по преимуществу. И такой об'ем содержания различных руководств по уголовному праву представляет обычное явление: широкие горизонты и многообразные перспективы во введении, а в самом тексте: „знакомые все лица и берегов Америки не видно"[1]). т. е. обычное изложение и обычное распределение материала.

Возражая против попытки поставить на первый план „антрополого-социологическую сторону", Таганцев боролся лишь против стремления заменить науку уголовного права уголовной антропологией и уголовной социологией, стремления, присущего представителям новых направлений в первый период их существования, в период усиленных нападок и критики на науку уголовного права в ее прежнем облике.

Отмечая различие в методах и целях юридического исследования от методов и целей исследований социологического и антропологического, Таганцев в то же время замечает, что это различие „конечно не равносильно отрицанию значения трудов по социологии преступлений и антропологии преступников для изучения уголовного права, как юридической науки, отрицанию всякой связи между ними".

„Как мне не раз придется указывать далее", продолжает Таганцев,—преступное деяние не есть абстрактная формула, а жизненное понятие, деяние вредное или опасное для лица и общества, а потому и воспрещенное законом, карательная деятельность государства не есть логическое последствие, самодовлеющее проявление карающей Немезиды, а целесообразная деятельность, направленная к осуществлению общей государственной задачи,—содействовать всемерно личному и общественному развитию, а потому необходимым подспорьем для оценки жизнеприменимости существующих норм уголовного права и мер государственной борьбы с преступлениями; для определения направления дальнейших реформ должно быть исследование той роли, которую играют преступление и наказание в социальной жизни; условий, содействующих или препятствующих развитию преступности, тех типических особенностей, которые проявляет класс преступников и с которыми имеет дело государственное правосудие" (стр. 11-12).

Логическим завершением этих и последующих замечаний о том значении, какое имеет уже теперь для уголовного права социологические исследования и работы антропологической школы (пересмотр всего учения о вменяемости и создание новой формулы вменения, своеобразная постановка учения о повторяемости преступлений и его наказуемости, все изменения системы карательных мер и порядка отбытия наказания, отказ от отвлеченного типа преступника и признание необходимости классификации преступников, в интересах целесообразной репрессии, и проч.— стр. 12—14 является замечание, с первого взгляда м. б. неожиданное, но по существу соответствующее действительности, что воззрения Международного Союза Криминалистов, союза основанного такими столпами современной науки уголовного права, как Fr. v. Liszt, van Hamel и Prins, положены и в основу курса Н. С. Таганцева (стр. 16, прим.).

Я думаю, что эти заявления имеют большее значение, чем методологический спор о том, составляет ли изучение преступления, как

[1]) См. Таганцев, Русское уголов. право, т. 1, стр. 17, прим.

социального явления и антропологическое изучение преступника— отрасли знания, восполняющие уголовное право, как юридическую науку, или они представляют составные части самостоятельных наук социологии и антропологии (стр. 14).

Этот методологический вопрос о предмете, задачах и методах уголовного права поднимался в русской литературе неоднократно и дал повод для провозглашения целой серии различных направлений в литературе и распределения между ними наличных криминалистических сил, но едва ли он был правильно поставлен с методологической точки зрения и потому плодотворен по существу.[1]) Очевидно, что юриспруденция, социология и биология пользуются каждая присущим ей методом, но несомненно также и то, что как в отношении к праву, так и в отношении к его антитезе—неправде допустим плюрализм методов изучения и преступное деяние может быть изучено во всей его полноте и сущности лишь при условии одновременного изучения его точки зрения юридико-догматической, социологической и биологической: как наказуемого правонарушения, как явления социально-патологического и как проявления личных свойств и особенностей преступника.

К этому плюрализму пришел и Н. С. Таганцев, хоть и не выразил этой мысли с полной определенностью.[2])

IV.

Не менее далеко отошел Н. С. Таганцев от догматов т. н. классической школы и в вопросе об основании ответственности.

И в западно-европейской, и в русской литературе по этому вопросу широкое распространение имела индетерминистическая точка зрения и виновным, а вместе с тем и ответственным, признавался человек, обладающий способностью свободного волеопределения, свободой воли.[3])

Эта способность, как необходимое условие вменяемости, указывается целым рядом криминалистов, и старых, и современных, вследствие чего на страницы уголовно-правовых сочинений был перенесен старый и вечно новый вопрос о свободе воли, разделивший криминалистов на два противных лагеря: детерминистов и индетерминистов. Чисто философская проблема свободы воли, проблема, в которой, по замечанию Виндельбандта, перекрещиваются нити всех существенных дисциплин философии,[4]) сделалась предметом самостоятельной разработки криминалистов, уделявших ей значительное место в своих работах. „Конечно, не в курсе уголовного права может иметь место изложение этого спора, оценка доводов борющихся сторон—говорит Н. С. Таганцев,—но в тоже время нельзя обойти его полным молчанием, так-как от усвоения того или другого принципа, зависит не только общая постановка вопроса об основаниях уголовной ответственности, но даже и характеристика некоторых отдельных учений общей части".[5])

Н. С. Таганцев также не обходит этого вопроса, уделяя ему и в своем курсе (вып. 1, 1874 г. стр. 21-69), и в своих лекциях значительное место, но в то же время при построении понятия вменяемости стремится освободиться от критерия свободы воли в его метафизи-

---

[1]) См. мою ст. „Наука уголовного права". Юрид. Вестник 1917 г. кн. XVII, стр. 64.
[2]) См. там же, стр. 82-83.
[3]) См. Н. С. Таганцев. Русское уголов. право, т. 1, стр. 388.
[4]) См. Виндельбандт О свободе воли, стр. 2.
[5]) См. Таганцев. Русское уголов. право т. 1, стр. 386-387.

ческом смысле и установить иные признаки вменяемости: „Метафизическая обрисовка вносит в определение критерия понятие свободы или несвободы человеческих действий...

Позитивная обрисовка основывает критерий вменяемости на условиях виновности, устраняя из него спорный вопрос о свободе человеческих действий“[1])

Учение о вменяемости Н. С. Таганцева строится на представлении о закономерности человеческих действий вообще т. е. о подчинении человеческой деятельности закону достаточной причины.

В этом построении критерия вменяемости Н. С. Таганцев проявил большую самостоятельность и оригинальность, хотя основную предпосылку своего построения он заимствовал у Фейербаха.[2])

Но „учение Фейербаха,—как справедливо указывал еще Н. Д. Сергеевский,—в сущности заключало в себе только намек или указание на новую конструкцию, но не точную ее формулировку, чем отчасти и об‘ясняется бесследность его в немецкой литературе. Таганцев не только развил свое учение в подробностях, но и отчетливо противопоставил его другим теориям, присоединив глубокую критику этих последних“.[3])

Сергеевский вменяет в особую заслугу Таганцеву выработку критерия вменяемости, независимо от признака свободного волеопределения и с устранением из уголовного законодательства этого спорного вопроса.

Следует однако признать,что это достижение, на мой взгляд, было скорее только словесным, внешним; ст. 39 угол. улож. 1903 г. формулирующая критерий вменяемости, правда, не содержит выражения „свободное волеопределение,“ но признает вменяемым того, кто понимает свойство и значение совершаемого и кто может руководить своими поступками, т. е. выдвигает в качестве характерного признака вменяемости тоже свободное волеопределение, но только понимаемое не в метафизическом смысле свободы воли, а в смысле присущей человеку решимости на те или другие действия, в смысле способности выбора между различными возможностями, выбора, подсказываемого опытом и знанием, влияющими на выработку постоянно действующих мотивов человека, образующих его характер. Такой именно смысл вкладывает Таганцев в формулу вменяемости, усвоенную уголовным уложением 1903 г., как это видно из его об‘яснений:

„Первою своей частью формула уложения относится к сфере познавательной, вторая—к сфере волевой. Познавательный момент предполагает: сумму накопленных и переработанных впечатлений внешнего мира, знание; получившие известное развитие упорядоченные мыслительные силы организма и образовавшуюся и окрепшую способность вызывать взаимодействие сознания с одной и воспринимаемых впечатлений с другой—способность вникать, соображать и т. п.

Волевой момент предполагает: накопленную путем жизненного опыта привычку и умение приспособлять накопленные знания к деятельности; развившиеся и окрепшие волевые (определяющие деятельность) силы организма, способность возбуждать проявление характера

---

[1]). См Таганцев. Русское уголов. право т. 1, стр. 386.

[2]) „Не только в 1867 г. (когда писалась работа о повторении преступлений в которой намечены были общие основы воззрений Таганцева на условия уголовной ответственности), но и в 1874 г. моя попытка была одинокой среди учений даже и новых криминалистов и мне приходилось ссылаться лишь на авторитет Фейербаха и некоторых криминалистов конца 18 в.“. Русское уголов. право. т. 1. стр 405 прим.

[3]). Сергеевский. Русское уголов. право. Пособие к лекциям, изд. 10. 1913 г. стр. 2 220 прим.

по отношению к возникшим или возбужденным стремлениям к деятельности, способность устранять, сдерживать, развивать и усиливать переход пожеланий к деятельности.[1]) Ведь и детерминисты могут сказать, что источники воли и деятельность лежат исключительно в человеке, в его внутренней природе, но эти источники вытекают из человеческой природы не как волшебные фонтаны, которые по непонятному произвольному усмотрению вращаются и изменяются, но всегда согласно с ее существом, всегда с неотвратимой необходимостью, благодаря чему они соприсущи этой природе человека... Детерминист этого направления вполне может говорить о самоопределяемости; мало того, только он один может утверждать это с достаточным основанием, так как только для него одного индивидуальность, самосущность „das eigentliche Selbst" „Я „есть действительно определяющее"[2]).

При таком понимании „свободного волеопределения" представляются качественно сходными и формула германского уложения, говорившая в § 51 о „freie Willensbestimmung" и определение вменяемости, принимаемое французскими криминалистами (Rossi, Boitard, Ortolan, Villey, Haus Garrand, Proal, Yidal), как способности человека различать добро от зла, дозволенное от запрещенного т. е. понимать значение своих действий, и как свободы выбора и предпочтения добра злу, и определения Bruck'a, усматривавшего во вменяемости: а. свободу воли, в. способность разумно мыслить и с. способность различать добро от зла, и даже определение Haelschner'a, требовавшего для вменяемости а. известной степени умственного развития, необходимого для самосознания и сознания окружающего мира и в. способность свободного волеопределения[3]).

Словом, формула „свободное волеопределение" или способность руководить своими поступками в настоящее время получила новое содержание, свободное от прежнего метафизического налета. Человек признается вменяемым, как скоро он обладает способностью принимать решения на основе приобретенных знаний и опыта[4]).

---

[1]) Таганцев—Русское уголов. право, т. I, стр. 412.

[2]) Ianka-Strafschuld, s. 35 ff. Цит. по Таганцеву. Русское уголовное право, т. I, стр. 411 прим.

[3]) Срав. указываемые Н. Д. Сергеевским элементы способности ко вменению:

1. Способность сознавать совершаемое и его отношение к окружающим предметам и явлениям, 2. способность предвидеть последствия совершаемого, 3. способность уразумевать предписания закона и сознавать отношение совершаемого к закону т.-е. запрещенность или дозволенность его по закону; 4. способность принимать вообще всякого рода в словесной форме выраженные положения или формулы, в число реальных мотивов своей деятельности. (Пособие, изд 10, стр. 213).

Здесь в более конкретной формуле перечислены те две основные способности, которые являются характерными для вменяемости у Н. С. Таганцева, это способность понимать свойство и значение совершаемого и способность руководить своими поступками.

Недалека от этого формула проекта герм. уголов. уложения, упоминяющего о способности „Das Unrechtmässige der Tat einzusehen oder nach dieser Einsicht zu handelu" (373)

В проекте итальянского уложения 1927 г. art. 81 вменяемым признается тот, „che ha capacita d'intcndere e di volere".

[4]) Благодаря такому изменению содержания прежней формулы представляется крайне затруднительным сохранять старое деление криминалистов на индетерминистов и детерминистов, и вполне понятно, почему одни и те же лица относятся то к лагерю индетерминистов, то детерминистов. Поэтому, вполне правильно замечание Liepmanna, что теория Биндинга может быть причислена к индетерминистическому направлению только потому, что таковой ее считает автор, т. к. основные условия вменения а след. и вменяемости: 1. „способность, связанная с знанием нормы т. е. способность разуметь соотношение содержания, хотения и действия с требованиями нормы", и 2 „решимость осуществить сознанное проявлением сил, состоящих в распоряжении нашей воли, с пониманием свойства такого проявления,", так что человек должен обладать способностью придавать вытекающим из своего характера побуждениям значение мотивов деятельности—представляются положениями вполне разделяемыми и сторонниками противоположного лагеря.

Во всяком случае, заслуга Н. С. Таганцева, что среди не только русских криминалистов он первый сделал попытку к отысканию нового пути при построении критерия вменяемости, отрешенного от спорной метафизической проблемы, и в ст. 39 уголов. уложения 1903 г. дал ему законченную и полную формулировку.[1])

Таким образом и в этом основном вопросе науки Н. С. Таганцев оторвался от традиционных представлений классической школы и пошел по пути, усвоенному современными течениями научной мысли.

V.

Таково же было отношение Н. С. Таганцева к другому основному вопросу науки—вопросу о задачах и целях карательной деятельности. Уже на первых страницах своих лекций Н. С. Таганцев, заявлял, что „карательная деятельность государства не есть логическое последствие, самодавлеющее проявление карающей Немезиды, а целесообразная деятельность, направленная к осуществлению общей государственной задачи—содействовать всемерно личному и общественному развитию" (стр. 11—12).[2])

Эти же мысли Н. С. Таганцев развивает и в дальнейшем изложении:

„Государство,—говорит он,—осуществляя свое правоохранительное право и прибегая к наказанию, как к одному из видов охраны, не только может, но и должно руководствоваться известной полезной

Тоже самое нужно сказать и относительно Haelschner'а, правда в его формуле встречается по прежнему сакраментальное „свободное волеопределение", но смысл и содержание его не те, что мыслилось под этим выражением раньше.

Ближайшее раскрытие содержания формул Fr. v. Liszt'a о нормальной определяемости с помощью мотивов, Merkel' и Tard'a (l'identite personnelle et sociale) показывает, что они весьма близки к изложенному выше пониманию формулы о свободе волеопределения.

Поэтому, в настоящее время, если и можно в данном вопросе об основах уголовной ответственности проводить границу между сторонниками различных направлений, то в качестве критерия для проведения такой границы должен быть избран другой признак, именно построение уголовной ответственности на принципе вины или на идее опасного состояния.

Строгую, но недостаточно обоснованную критику взгляды Таганцева на вменяемость нашли в работе С. И. Тихенко—Невменяемость и вменяемость (Киев, 1927 г.), опустившего из виду отмеченное выше изменение содержания формулы: „свободное волеопределение" и потому изумленного сходствам в основных мыслях учения „детерминиста" Таганцева с учением „индетериминиста" Будзинского (ук. соч стр. 72).

[1]) В примеч. на стр. 406 Русского уголов. права, сам Таганцев отмечает „сходство не только постановки, но и формы изложения вопроса у писателей разных литератур, в почти одновременно появившихся трудах—у меня (т. е. Таганцева) 1867 и 1874 г. г., у Янки—1878 г., у Ферри—1878 г. как признак времени, как проявление победы положительного метода разработки вопросов уголовного права над метафизическим.

[2]) В своем исследовании „О повторении преступлений" Таганцев дает обрисовку наказанию и его целям: „Таким образом при определении характера и об'ема наказания, мы должны прежде всего обратить внимание с одной стороны на удовлетворение чувства справедливости, живущего в обществе, а с другой—на уничтожение, подавление в преступнике тех причин и мотивов, которые поставили его в разлад с общественным строем и на развитие тех, которые могут поселить полное согласие его с обществом, которые помогут ему в будущем ороться с преступными побуждениями, которые доставят ему средства стать в такие отношения к своим согражданам, в которых самые поводы к нарушению юридического порядка по возможности уменьшатся.

На основании первого элемента наказание есть возмез ие: с этой стороны общество смотрит прежде всего на совершившееся событие, на об'ем и значение нарушенного права, хоть, впрочем и выразившаяся в преступлении воля не может быть вполне забыта. На основании второго, наказание есть предупреждение, но не как общая мера, направленная против могущих быть в обществе нарушений, а как мера специфическая, имеющая в виду определенный суб'ект с определенным качеством. Ясно, что оно должно иметь в виду, по преимуществу, суб'ективную сторону преступления: значение, характер, качество и об'ем или степень преступной воли" (стр. 35).

целью; представление о какой либо государственной деятельности, имеющей характер рефлективный и инстинктивный, не мирится с идеей современного государства, как необходимой, разумной и целесообразной формы человеческого общежития“ (стр. 909).

„Принадлежащая государству карательная власть, имеющая своим правооснованием необходимость охраны правопорядка государством, стремящаяся охранить бытие и деятельность отдельного лица и целого общества от вреда и опасности, причиняемых преступным деянием и его последствиями, стоит в непосредственном отношении к этому деянию... Но тем не менее было-бы и теоретически неверно, и практически крайне вредно считать об‘ектом карательной деятельности только преступное деяние, как абстрактное понятие, забывая лицо его учинившее. В самом деле, даже исследуя юридическое понятие преступления, как посягательства на норму в ее реальном бытии, как посягательства на правоохраненные интересы жизни, мы рассматриваем это посягательство, не как вредоносное событие или явление, а как деяние, как продукт деятельности дееспособного суб‘екта, проявившего в нем свою вину, с ее разнообразными индивидуальными оттенками, с особенностями вызывающих это деяние мотивов, с проявленными в нем чертами характера деятеля и т. д.“ (стр. 924-925).

„Признавая карательную деятельность государства институтом целесообразным, мы тем самым признаем, что и каждая карательная мера в отдельности, каждый род и вид наказания должны служить этой общей цели: всякое наказание, неудовлетворяющее цели охраны правопорядка, а тем более прямо противоречащее ей, является не только лишним балластом в общей экономии карательной деятельности, но и прямо вредным элементом, или лишая правовой порядок действительной охраны, или причиняя ненужное страдание лицам подпадающим под кару законов“ (стр. 948)

...Потому всякое причинение страдания, всякое принуждение, не оправдываемое необходимостью, не приносящее пользы, не может быть включаемо в группу карательных мер (стр. 951).

Таким образом, наказание в глазах Таганцева является мерой охраны правопорядка, считающейся необходимо с личными особенностями преступника и оправдываемой лишь в границах целесообразности.

Таков общий взгляд Таганцева на сущность и задачи карательной деятельности и с точки зрения этого общего взгляда Н. С. Таганцев делает оценку отдельных карательных мер и институтов. Можно не останавливаться на характеристике отношения Н. С. Таганцева к отдельным карательным мерам, хотя и здесь в соответствии с основной намеченной им задачей карательной политики, им было высказано много здоровых суждений и мыслей. Но нельзя пройти мимо одного вопроса—это отношения Н. С. Таганцева к вопросу о смертной казни. Этому вопросу он придавал большое значение и подробно останавливается на нем и в обоих изданиях своих лекций, и в об‘яснительной записке к проекту уголовного уложения.

Не довольствуясь этим, уже на склоне дней—в 1913 г. он выпускает в свет особый сборник своих статей под заголовком: „Смертная казнь“, где он собрал большую часть из того, что им было написано и высказано в качестве члена законодательной палаты по этому больному вопросу русской действительности. Выпуская в свет этот Сборник, Н. С. Таганцев заявлял о нравственной обязательности „бороться путем печати и устного слова не только с эксцессами применения

смертной казни, но и с самым ее существованием, как карательной меры в наших общих уголовных законах."(111)

Он питал надежду, что может быть этим он внесет „свою крупицу в святое дело защиты неприкосновенности, хотя-бы и преступной, но все-же человеческой жизни". (там-же).

В этом Сборнике особого внимания по глубине и искренности заслуживают соображения, высказанные Н. С. Таганцевым в заседании Государственного Совета 27 июня 1906 г.

Звание Члена Государственного Совета и все привиллегии с этим званием связанные не остановили Н. С. Таганцева открыто высказать свои сокровенные убеждения, в эпоху расцвета смертной казни, когда расстрелы и виселицы превратились в „бытовое явление" русской жизни: „Я сорок лет с кафедры говорил, учил и внушал той молодежи, которая меня слушала, что смертная казнь не только нецелесообразна, но и вредна, потому что в государственной жизни все то, что нецелесообразно, то вредно и при известных условиях несправедливо. И такова смертная казнь. С теми же убеждениями являюсь я и ныне пред вами защищая законопроект об отмене казни" (стр. 142)... „Никогда не пойду в тот стан,—закончил свое слово Н. С. Таганцев,—который требует крови и жертв." (стр. 150).

Таким образом и в этом основном вопросе науки, вопросе о целях карательной деятельности Н. С. Таганцев шел с веком наравне, чутко прислушиваясь к веяниям новой свежей мысли, усваивая и перерабатывая то, что считал здоровым и, употребим его собственное выражение, „жизнеприменимым", раскрывая внутреннюю пустоту и бесплодность того, что являлось не плодом серьезно продуманной научной мысли, а результатом поспешного увлечения теми или другими модными лозунгами.

Характерной чертой всех уголовно-правовых построений Н. С. Таганцева является их жизненность.

Всякое теоретическое положение он, прежде чем принять, проверяет на жизненном опыте и признает приемлемым только в случае удовлетворительных результатов испытания. Его „Уголовное право"— не продукт отвлеченной работы кабинетного затворника, не слышащего голосов живой жизни, а счастливое сочетание теоретически глубоко образованного криминалиста и опытного судьи—практика. Несомненно, что продолжительная деятельность Н. С. Таганцева в Сенате наложила определенную печать на его теоретические работы: во всех них чувствуется веяние живой действительности.

Это свойство работ Таганцева тем более заслуживает быть отмеченным, что Н. С. Таганцев оставил нам обработанной лишь общую часть науки уголовного права, т. е. часть наиболее отвлеченную.

Вопросы особенной части Уголовного права были разрабатываемы Н. С. Таганцевым, за исключением монографии о лишении жизни, в известных всем юристам изданиях уложения о наказаниях и устава о наказаниях с комментариями. Едва-ли нужно здесь говорить о том значении, какое имели эти издания для судебной практики. Это было единственное комментированное издание уголовных кодексов, которым пользовались судьи; уже по одному этому они были несравненными и незаменимыми; недаром они выдержали значительное количество изданий.

Наш далеко не полный обзор научной деятельности Н. С. Таганцева зиял бы ничем неоправдываемым пробелом, если бы мы не вспомнили его участия и руководства работами по составлению нового уголовного уложения.

Уголовное уложение 1903 г. может быть названо детищем Н. С. Таганцева, которое он лелеял и глубоко скорбел о его столь долговременном пребывании в скрытом состоянии.

Как известно, этот плод законодательного творчества дореволюционной России XIX в., в большей своей мере был создан Таганцевым, его-же перу принадлежали и значительные части об'емистой Об'яснительной записки к проекту. Так Таганцевым был составлен весь проект общей части, проект посягательств на личность, проекты о преступных деяниях против порядка управления и о подделке и подлогах.

Непосредственное участие принимал Н. С. Таганцев и во всех дальнейших стадиях по выработке уложения вплоть до рассмотрения его в Государственном Совете, почему не будет преувеличением назвать уголовное уложение 1903 г. уложением „Таганцовским".

Не вина Таганцева, что этот кодекс так и не успел войти в действие в полной мере, и революция застала наше уголовное законодательство в состоянии достаточно хаотическом.[1])

Во всяком случае, как участие Таганцева в законодательных работах, так и продолжительная деятельность в качестве члена высшего кассационного суда, имели своим последствием проведение в жизнь его уголовно-правовых идей.

Таким образом и криминалисты теоретики, для которых труды Таганцева были настольной книгой, и криминалисты-практики, руководствовавшиеся в своей деятельности его раз'яснениями и комментариями, естественно являлись учениками Н. С. Таганцева.

И я думаю, что это могло служить на пользу как тем, так и другим, ибо можно было не соглашаться с тем или другим построением Таганцева, но трудно было отрицать их жизненность и невозможно отвергнуть в них истинного духа человечности и высокого уважения к человеческой личности.

В самом подходе к разрешению основных вопросов науки, и в критике инакомыслящих одна мысль, одна идея никогда не оставляет Таганцева: какой бы вопрос науки он ни разрешал, он никогда не забывает личности человека, хотя-бы и преступной, никогда не опускает из виду ее прав.

И такого рода отношение отнюдь не проявление слащавого сентиментализма, каковым иногда грешат труды криминалистов, а напротив зрелый продукт здорового, я бы сказал, крепкого ума, широко образованного, не мало думавшего и много наблюдавшего жизнь в ее самых разнообразных проявлениях:

„Проводимые в жизнь с беспощадной последовательностью, по образцу математических истин, нормы права вместо орудия прогресса человеческих обществ, могут обратиться в Молоха человечества, привести к знаменитому изречению „fiat justitia, pereat mundus", забывающему, что подобным торжеством права подрывается самое его основание, так как „omnia jura hominis causa constituta sunt."

„Авторитетная воля, требующая не только подчинения устанавляемым ею нормам, но и налагающая уголовные кары за посягательства на таковые, не должна забывать, что все кары, начиная от лишения жизни и кончая маловажными денежными пенями, содержат ограничения людей, также состоящих под охраной права, что один день проведенный в тюрьме, какие-нибудь 5-10 руб. штрафа могут оста-

[1]) Созданное главным образом трудами Н. С. Таганцева уголов. уложение 1903 г. в настоящее время введено в действие на территории Польши, Латвии, Эстонии и Литвы.

вить иногда весьма значительные неизгладимые последствия в жизни наказанного.“ (стр. 54).

„Преступник есть живой суб‘ект с плотью и кровью, а потому также страдающий и болеющий, как и всякий другой... одним словом, несомненно, что и после учинения преступления лицу, его учинившему, ничто человеческое не чуждо... Это, хотя еще далеко не полное признание человека в преступнике составляет одно из отрадных проявлений современной культуры... Мы делаем еще дальнейший, с точки зрения юридической, шаг и признаем в преступнике, даже учинившем самые тяжкие злодеяния, не только человека, но и право суб‘екта, и при том и в области уголовного права“ (т. II, стр. 921). „Государство не может забыть, что и совершая преступление, человек остается тем не менее личностью; что член общежития, посягая на установленные тем же общежитием законы, не перестает быть связанным с обществом многоразличными узами, что он по необходимости, должен был возвратиться в него по отбытии наказания.“ (II, стр. 955.)

Можно было бы привести еще не мало выдержек из трудов Н. С. Таганцева, где уважение к личности преступника ставится необходимым условием целесообразной уголовной политики и успешной судебной практики.

„Народы любят ставить памятники своим великим людям—говорит историк С. М. Соловьев,—но дела великого человека суть памятник, поставленный им своему народу“.

Научные труды Н. С. Таганцева крупнейший памятник творчества русской юридической мысли. Еще долгие годы им суждено быть настольной книгой русских криминалистов.

Заканчивая свою лекцию, после 25 летней работы в качестве преподавателя, Н. С. Таганцев обратился к своим слушателям со следующими словами:

„Да не поростет у вас быльем забвенья память о вашем учителе, и при всяком движении вперед мысли и знания, при всякой борьбе за развитие человечности в праве, за охрану прав личности, за прогресс—вспоминайте вашего старого преподавателя, и мое сочувствие и благословение будет всегда с вами“.

И мне думается, что долг каждого из нас—криминалистов блюсти эти заветы Н. С. Таганцева, блюсти заветы того, кого с полным правом и основанием можно назвать „учителем русских криминалистов“.

Проф. Н. Н. Кравченко.

Пути решения рабочего вопроса и проблема охраны труда в капиталистической Европе. [1]

I.

Одним из последствий капиталистической системы хозяйства явилось возникновение целого общественного класса *пролетариата*, состоящего из многомиллионной массы неимущих работников, у которых нет другого способа приобрести себе необходимые для жизни средства существования, как только продавая свой труд предпринимателям—капиталистам; последние же, образуя привиллегированное меньшинство, обладающее, на правах собственности, землею, фабриками, заводами, рудниками и прочими орудиями производства—источниками могущества и богатства, широко пользуются этим наемным трудом, стремясь обычно всячески его эксплоатировать в целях собственной наживы. Отсюда—и продолжительность рабочего дня, и нищенская заработная плата, и все прочие бедствия, так тяжело дающие себя знать каждому пролетарию—работнику...

Эта неудовлетворительность положения рабочего класса в условиях капитализма,—неудовлетворительность так ярко обрисованная не только в известных сочинениях *Фридриха Энгельса, Карла Маркса* и др. исследователей—экономистов, но и в различных оффициальных источниках,[2]) не могла, конечно, не обратить на себя в самом капиталистическом мире общественного внимания. Если при этом в единичных случаях тут и играли роль чисто гуманитарные побуждения отдельных лиц, то главными стимулами, вызывавшими необходимость заняться разрешением проблемы „охраны труда“ послужили, преимущественно, следующие обстоятельства порядка эгоистического:

1) Все более вкоренявшееся сознание того, что интересы самой буржуазии отнюдь не должны допускать выжимания *всех,* как говорится, соков из рабочих, ибо иначе... кто же станет и *работать* на фабриках, заводах и т. д. и работая содействовать прогрессирующему обогащению господствующего класса, другими словами, сознание того, что *надо* озаботиться сохранением рабочей силы в качестве фактора, создающего хозяйственные ценности.
2) Соображения военного порядка, обусловленные рекрутскими недоборами в связи с эксплоатацией труда малолетних,—эксплоата-

---

[1]) Основу настоящей статьи составила часть *моего* доклада 2-го марта 1928 г. в Институте Белорусской Культуры. К сожалению, из-за недостатка места, предоставленного этой статье, пришлось отказаться от более подробного анализа затронутой темы.

[2]) В данном случае наибольший интерес вызыва·т документальный статистический материал, который еще в первой половине XIX в. был опубликован правительством Великобритании (т. е. культурнейшей страны своего времени!) после оффициального расследования вопроса о рабочих в английских фабрично-заводских промышленных заведениях.

цией, влекущей за собой преждевременное истощение организма молодых людей, призываемых в войска (эти именно соображения были, между прочим, даже прямо указаны в Пруссии при издании там в 1839 г. специального закона „об охране труда детей“).

3) Соображения гигиенические, заключавшиеся в том, что антисанитарная жизненная обстановка рабочих, как естественное следствие ничем не сдерживаемой их эксплоатации, неминуемо влечет за собой широкое распространение различных повальных болезней, которые при городской скученности населения (особенно же в крупных фабричных центрах) серьезно угрожают опасности переноса заразы и на имущие классы (ближайшим непосредственным поводом к изданию, напр., в Англии столь прославляемого обычно закона 1802 г., ограничивавшего работу детей и подростков 12-ю часами в день, вменявшего хозяевам—предпринимателям в обязанность заботиться, чтобы работающие у них на фабриках малолетние получали здоровую пищу и сносное помещение, послужили именно гигиенические соображения: несчастные маленькие жертвы необузданной эксплоатации жили и работали в таких ужасающих условиях, что в конце 90-х годов XVIII столетия среди них стали свирепствовать всевозможные болезни, начавшие переносится на детей буржуазии.)

4) Естественно усиливающееся опасение господствующих классов как бы бедственное положение рабочих не переполнило, наконец, для последних „чаши терпения“ и не повлекло бы за собой в итоге решительное столкновение—борьбу двух враждебных друг другу сил—буржуазии с одной стороны и пролетариата с другой стороны,—столкновение, которое, начавшись с *колебаний* существующего капиталистического строя, может повести и к *социальной революции*; росту такого опасения не мало должно было при этом содействовать и то, что многочисленные язвы капиталистического строя не только не замалчивались в печати, но, напротив, тщательно ею подчеркивались и даже повлекли за собой обширнейшее развитие специальной социалистической литературы, рисовавшей яркие картины экономического рабства рабочего класса при сложившемся социальном укладе и подвергавшей данный уклад самой ожесточенной беспощадной критике.

Какие же, спрашивается, *пути* были выдвинуты для разрешения рабочего вопроса?

В общем, поскольку дело касалось попыток целесообразного урегулирования данного вопроса, с *сохранением* капиталистической организации, соотв. пути свелись к трем. То были именно:

I. Путь консервативно-патриархальный,
II. Путь либеральный,
III. Путь социально-реформаторский.

II.

Сторонники решения рабочего вопроса в направлении *консервативно-патриархальном*, исходя из мысли о незыблемости капитализма, как такового, но и признавая вместе с тем его отрицательные стороны, верили, однако, в то, что эти отрицательные стороны могут быть парализованы через построение взаимоотношений между представителями труда и капитала на патриархальной этической почве: предприниматели—хозяева не должны-де быть черствыми алчными дельцами, заботящимися лишь исключительно о собственной материальной выгоде и

взирающими на своих рабочих, как на какую-то бездушную машину, служащую для извлечения прибыли, а должны видеть в этих рабочих, прежде всего, людей, с которыми и надо установить истинно-человеческие сердечные отношения.

Как заявлял один из виднейших поборников данной точки зрения,—знаменитый шотландский писатель *Томас Карлейль*,[1]) придававший в ходе всей цивилизации первенствующее значение нравственному долгу, фабрикант и вообще глава известного промышленного предприятия уже в силу личного своего превосходства призван действовать в качестве организующего и направляющего руководителя (captain of industry—по выражению Карлейля) и потому именно на нем лежит обязанность заботы о моральном и материальном благополучии рабочего, каковая забота, проявляясь в обращении „излишка дохода“ на создание специальных рабочих общежитий, столовых, больниц, сберегательных касс, библиотек, детских садов и т. д., и т. д., и т. д., побудила бы в результате и самих рабочих с полным доверием относиться к предпринимателю—хозяину и считать его за отца—благодетеля.

Нет, конечно, надобности подробно останавливаться на доказательстве совершенной утопичности консервативно-патриархальной теории. Абсолютная несостоятельность этой теории слишком очевидна. Ведь не говоря уже о том, что среди фабрикантов, заводчиков и прочих предпринимателей—хозяев людей, готовых осуществить на практике филантропические наставления Карлейля и подобных ему доброжелателей, найдется очень и очень немного,—в лучшем случае разве только несколько редчайших единиц—исключений из общей грубо-эгоистической жадной массы, предоставление дела регламентации рабочей проблемы „благожелательному просвещенному усмотрению“ самих предпринимателей недопустимо и по другой, глубоко принципиальной, причине: рабочий класс имеет несомненное *право* на улучшение своего положения и независимо от доброй воли предпринимателя—хозяина“.[2])

III.

Защитники *либерального* пути в решении рабочего вопроса стоят на той точке зрения, что в мире должна царить абсолютная экономическая свобода отдельных лиц и что только в результате неограниченного человеческого соперничества в преследовании каждым своего собственного хозяйственного интереса могут получаться максимальные достижения в области производства и потребления. Французский экономист XVIII в. *Жан Гурнэ*, принадлежащий к числу первых по времени представителей данного направления, так прямо и говорил: „наилучшее, что можно сделать для поднятия народного хозяйства, это предоставить людям полную свободу в их экономических отношениях“.[3])

Рассматриваемое направление названо было впоследствии *манчестерской школой*, или просто *манчестерством*, так как именно город

---

[1]) О нем см. монографии Garnett „Life of Thomas Carlyle“ и Froude „Thomas Carlyle“. Из многочисленных сочинений этого писателя для ознакомления с его общим миросозерцанием особенного внимания заслуживает книга „Past and present“ (1843).

[2]) Попытку применить на практике *филонтропический* подход к разрешению рабочего вопроса мы встречаем, между прочим, у знаменитого Шотландского деятеля—*Роберта Овена* (Robert Owen). О нем см. в I-й главе *моего* сочинения „Идея международноправовой регламентации фабричного труда в ее историческом развитии“, 1913. (указана и соотв. специальная литература)

[3]) Именно *Жану Гурнэ* принято приписывать столь прославленное либералами изречение „laissez faire, laissez passer!“, как сжатую формулу требования государственного невмешательства в экономическую жизнь страны.

Манчестер (в сев.-зап. части Англии) в 30-х годах прошлого столетия оказался тем центром, где под руководством известного английского политического деятеля *Ричарда Кобдена,* началась знаменитая в свое время агитация за отмену хлебных пошлин,—агитация, опиравшаяся в теоретических предпосылках на принцип безусловного невмешательства государства в хозяйственную жизнь.[1])

Самую идею об устранении всякого правительственного вторжения в область экономики обычно принято считать как бы порождением и наследием столь популярной в предшествовавшем (XVIII-м) веке рационалистической философии. Обращаясь к последней, нельзя действительно, не констатировать, что она (эта философия) учила, что „неизменная" природа человека создала для социальной жизни такой же „естественный" порядок вещей (ordre naturel), какой существует и в мире физическом и что и тот и другой порядок одинаково ведут, в конце концов, к гармонии и ко благу всех составных частей единого гармонического целого, откуда и делался вывод: отнюдь не вмешиваясь в управляющие социальной жизнью законы, выявляющиеся через свободное, никем и ничем не тормозящееся развитие индивидуальной конкуренции, надо лишь стараться постигнуть означенные законы.

Как ни бросается, однако, в глаза сродство либеральной экономической доктрины с рационалистической философией, об'яснять происхождение ее одной отвлеченной идеологией, являлось бы грубейшей ошибкой. Несомненно, в происхождении разбираемой доктрины сказались, прежде всего, интересы тогдашней промышленной буржуазии, страдавшей от стеснительной полицейской регламентации вообще и, в частности, от различных экономических привиллегий и не изжитых еще окончательно остатков былых феодальных отношений, связанных с прежними цехами. А насколько, в самом деле, мелочно-притязательными оказывались сплошь и рядом официальные мероприятия, почему они и вызывали, конечно, против себя определенную реакцию,—о том может дать понятие хотя бы следующее описание некоторых „порядков", действовавших в до-революционной Франции,—описание, содержащееся в известной книге французского экономиста *Дюнуайэ*, посвященной свободе торговли:[2])

„Государство подвергало фабричное производство наблюдению самому безграничному и произвольному. Оно бесцеремонно распоряжалось наклонностями фабрикантов; оно решало, кто мог работать, что именно можно работать, какие материалы следует употреблять, каким приемам надлежит следовать при производстве, какой вид надо придавать произведениям и проч. Недостаточно того, что сделают хорошо, даже лучше; необходимо, чтобы было сделано по правилам. Кто не знает закона 1670 г., который предписывал отбирать и привязывать к позорному столбу с показанием имени мастеров изделия, изготовленные несогласно с данными правилами и который постановлял, чтобы в случае повторения проступка сами фабриканты привязывались к столбу. Недостаточно было применяться ко вкусу потребителей, а необходимо было подчиняться требованиям закона. Легионы надзирателей, комиссаров, контролеров, присяжных сторожей должны

---

[1]) Агитация эта, в конце концов, и достигла цели: возглавлявшееся *Кобденом* общественное движение, выразившееся в организации многочисленных митингов, публичных лекций, печатании и распространении соотв. брошюр и т. д., а также и в создании по всей Великобритании целой сети местных ассоциаций борьбы за отмену хлебных пошлин, привело к изданию закона 1846 г.

[2]) Dunoyer „De la liberté du travail." (см. t. II., p. 353-354.)

были наблюдать за исполнением, разбивали станки, сожигали произведения, изготовленные несогласно с правилами; сделанные улучшения влекли за собой наказание, изобретатели подвергались штрафу, подчиняли различным правилам изготовление предметов, предназначавшихся для внутреннего потребления и предметов, предназначаемых для внешней торговли. Ремесленник не имел права ни избирать место для своего заведения, ни работать на всякого. Есть декрет 30-го марта 1700 г., который ограничивает 18-ю городами число мест, где дозволялось изготовление чулок на станках. Постановление 18-го июня 1723 г. предписывало Руанским фабрикантам прекращать работу с 1-го июля по 15-е сентября,—с целью помочь сбору с полей хлеба. Людовик XIV, предприняв постройку колоннады Лувра, запретил частным лицам нанимать рабочих без особого дозволения—под опасением штрафа в 10.000 ливров, а рабочим запретил работать на частных лиц—под опасением за первое нарушение заключения в тюрьму, а за второе—ссылки на галеры..."

„Что подобные постановления",—продолжает свое описание *Дюнуайэ*,—„не оставались мертвой буквою и что таковое стеснительное вмешательство властей имело место до самой революции,—об этом свидетельствует жирондистский министр *Ролан*. Я видал,—заявляет он,—как в течение одного утра изрезывали в куски 80, 90, 100 штук материй. Я был очевидцем, как такие сцены повторялись всякую неделю в продолжении многих лет. Я видал, как в один и тот же день конфисковались многие куски материи с наложением более или менее тяжелых штрафов, как материи сожигались на площадях в рыночные дни и часы. Я видал, как товары привешивались к позорному столбу с именем фабриканта, под угрозой посадить его самого на цепь в случае повторения проступка. Я видал все это в Руане—и все это совершалось по предписаниям уставов или по министерским распоряжениям. И за что? Единственно за неровность в материи, неравномерность ткани или недостаток какой-нибудь нитки в основе. Я видал, как к фабрикантам приходила производить обыск целая шайка надзирателей; как эти сыщики ставили вверх дном всю мастерскую, приводили в ужас семью, резали основы на станках, отбирали их, задерживали, назначали дни для явки обвиняемых, подвергали их допросам, конфискациям изделий, штрафам, публикованию приговоров и всем неизбежным последствиям—нравственным мукам, безработице, стыду, расходам, потери кредита..."

Теория невмешательства, нашедшая себе во многих странах целый ряд энергичных сторонников среди ученых и практических государственных деятелей, пользовалась широкой распространенностью, главным образом, в течение XVIII и в начале XIX в. в., особенно после выхода в свет (в 1766 г.) „Исследования о природе и причинах богатства народов",[1]) принадлежащего перу известного профессора Глазговского университета англичанина *Адама Смита*.

Названное сочинение, незамедлившее стать в своем роде экономическим евангелием для всей тогдашней Европы,[2]) проникнуто мыслью,

[1]) Adam Smith. „An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations".

[2]) Совершенно исключительное значение и громадное влияние, выпавшие на долю сочинения Ад. Смита подчеркиваются целым рядом писателей. Так, напр., *Бокль* в своей знаменитой „Истории цивилизации в Англии" называет „Богатство народов" важнейшею из книг когда-либо написанных и прибавляет, что автор этой книги обнародованием ее больше способствовал счастью человечества, чем все вместе взятые политики и законодатели своим государственным искусством. Известный английский экономист *Вальтер*

что только благодаря свободной деятельности отдельного человека, руководимой эгоизмом и конкуренцией,[1]) сами собою смогут развиться те именно способы ведения предприятий, при коих все имеющиеся в распоряжении известной нации силы почвы, капитала и труда достигнут наибольшей производительности; вместе с тем,—как утверждал Ад. Смит,—и обмен продуктов труда, коль скоро не будет государственного вмешательства, поведет к распределению богатства истинно нормальному и справедливому, т. е. такому, когда каждый фактор производства получит в итоге последнего долю, находящуюся в полном соответствии со степенью его участия в процессе этого производства.

Конечно, как логическое последствие всех этих предпосылок, провозглашалась необходимость освобождения труда от всякой вообще регламентации со стороны государства. „Самое священное и неприкосновенное из прав собственности",—аргументировал в данном случае Смит,—„есть право на собственный труд, потому что из него вытекают все прочие виды собственности. Все имущество бедняка состоит в силе и ловкости его рук. Мешать ему употребить эту силу и ловкость, как он заблагорассудит, если он никому не причиняет этим вреда, есть явное насилие над этой первоначальной собственностью; это есть вопиющее нарушение законной свободы как работника, так и того, кто хотел бы дать ему работу."

Но, если этот экономический либерализм, нашедший себе крупнейшего и авторитетнейшего представителя в лице Адама Смита, и пользовался повсюду в официальных правительственных сферах прочным кредитом, то продолжалось такое положение, собственно, лишь до середины XIX века, когда стала все более и более обнаруживаться несостоятельность „манчестерских" воззрений.

Было выяснено, прежде всего, что исходный пункт всего учения Ад. Смита—*отождествление* индивидуальных интересов с общественными—далеко не всегда подтверждается на деле. Так, наблюдения над условиями фабричного труда, обнаружили, напротив, не только не совпадение, но как раз решительное зачастую *расхождение* интересов индивида и общества. Продолжительный рабочий день и ночной труд весьма прибыльны, напр., для кармана предпринимателя, но, истощая силы рабочих и нанося их здоровью серьезный ущерб, являются для народа в целом бесспорным злом; точно также, напр., устройство различных ограждений машин в целях предупреждения несчастий или замены обыкновенного фосфора аморфным в спичечном производстве требуют, несомненно, со стороны владельцев фабрик лишних, а потому

Бэджгот выражается о сочинении А. Смита, что никакой продукт философского мышления не оказал тысячной доли того влияния, какое было произведено „Богатством народов." Благодаря этому сочинению,—прибавляет он,—жизнь каждого англичанина сделалась иной и лучшею. Еще восторженнее говорит о том же известный историк политической экономии *Каутц*: „Богатство народов", по его словам, представляет одно из тех немногих, могучих созданий человеческого ума, которые, являясь лишь один раз в течение столетий, воплощают в себе духовное богатство целых поколений и служат путеводными столбами в ходе развития человечества." (Julius Kautz. „Die geschichtliche Entwickelung der National-Oekonomie und ihrer Literatur". 1860).

[1]) Любопытно отметить, что, выводя вообще все хозяйственные явления из эгоистических стремлений человека, Ад. Смит глубоко верил в возможность осуществления таким путем наилучшего экономического порядка. „Всякий человек",—говорит он,—„старается всеми силами сделать самое выгодное употребление из своего капитала; правда, он имеет в виду свой собственный интерес, а вовсе не общественную пользу, но забота о личной выгоде, естественно, и необходимо побуждает его избрать именно тот путь, который оказывается самым выгодным для общества. Преследуя свою собственную выгоду, человек часто работает на общую пользу более действительным образом, чем если бы задался такой целью."

нежелательных им денежных затрат, между тем наличие неогражденных опасных механизмов, легко калечащих рабочих, и допущение так наз. обыкновенного фосфора, влекущего за собой страшную болезнь—омертвение костей—идет, понятно, в разрез с интересами всей страны, как таковой... Словом, политика выгодности полной свободы действий с точки зрения эгоистических устремлений отдельного индивида может совершенно противоречить общему благу, тогда как забота именно об этом общем благе и должна, собственно, направлять всю деятельность государственной власти.

Помимо сказанного, за безусловную неудовлетворительность разрешения рабочей проблемы с точки зрения позиции, занятой экономическим либерализмом, говорит еще одно обстоятельство.

Дело именно в том, что в условиях капиталистического режима отношение рабочего к предпринимателю формально, правда, покоится на т. н. *свободе сторон* при заключении сделки, по которой рабочий предлагает имеющийся в его распоряжении товар—свою рабочую силу, а предприниматель таковую силу покупает, но в действительности ни о какой подлинной свободе в данном случае речи быть не может: ведь всмотревшись хорошенько в подобного рода „сделку", нельзя не видеть, насколько предполагаемое тут свободное соглашение договаривающихся является для рабочего почти всегда чистейшей фикцией. Да и мыслимо ли иное положение вещей, когда обычно любой рабочий ничем, кроме собственной рабочей силы, в качестве источника дохода не располагает и когда не имея (из-за скудности заработка вообще) никаких сбережений, он не в состоянии выжидать улучшения рабочего рынка или произвольно переносить свой труд в другое место, где есть большая потребность в нем, между тем покупающий рабочую силу предприниматель материально достаточно обеспечен, чтобы „не торопиться" с покупкой означенного товара и совершать эту покупку как раз в момент особенного обострения нужды у рабочего, т. е. наиболее для себя выгодно... Если учесть затем специфический характер рабочей силы, которая, в отличие от всех прочих товаров, неотделима от личности самого рабочего, и, значит, коль скоро она куплена, ставит последнего по отношению к хозяину—покупателю в личную зависимость, то получающийся отсюда конечный итог оказывается только один: влияние рабочего на характер и содержание заключаемой с предпринимателем сделки, фактически крайне ничтожно, а то и вовсе сводится к нулю и самая эта сделка из *„свободной"* по внешней форме, сплошь и рядом, обращается в *кабальную* по внутреннему существу.

Но как же выйти из такого положения, естественно содействующего росту и углублению классового самосознания, а вместе с тем и классового недовольства широких пролетарских масс? Задача нахождения соответствующего выхода представляется при этом всему буржуазному обществу тем *необходимее*, что усиливающийся антогонизм рабочих неминуемо грозит и самым основам капиталистического строя...

Искомое разрешение вопроса было, как казалось защитникам этого строя, найдено и найдено в признании неизбежности известного *вмешательства* государственной власти во взаимоотношения труда и капитала.

IV.

Вмешательство государственной власти во взаимоотношения труда и капитала представляет собою тот путь решения рабочего

вопроса, который может быть назван *со иально-реформаторским,* так как здесь дело сводится в конце концов к проведению в хозяйственную жизнь различных социально-реформаторских мероприятий. Мероприятия эти, ставя известные ограничительные рамки эксплоататорским устремлениям предпринимателей, берут рабочих как бы под свою защиту, но все это опять-таки с сохранением *неприкосновенности* капиталистического строя. Облекаются же они (означенные мероприятия) в форму издаваемых отдельными странами специальных юридических норм, призванных охранять рабочих,—норм образующих особые отделы внутренне-государственных законодательств, получившие наименование *рабочего, промышленного* или *фабричного законодательства.*[1])

Дополнением к означенному внутренне-государственному законодательству в новейшее время (уже только в XX-м веке) стали служить еще и *международные соглашения* на предмет урегулирования труда,—соглашения, составившие в своей совокупности то, что приобрело название *международного рабочего права.*[2])

Здесь мы остановимся только на *рабочем законодательстве*, имея в виду посвятить *международной* регламентации труда особый очерк.[3])

По меткому выражению *Карла Маркса* „рабочее законодательство есть первое сознательное и планомерное воздействие общества на естественный рост промышленно-производственного процесса; оно-такой же необходимый продукт крупной промышленности, как хлоп-

---

[1]) Législation ouvrière или législation industrielle во Франции, Arbeiterschutzgesetzgebung или Fabrikgesetzgebung в Германии и т. д.

[2]) Droit international ouvrier или réglementation international du travail, der internationale Arbeiterschutz и т. д.

[3]) Отметим лишь, что обращение капиталистических держав на путь вступления друг с другом в международные соглашения в целях более удовлетворительного разрешения рабочего вопроса вызывается все прогрессирующим изменением самой экономической жизни, как таковой: если сравнительно еще недавно хозяйство каждого отдельного государства представляло собой обычно нечто *изолированное*, то в наше время,—благодаря чрезвычайно возросшим потрéбностям, а также необычайному развитию и упрощению техники средств сообщения и передвижения,—уже с полным основанием говорят о *едином мировом хозяйстве* и *всемирном рынке*. Образование же, на ряду с местными национальными хо яйствами и рынками, *единого мирового хозяйства* и *всемирного рынка* сделало то, что как производство, так и потребление, вышли далеко за пределы отдельных стран, создав вместе с тем все усиливающуюся *взаимную зависимость между народами*, а с нею и *взаимную экономическую конкуренцию* последних. На этой-то почве и зародилась мысль о недостаточности одной только *внутренне-государственной* защиты труда и необходимости *международно-правового* урегулирования некоторых, по крайней мере, сторон положения рабочих. Научное и общественное движение в пользу подобного рода *международно-правовых* норм увенчалось уже коекакими (пока еще, однако, очень скромными) практическими результатами: имеется несколько соотв. *двухсторонних* международных конвенций (первой такой конвенцией явилась франко-итальянская конвенция 15 апреля 1904 г.) и несколько-же соотв. *коллективных* международных договоров (начиная с Бернских соглашений 1906 г. относительно воспрещения употребления белого фосфора в производстве спичек и запрещения ночного труда женщин,—соглашений, подписанных іелым рядом государств). Наконец, нельзя не упомянуть и о своеобразной *международной организации труда*, установленной Версальским и другими мирными договорами, ликвидировавшими мировую империалистическую войну 1914—1918 г. г. (в итоге, впрочем, эта „организация труда",—при всей широковещательной ее программе,—достигла весьма малого!).—Из монографической литературы по современному состоянию международного рабочего права см. Felinher „Internationaler Arbeiterschutz". 1926 г., Tänzler „Internationaler Arbeiterschutz" 1927 г. Drechsel „Le traite de Versaille et le mecanisme des conventions internationales du travail" 1926 г., Mahaim „Organisation internationale dn travaii" (в IV-м томе „Recueil des cours" Гаагской Академии международного права) Ср. также статьи *Ключникова* в журн. „Международная Летопись" за 1924 г. (№ 2) и *Масюкова* в журн. „Вестник Верхсуда" за 1927 г. Специально по истории вопроса см. *мою* диссертацию „Идея международно-правовой регламентации фабричного труда в ее историческом развитии". 1913.

чато-бумажная пряжа и самодвигатели"... Действительно, что именно стихийно-развивавшийся промышленно-производственный процесс неминуемо и должен был породить рабочее законодательство,—это подтверждается след. данными.—

В XIX в. промышленное производство, благодаря почти повсеместному широчайшему распространению машин, достигает неслыханного ранее расцвета, причем, фабрично-заводской труд значительно вообще упрощается: там, где прежде требовался нередко искусный опытный мастер и нужна была большая физическая сила, оказывается вполне пригодным самый заурядный рабочий, которому, сплошь и рядом, оставалось проделывать только несложные механические движения, а то и просто лишь наблюдать за действием той или иной машины. Отсюда, параллельно с привлечением к работе во вновь нарождающихся промышленных предприятиях мужчин, начинает в обширных размерах применяться также труд женщин и детей... Между тем, с увеличением круга лиц, могущих продавать свою рабочую силу различным предпринимателям—капиталистам, обнаруживается и все прогрессирующее стремление последних к удлиннению рабочего дня и к понижению заработной платы, каковое обстоятельство в первую очередь сказывается, конечно, весьма гибельно на рабочем классе. Один из хороших знатоков экономической истории *фон-Бояновский*, состоявший в 90-х годах минувшего столетия президентом прусского департамента по выдаче патентов, разбирая однажды те ужасающие бедствия, к которым приводит вообще предоставленный самому себе и ничем не ограничиваемый машинно-производственный процесс, как нельзя лучше охарактеризовал создающееся здесь положение, заявив, что „крупное производство беспощадно выжимает силу рабочих, порабощает людей, ужасающим образом отражается на здоровье, физической силе, подчас отнимая и самую жизнь, оно же коренным образом калечит физическое, нравственное и умственное здоровье целых слоев населения..." [1])

Но если условия крупного машинного производства являются при свободном капиталистическом режиме столь тягостными для рабочего класса, кровно заинтересованного поэтому в их изменении, то и господствующие (имущие) классы в конце концов должны были желать *того* же.

В самом деле, известное *улучшение* быта рабочих достижимое посредством законодательной охраны их труда от чрезмерной эксплоатации в конечном итоге оказывалось *соответствующим* и эгоистическим видам этих господствующих (имущих) классов.

Так, *землевладельцы* не могли не считаться с тем, что подобное улучшение должно вообще содействовать и прогрессирующему возростанию потребностей у рабочих, другими словами, должно содействовать у них увеличению спроса на различные предметы потребления, из коих значительнейшая доля составляют как раз продукты земледелия; усиление же спроса на эти продукты влечет за собой и повышение земельной ренты. *Мелкая буржуазия* уже вследствие вражды к крупному капиталу, побивающему ее самое в конкуренции, сочувствовала рабочим; к тому же ей именно в общем больше, чем кому другому, доступно было и непосредственное живое сострадание к пролетариату, в рядах которого многие из ее среды еще недавно числились и к рядам которого каждый из этой мелкой буржуазии мог всегда

[1]) См. эти слова Бояновского в „Handbuch des Socialismus" von C. Stegmann und C. Hugo. Zürich, 1897.

легко приобщиться при мало-мальски неудачно сложившихся обстоятельствах. Наконец, *представители буржуазии—обладательницы капиталов*, а равно и *все элементы общества так или иначе связанные с интересами капитала*, в огромном большинстве случаев являлись достаточно дальновидными, чтобы понимать, что некоторая перемена к лучшему жизненного уровня рабочих, поднимая интенсивность и качество фабрично-заводского труда, способствует успеху и доходности самих капиталистических предприятий.

Итак, в борьбе за *создание законодательной охраны труда* рабочий класс нашел своеобразных и несколько, быть может, неожиданных союзников...

Любопытно при этом отметить, как вообще высоко оценивается *значение* рабочего законодательства сторонниками самых подчас различных в другом направлений.

Фридрих Энгельс затрагивая в позднейших изданиях своего классического сочинения „Die Lage der arbeitenden klasse in England", вопрос об изменениях, происшедших, между прочим, в положении английских фабричных рабочих во второй половине XIX столетия, прямо заявляет: „Установление для них (т. е. для этих фабричных рабочих) законом сравнительно рационального рабочего дня восстановило до известной степени их физическое здоровье и дало им моральный перевес. Их положение несомненно лучше, чем до 1848 года".[1])

В аналогичном смысле высказался и *Карл Маркс*, когда писал по поводу успехов фабричного законодательства: „Его развитие с 1853 г. до 1863 г. рука об руку с физическим и моральным возрождением фабричных рабочих бросается в глаза даже самым близоруким. Сами фабриканты, у которых предпринятое законом ограничение рабочего дня было добыто только шаг за шагом при помощи полустолетней гражданской войны,—сами фабриканты указывают теперь с торжеством на контраст между положением рабочих в отраслях, на которые фабричное законодательство распространялось и в таких отделах промышленности, где рабочие остались без защиты, а фарисеи политической экономии прокламируют необходимость законодательного регулирования рабочего дня, как характерное приобретение их науки".

В том же духе отзывается о роли рабочего законодательства вообще и о нормировании рабочего дня в частности английский общественный деятель *Сидней Вебб*, один из виднейших (в конце XIX в.) сотрудников т. н. Фабианского общества (Fabian Society), в Англии, задавшегося целью всячески содействовать улучшению положения рабочих (не сходя, впрочем, с почвы капиталистического строя): „кроме заработной платы", говорится в его брошюре „Рабочий класс Англии 1837 и 1897 г. г." „нужно обращать внимание еще и на другие моменты, когда хочешь обрисовать образ жизни наемного рабочего. А одним из важнейших моментов с точки зрения цивилизации служит длина рабочего дня. Человек, работающий с утра до ночи, в особенности, если труд монотонен и не соединен с истинно-интелектуальным достоинством, теряет человеческий облик. Вместо того, чтобы быть человеком и гражданином, он становится попросту рабочей рукой. Я думаю, что ничто так не способствовало поднятию образа жизни наших наемных рабочих, как всеобщее сокращение рабочего дня. Фабричные законы спасли Ланкашир[2]) от вырождения и гибели".

Такие же, по существу, возрения на рабочее законодательство встречаем мы и у громадного большинства профессоров—экономистов.

---

[1]) 1-ое немецкое издание вышло в 1845 г.
[2]) Ланкашир—один из виднейших центров крупной промышленности Англии.

В книге немецкого профессора *Вернера Зомбарта* „Die gewerbliche Arbeiterfrage“ читаем, например, следующее: „Продуктивность каждого рабочего может быть повышена благодаря большей напряженности работы; тогда и самое производство может стать более продуктивным. Опыт доказал, что в большинстве случаев сокращение рабочего дня ведет или к повышению трудоспособности рабочего, или ко введению более усовершенствованных методов производства. Наконец, даже и повышение цены на труд, вызванное законодательной охраной, не может все же привести к гибели промышленной отрасли, а лишь отзовется или на потребителе, или на сумме прибыли. В общем можно сказать, что разумное рабочее законодательство, особенно же сокращение рабочего времени и установление максимального рабочего дня влечет за собой зачастую технические усовершенствования, т. е. повышает национальную производительную энергию. Тем более основания считать охрану труда желательной“...

Горячими сторонниками рабочего законодательства выступают и другие виднейшие корифеи экономической науки западно-европейского капиталистического мира—профессора *Густав Шенберг, Адольф Вагнер, Луйо Брентано, Густав Шмоллер, Поль Пик* и т. д., и т. д., и т. д.

Не ограничиваясь теоретическим освещением в своих сочинениях различных проблем, касающихся законодательной охраны труда, ученые эти прилагали, да и продолжают прилагать энергичные старания также и к возможно более полной жизненной *реализации* идей государственного вмешательства в хозяйственную область. Для воздействия на общественное мнение в соответственном направлении и вообще для публичной открытой пропаганды мысли, что только *социально-реформаторский* путь решения рабочего вопроса есть именно путь единственно правильный, созданы были в некоторых передовых странах даже специальные ассоциации. Эти ассоциации об'единили, как бы под одно знамя многочисленных приверженцев означенной мысли: сюда вошли профессора, журналисты, адвокаты, чиновники, фабриканты, техники... Принадлежа зачастую к разным политическим лагерям и расходясь нередко на счет целесообразности осуществления тех или иных отдельных социально-реформаторских мероприятий, члены подобных обществ солидарны, однако, в главном—в *безусловной необходимости социально-реформаторской экономической политики*, как таковой, вообще.

В качестве типичных примеров—образчиков этих ассоциаций особенно бросаются в глаза: возникшее в Англии в 1883 г. так наз. „Fabian Society“ (*Фабианское общество*) и ознаменовавший себя совершенно исключительной, по своей интенсивности, деятельностью германский „Verein für Socialpolitik“ *(Союз социальной политики)*, учрежденный еще в 1872 г.

Фабианское общество, получившее свое наименование по имени древне-римского полководца Фабия Кунктатора,[1]) имеет целью, согласно изданному им официальному отчету „воздействовать на английский народ, чтобы он пересмотрел свою политическую конституцию в демократическом направлении и организовал свое производство социалистическим способом так, чтобы материальная жизнь стала совершенно независимой от частного капитала“. Но это не мешает, впрочем, членам данного общества—фабианцам по существу резко отмежевываться

---

[1]) Фабий Максим (Quintus Fabius Maximus)—знаменитый римский полководец, прозванный „Кунктатором“, т. е. „медлителем“.

от настоящих социалистов: фабианцы *против* вражды к классу буржуазии, а равно и *против* социальной революции, не усматривая принципиальной противоположности между строем капиталистическим и социалистическим, веря в мирный естественный переход первого во второй, в результате ряда экономических реформ вообще и, в частности, все прогрессирующего развития рабочего законодательства.

Что касается *германского „Союза социальной политики“*, то его руководящие начала были отчетливо высказаны в речи проф. *Густава Шмоллера* при самом открытии „Союза“, в октябре 1872 г. в Эйзенахе. Вот наиболее интересные места этой, в своем роде исторической, речи:

„Глубокий раздор“,—говорил проф. *Шмоллер*,—„проникнувший в наши общественные состояния и разделивший предпринимателей от рабочих, имущие классы от неимущих, грозит социальной революцией... Недовольные существующими социальными отношениями, реформы в которых представляются неотразимой необходимостью, *мы выступаем за справедливое твердо проведенное фабричное законодательство.* Мы требуем действительной, а не формальной свободы рабочих, при заключении трудового договора; мы требуем, чтобы свобода промышленности повсюду контролировалась гласностью и там, где в последней ощущается недостаток, государство производило бы исследование и опубликовывало бы результаты. С этой точки зрения мы настаиваем на учреждении фабричных инспекторов, контрольных учреждений над банками и страховыми обществами; с этой же точки зрения мы настаиваем, главным образом, на организации комиссий для обследования социального вопроса. Мы не домогаемся того, чтобы государство давало нисшим классам деньги ради сомнительных экспериментов, но хотим, чтобы оно заботилось совершенно иначе, чем до сих пор, об их образовании и воспитании, чтобы оно заботилось о том, не живет ли рабочий класс в таких условиях труда и жилищ, которые неизбежно ведут к еще большему понижению его физического, умственного и нравственного состояния. Мы признаем, что слишком большое неравенство в имуществах и распределения доходов, что слишком резкая сословная борьба должна со временем уничтожить и все свободные политические учреждения, и привести нас к абсолютному правительству. Уже по одному этому мы верим, что государство не может равнодушно смотреть на подобное общественное развитие... Мы требуем от государства, как и от всего общества и от каждого человека, желающего работать над задачами эпохи, чтобы они руководились высоким идеалом. И этот идеал не может и не должен быть никаким другим, кроме приобщения все большей и большей части нашего народа к высшим блага культуры—к образованию и к достатку. Такова должна быть великая, в лучшем смысле слова демократическая, задача нашего развития, выступающая перед нами и как высшая цель истории человечества“.[1])

V.

Если, таким образом, в борьбе за создание и дальнейшее поступательное развитие законодательной охраны труда рабочий класс нашел себе известную поддержку у самой буржуазии в лице ее различных элементов—представителей землевладения, индустрии и т. д.,

[1]) См. Verhandlungen der Eisenacher Versammlung am 6 und 7 October 1872.

не исключая и представителей экономической науки, то все же *первенствующую* роль в данном отношении играл, да и продолжает везде играть своей деятельностью он *сам*—этот рабочий класс. Здесь надо именно отметить, по преимуществу, двоякое проявление его деятельности:

1) организацию *рабочих союзов*, об'единяющих большие кадры рабочих какой-либо определенной профессии или нескольких близких друг другу отраслей производства (об'единение при этом то ограничивается пределами одного только промышленного пункта, то простирается на целую область и даже на всю страну, а в отдельных случаях, перебрасываясь через государственные границы, становится и международным),
2) *образование рабочих политических партий.*

Рабочие союзы настоящей родиной своей имеют Англию, как страну, в которой прежде, чем где-нибудь в ином месте, началось применение в различных предприятиях машинных форм производства и в которой, следовательно, раньше развилась и крупная промышленность, вызвавшая наибольший % населения, добывающего себе средства существования из продажи собственной рабочей силы. Первым в порядке времени рабочим союзом оказался, действительно, английский трэд-юнион,[1]) организовавшийся еще в 1794 г.—как раз в эпоху великого технического перехода от мануфактуры к машине.[2])

Не замедлили постепенно возникнуть аналогичные союзы и в других государствах: ведь всюду—в условиях капиталистической системы народного хозяйства—единичный рабочий бессилен противостоять предпринимателю и неблагоприятно складывающейся конъюнктуре рынка, когда же на сцену выступает сплоченный *союз* рабочих, положение вещей серьезно изменяется в более удовлетворительную сторону...

Имея прямой ближайшей целью содействовать вообще улучшению быта своих сочленов, все эти союзы,—при различии их внутренних структур и разнообразии в подробностях стоящих перед ними задач,—являются призванными, главным образом, к тому, чтобы добиваться повышения платы за труд и сокращения рабочего дня, улаживать (и мирно и посредством стачек) порождаемые взаимоотношениями труда и капитала конфликты, оказывать из общей товарищеской союзной кассы денежную поддержку больным и безработным, а также семьям умерших и т. д.

С точки зрения дальнейшего движения вперед рабочего законодательства отдельных государств все вышеотмеченное в деятельности рабочих союзов служит, конечно, лишь косвенно, но считать значение рассматриваемых союзов в данном направлении этим только и исчерпываемым было бы грубейшей ошибкой. Дело в том, что поскольку представители профессиональных организаций попадают в законодательные палаты, они могут уже и непосредственно влиять на законы об охране труда. Отсюда и понятно, почему *Фердинанд Лассаль*, так много содействовавший в свое время успехам рабочего движения в

---

[1]) „Трэд-юнион"—таково обычное название рабочего союза в Англии. Термин этот в буквальном переводе значит, собственно, „промышленный союз" („trade"—промысел, ремесло; „union"—союз).

[2] Ряд первых важнейших изобретений, касающихся машинно-технического производства, относится, как известно, именно к концу XVIII века: вспомним, что прядильная машина изобретена в 1767 г. Гаргрифом, первая паровая машина—в 1769 г. Дж. Уаттом, ситцепечатание—в 1783 г. Беллем, механический ткацкий станок—в 1785 г. Картрайтом и т. д.

Германии, всегда настойчиво подчеркивал этот политический момент: ведь любой рабочий союз,—учил он,—станет, разумеется, дружно вотировать за выдвигаемых центральным бюро союза кандидатов в парламент и, следовательно, с умножением общего числа союзов и числа членов каждого в отдельности должно непрерывно расти и количество представителей рабочего класса, принимающих личное активное участие в законодательстве.

Самое право на известное *существование* рабочим союзам удалось себе отвоевать далеко, впрочем, не сразу. Всюду им выпало на долю претерпеть не мало различных преследований, прежде чем для них пришла, наконец, пора, когда они получили более или менее возможность свободно организовываться и обсуждать свои дела, так сказать, при свете дня: даже правительство наиболее, казалось бы, свободной из капиталистических стран—Великобритании—и то первоначально относилось к этим союзам, защищающим интересы огромной пролетарской массы, крайне недоверчиво,[1]) правительства же других стран прибегали, сплошь и рядом, к строжайшим карам за всякие совместные выступления рабочих, а особенно за стачки в целях произвести давление на предпринимателя, приравнивая таковые стачки чуть ли не к восстаниям против государственного порядка.

Некоторой упроченности положения рабочие союзы достигли в общем лишь к концу XIX в.—в Англии со времени издания акта 29-го июня 1871 г., предоставившего им права юридических лиц (корпораций),[2]) в Германии и Франции с начала 80-х годов, в остальных государствах еще позднее.

Разросшись в могущественную организацию, рабочие союзы сделались во всех культурных странах, как то неоднократно и констатировалось мировой печатью,—несомненными факторами воздействия на законодательство об охране труда.

Как ни велика, однако, польза, приносимая рабочему классу рассматриваемыми союзами в пределах капиталистической цивилизации, польза эта становится тем осущительнее, когда борцами за лучшее будущее названного класса оказываются *рабочие политические партии*. Что означенные партии, в ряду которых надо, конечно, в первую очередь назвать партии *коммунистические*, могут гораздо вообще сильнее, чем рабочие союзы, влиять на все вопросы, связанные с законодательным нормированием труда, совершенно естественно: стоит только учесть самое назначение этих партий, являющихся повсюду авангардами всего социалистического рабочего движения, устремленного, прежде всего, на повсеместное завоевание пролетариатом политической власти.

Насколько же, очевидно, *действительно*, при таких условиях воздействие рабочих партий на большее и большее вторжение государства во взаимоотношения труда и капитала,—не раз открыто признавали и сами буржуазные правительства, расположенные отнюдь, разумеется, не дружественно к социалистическому движению. В качестве блестящего примера подобного признания достаточно привести хотя бы откровенное заявление, сделанное еще *Бисмарком* на одном из первых заседаний Рейхстага 1884 г. Отвечая на речь тогдашнего

---

[1]) Так, вплоть до половины прошлого столетия английские трэд-юнионы еще постоянно наталкивались на резкую враждебность отношения большинства общественного мнения страны, что являлось отр жением и последствием настроения раздражаемых стачками капиталистических кругов.

[2]) До этого ж времени английские трэд-юнионы являлись лишь еле терпимыми и подвергались опасности быть закрытыми по малейшему поводу.

лидера германских социалистов *Августа Бебеля*, „железный канцлер" сказал именно след.: „Социал-демократия в нынешнем ее виде есть симптом общественного неустройства и ее существование является напоминанием для современного государства, что не все в порядке, что многое должно быть изменено и улучшено. В этом смысле оппозиция, действительно, полезна для страны. Если бы не было социал-демократов и если бы не было толпы, которая их боится, мы не имели бы и тех скромных результатов в области социальной реформы, которые достигнуты за последние годы."[1])

Тот же *Бисмарк*, относившийся, как известно, всегда с глубочайшей враждебностью к социал-демократии, в аналогичном смысле высказывался и раньше, и суждения этого государственного деятеля приобретают в данном случае особенную показательность... Я имею здесь в виду историческое в своем роде официальное письмо *Бисмарка* прусскому министру торговли графу *Иценплишицу*,[2]) в ведении которого находилось вообще рассмотрение вопросов рабочего законодательства.

В означенном письме, датированным 17-м ноября 1871 г., Бисмарк писал:

„Новая социалистическая доктрина, в особенности поскольку она стоит в связи с деятельностью Интернационала, ничего не хочет знать о современном государстве, ни об его национальном, ни об его принципиальном значении. Эта доктрина абсолютно отвергает содействие существующих правительств и ставит во главе своей программы превращение нынешних государств в единое социалистическое народное государство. Вмешательство правительства в социалистическое движение вследствие этого не имеет ничего общего с победой социалистической доктрины. Наоборот, активная деятельность государственной власти кажется мне единственным средством, способным остановить социально-революционное движение и направить его на законные пути. Нужно реализовать все то, что действительно справедливо в социалистических требованиях и что осуществимо в пределах нынешнего государственного и общественного порядка.. Социалистические требования и постулаты так глубоко уже проникли в массы, что было бы бесцельно и вредно игнорировать это учение или пытаться замолчать его; опасность от этого не прекратится. Я считаю нашим долгом и актом разумной политики громко и публично обсуждать требования рабочих. Само собой разумеется, что при таком обсуждении внимание, главным образом, будет обращено на жгучие темы действительности: на вопросы о заработной плате, рабочем времени, жилищах, примирительных камерах и т. д.".

Весьма характерно, что и некоторые крупнейшие представители экономической науки придерживаются такого же точно по существу взгляда на роль и значение социалистических партий. В капитальном „Учебнике политической экономии" Берлинского проф. *Адольфа Вагнера*, принадлежащего притом к консервативному лагерю, мы, напр. читаем: „Социал-демократическое движение рабочих, поскольку оно имеет целью увеличение политической власти рабочего класса, для влияния на ход законодательства в своих интересах имеет не только полный raison d'être, но без усиления политического значения

[1]) См. „Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags" за 1884 г.

[2]) Письмо это напечатано в числе других официальных актов, касающихся экономической политики Бисмарка, в капитальном 4-х томном издании Poschinger'a „Dokumente zur Geschihte der Wirtschaftspolitik in Preussen und in Deutschen Reich." 1889-1891. См. Bd. II, № 104.

рабочих классов последние никогда не изменили бы своего положения...“

Но если несомненное влияние рабочих партий на законодательство об охране труда считали невозможным замалчивать столь авторитетные представители господствующего буржуазного класса, как государственный канцлер кн. *Бисмарк* и проф. *Ад. Вагнер*, то тем более, понятно, это влияние всячески отмечается со стороны представителей *рабочего класса*. Тут довольно будет для иллюстрации сослаться в особенности на торжествующее заявление, сделанное в свое время *Бебелем* на многолюдном собрании социал-демократов во Франкфурте[1]) вскоре после издания имп. Вильгельмом II двух рескриптов от 4-го февраля 1890 г., намечавшим целую программу правительственных мероприятий, имевших в виду улучшение положения рабочих. „Товарищи“,—говорил именно *Бебель*,—полгода тому назад никто бы из вас не поверил, что найдется германский император, который включит в свою программу постановления парижского социалистического конгресса!“[2])

VI.

Зарождение государственных узаконений об охране труда можно найти в довольно отдаленном прошлом, но то был, в сущности, лишь *прообраз* рабочего законодательства. Таковы именно издававшиеся еще в конце XVII ст. отдельными швейцарскими кантонами официальные предписания, направленные к защите лиц, занятых в домашней мануфактурной промышленности: предписания эти являлись вызванными крайне тяжелым экономическим положением рабочих в различных крупных промышленных производствах на дому, издавна очень вообще распространенных среди швейцарского населения.[3]) Начало подобного рода актам положено в *Цюрихе*, где означенные мероприятия практиковались наиболее широко, причем первым шагом в данном случае было установление в 1674—1675 г. г. нормы заработной платы для ткачей флера, работающих в деревнях шелкочесальщиков, шелкопрядильщиков и шелкомотальщиков (ближайшим поводом послужили жалобы цюрихских домашних рабочих, что и привело к известному правительственному вмешательству: „для предупреждения,—как гласило соотв. распоряжение,—несправедливого и нехристианского образа действий некоторых торговцев, которые тяжело угнетают бедных рабочих, понижая их заработную плату.“)

Но *настоящая история рабочего законодательства* восходит, собственно, ко времени упрочения фабричной системы, составляя почти всецело продукт минувшего века. Обычно принято считать при этом родиной данного законодательства *Англию*,—страну впервые прибегнувшую (после замечательных изобретений Уатта, Аркрайка и др.) к широкому пользованию машинными способами производства и впервые проявившую, на ряду с блестящими достижениями своей индустрии, также те зловещие признаки всяческих бедствий рабочего класса, которые оказались присущи капиталистическому строю...

---

[1]) Собрание это происходило 13 февраля 1890 г.

[2]) *Бебель* разумел конгресс в Париже 14-21 июля 1889 г.

[3]) Как отмечают знатоки хозяйственного состояния Швейцарии (напр. проф. *Карл Дюхер*), громадное значение в этой стране старинной системы домашней промышленности даже и после появления там концентрированного фабричного производства не было все же вполне оттеснено вплоть до нынешнего времени в целом ряде отраслей швейцарской экспортной индустрии (выделки часов, плетении кружев и т. д.) товары продолжают еще изготовляться по преимуществу на дому.

Многие исследователи (профессора *Н. Райхесберг, Г. Геркнер* и проч). усматривают, действительно, в своем роде как бы родоначальника всех последующих законов, изданных разными государствами в целях урегулирования взаимоотношений труда и капитала, в английском законе 22-го июня 1802 г.

Мотивом к проведению последнего в Парламенте послужила ужасающая эксплоатация так наз. „фабричных учеников“, происходившая с особенной интенсивностью в северных промышленных графствах и принявшая благодаря бессовестным надсмотрщикам детских приютов характер формальной торговли малолетними.[1]) Повальные болезни, явившиеся естественным спутником этой эксплоатации, связанной с антигигиеническими условиями жизни и работы детей, и привели в конце концов к сознанию необходимости хоть сколько-нибудь ограничить зло: ведь свирепствовавшие заразные эпидемии, имевшие своими очагами фабричные округа, грозили распространиться и на местности, населенные имущими классами... В результате такого положения вещей тогдашний министр Великобритании *Роберт Пиль*, сам видный фабрикант, и выступил инициатором вышеупомянутого закона, в силу которого владельцам хлопчато-бумажных и шерстяных фабрик предписывалось: ввести улучшение в жизненную обстановку работающих у них „фабричных учеников“—как относительно пищи, так и относительно помещения, совершенно запретить данным ученикам ночную работу, дневную же ограничить 12-ю часами, включая сюда и время на обязательное элементарное учение.[2])

Как ни покажется это, однако, странным,—*начало рабочему законодательству* положено было не в Англии, где, говоря словами одного экономиста, „фабричная промышленность отпраздновала свои первые оргии“, а в *Австрии*. Именно тут—еще за два года до великой французской революции—австрийским государственным канцлером издается декрет о работающих на фабриках детях. В декрете указывалось, что „правительство очень озабочено с одной стороны тем, чтобы массы работающих на фабриках детей, не пребывали в грубом невежестве,—этой матери всякого рода безнравственности, а с другой стороны, чтобы фабрики не лишались нужных рук и бедные классы—заработка, в виду чего и постановлялось: требовать от хозяев—предпринимателей заботы о „самом необходимом обучении“, привлекаемых к фабричному труду детей и воспретить без крайней надобности допущение к названному труду всех недостигших 9-летнего возраста.

---

[1]) Фабриканты стремились вообще широко пользоваться более дешевым детским трудом; к тому же среди них господствовало мнение, будто многие машинные операции могут даже успешнее выполняться проворными миниатюрными пальцами детей. Это обстоятельство и повело к следующему: правления различных учреждений по призрению бедных, в лице значительной части своих недобросовестных представителей, сплошь и рядом находили, что спрос на фабрики малолетних рабочих открывает удобнейшую возможность, вместо того, чтобы самим возиться с обязанностью обучения таких малолетних ремеслу, просто на-просто, отдавать их „на выучку“ к фабриканту. В итоге и создался своеобразный порядок: в заранее назначавшийся день представленный к детям надсмотрщик собирал их перед фабрикантом, который и выбирал угодных ему. Поступив же на фабрику, дети считались на положении „учеников“, никакой платы не получали, а имели лишь жилище и пропитание, да и то настолько жалкие, что нередко для несчастных маленьких рабов единственным желанным исходом являлась смерть...

[2]) Нельзя не заметить, однако, что английский закон 1802 г. при всей несомненной скромности своего содержания на деле долгое время оставался без применения, причина чего кроется вот в чем: специальных, беспристрастно действующих органов наблюдения над фабриками, установлено еще не было и надзор за выполнением этого закона возлагался всюду на уполномоченных от местного мирового суда, в состав коего входили, между прочим, помимо близких вообще фабрикантам представителей того же зажиточного буржуазного класса, и сами фабриканты.

Сведений о том, насколько вообще приведенное распоряжение, датированное 18-м февраля 1787 г., оказалось воплощенным в жизнь, к сожалению, не сохранилось. Очень вероятно, конечно, что при отсутствии в то время надлежащих органов наблюдения за фабриками, интересующий нас правительственный акт далее своего провозглашения на бумаге так и не пошел... Но самый факт появления данного акта все же документально свидетельствует о неправильности глубоко укоренившегося традиционного воззрения, по которому родиной рабочего законодательства признается Англия.

Разумеется, этой,—сделанной в интересах истины,—поправкой, вовсе не умаляются заслуги англичан в области регламентации труда вообще. Что из всех капиталистических держав мира *Великобритания*, —хотя и после долгой энергичной борьбы прежде всего со стороны самого английского рабочего класса за свои права, добилась по сравнению с другими буржуазными демократиями, наиболее, в сущности, развитого рабочего законодательства, несомненно; несомненно и то, что именно Великобритания послужила в данном отношении известным образцом для подавляющего большинства остальных государств.

Останавливаться здесь сколько-нибудь подробно на изложении *исторической эволюции* и *современного состояния* рабочего законодательства у различных народов в условиях капиталистического режима нет, понятно, никакой возможности: рамки, предлагаемого краткого очерка решительно тому препятствуют. Да такое изложение отнюдь и не вызывается нашими заданиями, требующими лишь *общей* характеристики.

Постараемся же сделать эту характеристику, сведя все многообразие и пестроту рабоче-охранительных норм прошлого и настоящего в отдельных государствах к нескольким основным началам, которые, в своей совокупности, и дали бы нам более или менее цельное общее представление об интересующей нас сейчас специальной отрасли буржуазного законодательства.

Думается, что цели мы достигнем, ответив именно на вопросы—

1) к какому времени надо отнести самое *зарождение рабочего законодательства* в тех или иных капиталистических странах Европы;
2) каков был вообще *последующий ход истории этого законодательства в целом,* другими словами, в чем его главнейшие типичные черты;
3) к *чему же*—в итоге всего своего предшествующего развития—*сводится теперь это законодательство*, как таковое и каковы сейчас его руководящие принципы.

VII.

Как указывалось уже выше, если некоторый *прообраз* рабочего законодательства и можно усматривать в *швейцарских* кантональных мероприятиях еще конца XVII столетия, то настоящий первый шаг в области регламентации фабричного труда сделан был *Австрией*: таковым именно являлось австрийское правительственное постановление 18-го февраля 1787 г., касавшееся вопроса об ограничении приема детей на фабрики.

Далее хронологический порядок *зарождения* в других капиталистических странах интересующей нас сферы законодательства представляется,—согласно имеющимся в нашем распоряжении фактическим данным применительно к Западной Европе,—в виде след. схемы:

В **Англии**—закон 22-го июня 1802 г. о фабричных учениках на хлопчатобумажных и шерстяных фабриках.

Во **Франции**—декрет 3-го января 1813 г. о недопущении к работам на рудниках детей до 10-летнего возраста.

В **Бельгии**—декрет 3-го января 1813 г., сохранивший свою силу и после того, как Бельгия стала в 1830 г. самостоятельным государством. Декрет этот, касавшийся вообще регламентации горной промышленности в стране, предписывал принятие различных мер предосторожности при работе в рудниках (в частности регулировался соотв. надзор горных инженеров) и совершенно запрещал привлекать к труду в копях или на приисках детей до 10-летнего возраста.

В **Пруссии**—положение 9-го марта 1839 г., запрещавшее употреблять детей моложе 9 лет на постоянные работы на фабриках, шахтах, рудниках и горнозаводских предприятиях; оно же устанавливало максимальный рабочий день в 10 часов для недостигших 16-летнего возраста подростков и не разрешало по отношению к несовершеннолетним ночного, воскресного и праздничного труда; кроме того, в целях охранения здоровья и нравственности фабричных рабочих, это Положение предусматривало издание особых правил, касающихся помещений и санитарных условий самой работы.

В **Баварии**—правительственное распоряжение 15-го января 1840 г. относительно фабрично-заводского труда детей: до 9-летнего возраста постоянная работа на фабриках, рудниках, и горно-заводских предприятиях запрещена вовсе, по достижению же 9 лет дети могут приниматься на работу не иначе как представив свидетельства о достаточном физическом развитии и полученном элементарном школьном образовании; согласно этому же распоряжению для всех, недостигших еще 12 лет, совершенно недопускалась работа ночью, а днем должна была ограничиваться не более, чем 10 часами.

В **Бадене**—правительственное распоряжение 4-го марта 1840 г., устанавливавшее некоторые ограничения относительно условий допущения к фабричной работе детей, обязанных посещать народную школу (означенные дети освобождались от занятий в данной школе лишь по достижении 11-летнего возраста; взамен этого они подлежали обучению в школе фабричной и притом не менее двух часов ежедневно; как общее правило, рабочее и школьное время в сумме не должно было превышать 12 часов в сутки, ночной воскресный и праздничный труд таких малолетних рабочих запрещался).

В **Саксонии**—правительственное распоряжение 22-го октября 1849 года: воспрещена широко практиковавшаяся дотоле система расплаты с рабочими товаром.[1])

В **Норвегии**—правительственное распоряжение 16-го мая 1860 г., изданное в целях улучшения вообще гигиенических условий на фабриках и заводах, касалось назначения санитарных комиссий, а также предписывало производить вентиляцию помещений, в которых собирается значительное число людей.

В **Вюртемберге**—промышленный устав 12-го февраля 1861 г., содержавший в себе, между прочим, и постановления о регламентации фабричного труда. Впервые дав общее определение фабрики (ею признавалось всякое промышленное предприятие, где производство совершается не менее, чем 20-ю рабочими, притом в закрытом помещении с помощью механической двигательной силы и с разделением труда), устав этот предписывал 1) издание специальных правил, 2) принятие мер к ограждению рабочих при процессах самой работы, а равно и при употреблении вредящих здоровью веществ, 3) запрещение системы расплаты с рабочими товаром и 4) допущение на фабрики детей школьного возраста и несовершеннолетних моложе 18 лет, не иначе, как если этим категориям рабочих не ставится препятствий к регулярному посещению ими богослужения, а также народной школы и если в условиях фабричной обстановки нельзя ожидать вредных последствий для их здоровья и нравственности.

В **Швеции**—общий промышленный устав 18 июня 1864 г., выставивший, поскольку шла речь о фабриках и ремесленных заведениях, то основное положение, что соотв. хозяева—предприниматели обязаны при обращении со своими рабочими, а также при употреблении этих рабочих к работе всегда заботиться об их здоровьи.

В 22-х германских государствах, об'единившихся в 1866 г. в т. наз. **Северо-Германский Союз**—промышленный устав Северо-Германского Союза от 25-го июня 1869 г., распространивший на все страны, которые вошли в означенный Союз, узаконения, направленные к защите рабочих и изданные раньше в Пруссии, начиная с упомянутого уже выше Положения 9-го марта 1839 года. Если принять во внимание, что в большинстве этих стран никакого вообще рабочего законодательства дотоле не существовало,[2]) то перед нами в данном случае

---

[1]) В прежнее время саксонское правительство, думая этим всячески вообще содействовать развитию в стране кустарных промыслов, связанных с обработкой дерева, прямо даже покровительствовало системе расплаты деревянными изделиями.

[2]) Исключение в ряду всех этих стран составляли, собственно говоря, лишь отмеченные в своем месте Бавария, Баден, Саксония и Вюртемберг.

несомненно, появление целого ряда новых государств с известной регламентацией в них фабричного труда, хотя и регламентацией перенесенной из Пруссии; с национальным об'единением **Германии** в 1871 г и последовавшим затем вскоре повсеместным введением в ней промышленного устава прежнего Северо-германского Союза, число таких новых государств с той или иной нормировкой труда, еще более, понятно, возросло.

В **Венгрии—**закон о промышленности 1872 г., содержавший в себе, между прочим, и некоторые постановления об охране труда на фабриках (так, детей моложе 10 лет безусловно не дозволялось принимать на работу, а с 10 до 12 лет не иначе, как лишь со специального каждый раз правительственного разрешения; всем фабрикантам—предпринимателям предписывалось устраивать и содержать на собственный счет различные приспособления, которые по свойствам данного промышленного предприятия необходимы для возможно лучшего ограждения жизни и здоровья рабочих).

В **Дании—**закон 23-го мая 1873 г. о труде детей и несовершеннолетних на фабриках и предприятиях с фабричным характером производства. З кон этот, не давая определения самых терминов „фабрика" и „предприятие с ф бричным характером производства" и предоставляя в случаях сомнений разрешение вопроса министру внутренних дел, совершенно не допускал к работе детей моложе 10-летнего возраста, а затем устанавливал такие градации: для подростков с 10 до 16 лет продолжительность рабочего дня фиксировалась максимально в 6½ часов, (включая сюда полчаса перерыва) и для подростков с 16 до 18 лет—в 12 часов (включая сюда 2-часовой перерыв). Ночной, воскресный и праздничный труд всем недостигшим 18-лет запрещался. Имелись, наконец, специальные предписания, направленные на устранение занятий, вредящих здоровью.

В **Испании—**закон 24-го июля 1873 г. допускавший к фабричной работе детей не ранее достижения ими 10-летнего возраста и определявший затем норму рабочего дня 1) в 5 часов для мальчиков от 10 до 13 лет и для девочек от 10 до 14 лет и 2) 8 часов—для мальчиков от 13 до 15 лет и для девочек от 14 до 16 лет. Ночная работа применительно ко всем этим группам детей и подростков воспрещалась.

В **Италии—**закон 21-го декабря 1873 г. о запрещении пользования трудом детей в странствующих промыслах.[1])

В **Голландии—**закон 19-о сентября 1874 г. о недопущении привлечения детей до 12 летнего возраста к работе во всяких вообще производствах, за исключением сельско-хозяйственных, исполняемых под открытым небом.

В **Люксембурге—**закон 6-го декабря 1876 г., несколько урегулировавший труд детей и женщин:

1) Дети допускаются к фабричной работе лишь с 12-ти-летнего возраста, причем рабочий день для них не должен превышать 6 часов (для получивших же элементарное образование—8 час.),

2) В отношении подростков моложе 16 лет установлен максимальный рабочий день в 10 часов вообще и в 11 часов применительно к некоторым фабрично-заводским предприятиям, но при условии, однако, врачебного свидетельства о безвредности для них 11-часовой продолжительности труда,

3) Воспрещен ночной труд, как детям и подросткам, так и взрослым женщинам

В **Швейцарии—**федеральный закон 23-го марта 1877 г. о работе на фабриках, распространявшийся на все швейцарские кантоны[2]) и подчинявший в них все от-

---

[1]) Вопрос о регламентации вообще детского труда подымался в Италии и раньше—с первого года ее об'единения. Но соотв. законодательный проект оставался безрезультатным вплоть до 1886 г., когда последовало, наконец, издание специальных „правил о труде детей". Поскольку же дело касается эпохи, когда единого Итальянского Королевства еще не существовало, мы имеем правительственное распоряжение 7-го декабря 1843 г. в Ломбардо-Венецианской области: согласно этому распоряжению, всем более или менее крупным промышленным предприятиям названной области запрещалось привлекать к работе детей до 9-летнего возраста, а в производствах, связанных с опасностью для жизни или здоровья,—детей до 14-летнего возраста; устанавливались при этом различные ограничения, нормировавшие продолжительность рабочего дня и работу ночью.

[2]) До появления означенного единого для всей Швейцарии федерального закона 1877 г., отдельные швейцарские кантоны имели у себя, каждый в отдельности, свои собственные рабочие охранительные узаконения, прообразом коих можно считать уже упомянутое нами выше правительственное распоряжение Цюриха восходящее еще в 1674-1675 г. г. Нарождение кантонального фабричного законодательства в настоящем смысле этого слова следует, собственно, приурочить к эпохе 1815 и последующих годов, причем, направлено оно было в первую очередь на защиту детей; ближайшим же мотивом для соотв. вмешательства государственной власти в дело урегулирования детского труда послужили многочисленные острые конфликты возникавшие между школой—с одной стороны и фабрикой—с другой. К наиболее ранним из таких узаконений надо отнести: предписание правительства кантона Цюриха 7-го ноября 1815 года, касавшееся

расли фабричной деятельности одинаковым в общем постановлениям. Весьма пространный по своему содержанию закон этот детально регулировал различные правила об условиях труда, главным же образом, правила, касавшиеся детей (до 14 лет привлечение их на работу вовсе не допускалось), рабочего времени для взрослых (обычно продолжительность рабочего дня не должна была превышать 11 часов, а накануне воскресений и праздников 10 часов) и, в частности, специально для женщин (воскресный и ночной труд их безусловно воспрещался, применительно к родильницам полагалось освобождение от работ в течение восьми недель до и после родового периода), наконец, об устройстве приспособлений по ограждению здоровья и безопасности работающих, причем устанавливалась ответственность предпринимателей за несчастные случаи. Давалось (в первой же статье) и самое определение фабрики: под нею следовало понимать „всякое промышленное предприятие, в котором одновременно и постоянно вне своих жилищ занято трудом более или менее значительное число рабочих" (при возникновении сомнений, считать ли известное промышленное предприятие фабрикой, окончательное решение вопроса принадлежало Союзному Совету).

В **России**—закон 1-го июня 1882 года, изданный по инициативе тогдашнего министра финансов Н. Х. Бунге: закон этот воспрещал допущение на фабрики детей до 12-летнего возраста, а для детей с 12-15 лет, устанавливал 8-часовой рабочий день, не разрешая притом привлекать их к ночной, воскресной и праздничной работе[1])

В **Португалии**—закон 14-го апреля 1891 г., урегулировавший ряд вопросов по охране фабричного труда: предписано не допускать к работам детей до 10-летнего возраста, установлен рабочий день продолжительностью в 6 часов для детей от 10 до 12 лет и в 10 часов для подростков от 12 до 16 лет, а для девушек и женщин до 21 года, причем, применительно ко всем только что указанным категориям рабочих запрещена ночная работа; специально же детям запрещена и воскресная работа.

В **Румынии**—закон 20-го апреля 1895 г. специально о горном промысле и изданные 29-го апреля того же года в дополнение к этому закону правила о его исполнении, каковые акты содержали в себе некоторые нормы, касавшиеся и охраны соотв. отрасли труда: совершенно запрещалось привлечение к работам детей до 14-летнего возраста, хозяевам предприятий вменено в обязанность принятие известных технических мер предосторожности в целях защиты рабочих от несчастных случаев, наконец, урегулирован вопрос об организации при отдельных предприятиях особых местных касс, образуемых из взносов предпринимателей и рабочих для оказания денежной помощи рабочим, выдачи их семьям субсидий на погребение и т. д.

вообще привлечения на работу детей и подростков и предписание правительства кантона Тургау 22-го декабря 1815 года об обучении и надзоре за детьми, работающими в фабричных предприятиях.

[1]) Именно этот акт 1 июня 1882 г. надо действительно считать нашим *первым* правительственным шагом, сделанным в направлении охраны фабричных рабочих. Узаконения, так или иначе регулировавшие условия фабрично-заводского труда, были, правда, известны в России даже в XVIII столетии, но относились они лишь к принудительному труду в различных государственных и частных предприятиях (еще Петр Великий, могущий считаться старейшим насадителем отечественной крупной промышленности, определял, напр., продолжительность рабочего дня к некоторым казенным фабрикам и горным заводам), почему считать их рабоче-охранительными нормами в настоящем смысле слова, разумеется, нельзя. Ошибочно было бы признавать таковыми нормами положившими у нас начало подлинному фабричному законодательству, также законы 24 мая 1835 г. и 7-го августа 1845 г., хотя оба и имели в виду уже не принудительный, а, якобы, свободный труд. Дело в том, что, прежде всего, самое понятие свободного труда означало в них... вольно-наемный труд отпущенных на оброк помещичьих крестьян. Кроме того, *первый* из упомянутых законов, (т. е. закон 1835 г.), не создавая ровно никакой защиты собственно рабочим, стоял, напротив, всецело на стороне исключительно только предпринимателей—фабрикантов, гарантируя последним известную независимось от произвола помещиков, которые вздумали бы отзывать с фабрик своих крепостных обратно: рабочим строжайше и запрещалось именно порывать наем раньше срока, между тем как фабрикантам предоставлялось право расчитывать рабочих и до конца истечения договоренного времени „по причине невыполнения рабочими обязанностей или дурного поведения," каковая формула являлась, конечно, весьма ростяжимой, открывавшей широкий простор для личного всякий раз усмотрения хозяина. А что касается *второго* закона, датированного 7-го августа 1845 г. и воспрещавшего ночную фабричную работу детям до 12-летнего возраста, то данное постановление не замедлило оказаться лишенным наималейшего практического значения, благодаря совершенному отсутствию всяких карательных мер за его нарушение и неимению какого-либо надзора за его исполнением. Не приходится и удивляться, что очень скоро это постановление о детях было абсолютно забыто.

VIII.

Набросанная схема *зарождения* рабочего законодательства в различных странах капиталистического мира показывает, что почти везде *исходным моментом* возникновения означенного законодательства было урегулирование, прежде всего, вопроса о той или иной *охране детей*: именно с разрешения проблемы установления известной защиты от злоупотреблений для малолетних, начинается, как общее правило, вмешательство государственной власти во взаимоотношения труда и капитала,—взаимоотношения, сводившиеся дотоле к ничем абсолютно не сдерживаемой эксплоатации первого вторым.[1])

Если обратиться затем к самой *исторической эволюции* интересующей нас отрасли законодательства, то обозревая эту эволюцию, как нечто единое, нельзя не поразиться следующим фактом: усматривая, можно сказать, повсеместно разрешение в первую очередь одного и того же выдвинутого повсюду жизнью задания об упорядочении положения наислабейшей категории рабочих,—именно детей,—мы наблюдаем *аналогичные*, по существу, картины и в дальнейшем. Действительно, отдельные капиталистические государства, обнаруживая в общем довольно малую самобытность и в последующих фазах развития в них рабоче-охранительных норм, проходят в данном случае все те же присущие каждому из этих государств этапы: под защиту закона ставятся *новые и новые рабочие группы* (малолетние, подростки, несовершеннолетние, наконец взрослые—женщины и мужчины), причем, постепенно *расширяются как те отрасли производства* (фабрично-текстильное, хлопчато-бумажное и проч., а также горнозаводское, строительное и т. д.), *которые охватывает собой соотв. регламентация, так и самые ограничительные постановления,* которые, все значительнее обуздывая произвол предпринимателей—капиталистов, распространяются на больший и больший круг предметов.

В итоге во всем вообще капиталистическом мире *история законодательной охраны труда, рассматриваемая в целом, характеризуется, таким образом, непрерывным, всесторонним развитием,*— в частности же:

1) поскольку дело касается самых лиц, относительно которых действует данная охрана, то мы наблюдаем постепенное включение в рамки рабочего законодательства *новых и новых категорий*, начиная с детей и кончая взрослыми;

2) поскольку дело касается отдельных отраслей труда, охватываемых нормами данной охраны, то тут также бросается в глаза соотв. прогрессивный рост, то знаменует собой, очевидно, поступательное распространение означенных норм на все большие кадры пролетариата;

3) поскольку дело касается различных проблем, которые, шаг за шагом, входят в область рабочего законодательства, то замечается несомненное увеличение общего числа этих проблем и, следовательно, рабочее законодательство, как таковое, благодаря возростающей своей многопредметности, становится сложнее и сложнее.

Особенно мощный толчек развитию рабочего законодательства дала империалистическая война 1914-1918 г. г. Если и с конца XIX сто-

---

[1]) Об общей эволюции рабочего законодательства в отдельных капиталистических странах см. в ряде соотв. статей I-го тома монументального немецкого издания „Handwörterbuch der Staatswissenschaften". В статьях этих, принадлежащих перу крупнейших специалистов, указывается и обстоятельная литература вопроса.

летия проблема охраны труда приобрела уже значительную важность и обратила на себя внимание законодательной власти даже в таких реакционно-настроенных странах, как, например, тогдашняя Россия, Испания или Португалия, то годы, следующие за названной войной, сделали вопрос о положении рабочих решительно доминирующим в ряду всех других социальных явлений.

И это не удивительно. Ведь одним из ближайших результатов недавной мировой бойни было то, что главнейшие ее деятели и вдохновители пожали богатейшую жатву, заполучив в свои руки колоссальнейшие богатства (вспомним хотя бы пресловутого нефтепромышленного короля *Гуго Стиннеса*,[1]) у которого и на которого работало до 800.000 человек!) между тем, огромнейшие массы бедного трудового люда стали еще беднее, чем раньше. Отсюда интенсивно возростающее сплочение—консолидация рабочего класса, как именно класса угнетенного и его все обострявшийся антагонизм по отношению к буржуазии. А при таких условиях этой последней—в ея естественном неудержимом стремлении обезвредить, по возможности, столь нежелательные ей социальные катаклизмы и поддержать капиталистический строй—только и оставалось... прибегнуть к самому усиленному правотворчеству в области рабочего законодательства: лишь соотв. правотворчество,—как *казалось* и отдельным правительствам, и различным политическим партиям с крайне правых до умеренно-социалистических (соглашательских) включительно,—могло бы, пожалуй, позволить *овладеть* происходящим процессом революционизирования пролетариата...

И вот, на этой-то почве происходит во всем капиталистическом мире быстрое, дотоле небывалое еще, продвижение вперед рабочего законодательства, которое в его *современном состоянии* рисуется нам, по сравнению с прошлым, достигшим уже довольно осязательных успехов.

Не вдаваясь, за недостатком места, в анализ таковых успехов,[2]) ограничимся здесь применительно к действующей ныне области интересующего нас права капиталистических держав

1) перечнем тех основных важнейших вопросов, которые там вообще затрагиваются—разрешаются

и 2) указанием тех основных руководящих начал, которые являются особенно характерными—типичными для данной области права.

Вопросы, обычно трактуемые в настоящее время рабочими законодательствами, следующие:

1) определение возраста, до которого дети вовсе не допускаются к работе;

---

[1]) *Гуго Стиннес*, умерший в 1924 г., представлял собой колоритнейшую фигуру верхов всего вообще капиталистического мира. Будучи весьма видным германским промышленником еще и до 1914 г. он за годы войны нажил военными поставками громадное состояние. Особенно прославился *Г. Стиннес*, как хозяин—об'единитель крупнейших нефтяных предприятий. Подобно большинству патриотически настроенных представителей германской индустрии, он в начале войны мечтал о полном экономическом закабалении Франции Германией, а когда эти надежды не оправдались и разгромленной оказалась Германия, тот же *Стиннес* выступил с проектом... довершения германского вассалитета перед победоносной Францией: очевидно у такого трезвого дельца, как Стиннес, все и вся направляется исключительно лишь соображениями денежной выгоды и раз, следовательно, не удалось приобщить французскую нефть к немецкой, то отчего же, спрашивается, не попытаться проделать обратное, т. е. приобщить немецкую нефть к французской!...

[2]) Желающим детально проследить новейшие успехи современного рабочего законодательства государств капиталистического мира можно рекомендовать Сборник изд-ва „Вопросы Труда" под ред. А. М. Стопани: „Законодательство о труде в зарубежных странах". Выпуск I—III. Москва, 1925-1927. См. также обстоятельное, выдержавшее ряд изданий сочинение *P. Pic* „Traité élémentaire de législation industrielle. Les lois ouvriéres".

2) нормирование условий труда подростков—малолетних и обеспечение элементарного школьного образования для этой категории работающих;

3) нормирование условий труда специально в отношении женщин;

4) регламентация продолжительности рабочего дня для взрослых рабочих вообще;

5) обеспечение праздничного отдыха;

6) урегулирование проблемы минимальной заработной платы;

7) предупреждение и устранение вредных условий самой работы, а также ограждение рабочих от несчастных случаев;

8) обеспечение рабочих временно или навсегда утративших трудоспособность, а равным образом и семейств этих рабочих (социальное страхование);

9) предоставление рабочим права отстаивать свои интересы (рабочие союзы);

10) организация специальной инспекции труда

и 11) установление особого разбирательства конфликтов, возникающих между рабочими и предпринимателями.

Что касается, наконец тех, *основных руководящих начал*, которые являются вообще присущими действующим рабочим законодательствам капиталистических держав, то начала эти сводятся, в конце концов, собственно, к двум главным пунктам:

1) к специфически-буржуазной общей тенденции, проходящей через все означенные законодательства

и 2) к узко-национальному, по преимуществу, направлению названного законодательства в отдельных государствах.

Остановимся на каждом из указанных двух пунктов.

1) Проникновение рабочего законодательства всего капиталистического мира *специфически буржуазной тенденцией*, как нельзя более типично и вместе с тем как нельзя более естественно для самого существа данного законодательства: ведь будучи продуктом деятельности определенного господствующего класса, законодательство это иным, разумеется, и не может быть. Выражается же таковая тенденция в том, что на всей интересующей нас области законодательства лежит явственный отпечаток *соглашательства* и *компромисса*. Оно и неудивительно, если учесть самое происхождение тех или других выступлений государственной власти на защиту рабочих масс,—происхождение всегда являющееся результатом сознанной в конце концов неизбежности известных „уступок“ по отношению к этим массам (в зависимости от складывающейся каждый раз политической и экономической коньюнктуры). Отсюда и получается своеобразная *отрывочность—недоговоренность буржуазного рабочего законодательства:* охрана труда предусматривается тут применительно не ко всем без различия трудящимся, а применительно, главным образом, лишь к тем, „позаботиться“ о ком признано особенно необходимым; а так как для господствующего класса наиболее важно сколько-нибудь гарантировать спокойствие мест, где постоянно концентрируется много рабочих и где, следовательно, подобное скопление представляет определенную реальную силу, то „охраненными“ и оказываются в первую очередь работающие в промышленных предприятиях фабричного типа. Напротив, в качестве общего пока правила находятся *вне* государственной защиты и предоставлены, значит, беззастенчивой эксплоатации своих хозяев работающие по найму в ремесленных и торговых заведениях, служащие в транспорте (на железных дорогах и на пароходах), а также в разного

рода конторах, общественных, правительственных и проч. учреждениях, наконец, домашняя прислуга, а во многих странах и земледельческие рабочие.

Сказываясь в той или иной мере на постановлениях рабочего законодательства всех капиталистических государств вообще, отмеченная буржуазная тенденция особенно ярко, в частности, проявляет себя на организации *инспекции труда:* заграницей рабочие союзы все еще ведут энергичную борьбу за приближение этой инспекции к подлинным нуждам рабочего класса путем именно включения в ея состав представителей от самих рабочих, так как даже там, где таковые представители допущены,—они играют, однако, фактически совершенно второстепенную роль сравнительно с инспекторами из буржуазии.[1])

2) *Узко-национальное*, по преимуществу, направление рабочего законодательства отдельных стран выражается в том, что рабочее законодательство этих стран направлено, прежде всего, (если не всецело) к охране отечественных рабочих и обычно не распространяется на рабочих—иностранцев. Конечно, меры, касающиеся собственно регламентации условий труда (как-то продолжительности рабочего дня, еженедельного отдыха и проч.),—само собой понятно,—не знают такого различия; но зато это различие довольно строго проводится в другой не менее важной части рабочего законодательства, предметом которой служат различные виды страхования рабочих и, главным образом, страхование от несчастных случаев. Мало того, все усиливающаяся в некоторых капиталистических государствах с большим промышленным развитием иммиграция иностранных рабочих побуждает эти государства принимать даже специальные меры к ограничению вторжения „нежелательного“ или „обременительного“ элемента...[1])

Таковым представляется в его общей характеристике рабочее законодательство капиталистической Европы.

Совсем иной облик имеет по сравнению с ним соотв. область права в Союзе ССР—область, получившая наименование „Трудового Права“. Но об этом последнем я предполагаю поговорить особо—в специальном очерке.

---

[1]) Подобного рода подчиненная роль рабочих представителей в составе инспекции труда об'ясняется обычно тем обстоятельством, что на данную инспекцию возлагаются заграницей, главным образом, функции чисто *технического* надзора, в которых мало образованные рабочие, конечно, недостаточно сведущи.

[2]) „Undesirable immigrants“, как их прямо и называет, наприм., английский Aliens Act 11 августа 1905 г. или „lästige Ausländer“—по немецкой терминологии.

Ак. Таўсталес.
Асьпірант пры катэдры Гіст. Белар. Права

ЗАСТАЎНОЕ ПРАВА.

Статуты 1529 г., 1566 г. і 1588 г. ня ведаюць яшчэ стройнага інстытута застаўнога права, але ў XV і пачатку XVI стал. шляхта выкарыстоўвае цяжкае становішча дзяржаўнага скарбу, у выніку чаго шмат гаспадарчых маёнткаў сталі застаўнымі.[1]) Шляхце таксама прыходзілася зьвяртацца да заставы маёнткаў. Статуты і абгаварваюць заставу маёнткаў паміж шляхцічамі.

Канчаткова інстытут застаўнога права складаецца, калі выпрацоўваюцца нормы ня толькі для шляхты, але і для ўсей камандуючае клясы.

І ў пазьнейшым заканадаўстве па пытаньню аб інстытуце застаўнага права ахоўваюцца і маюцца на ўвазе выключна інтарэсы камандуючай клясы, як і ў іншых галінах тагочаснага законадаўства.

Літоўскім Статутам 1529 г., 1566 г. і 1588 г. знаём інстытут застаўнога права.

У статуце 1529 г. яму адведзена дзевяць артыкулаў з разделу X, пачынаючы ад 4-га артыкула і канчаючы 12-ым.[2])

Усе артыкулы ідуць адзін за другім; гэта сьведчыць аб тым, што кодыфікатар наўмысна адвёў ім месца разам і ў той час, калі можа яны не па парадку сыстэматызаваны, то ўсе ж сабраны разам.

Застаўным правам у сучасны момант вызначаецца права на чужую рэч, належачую заставатрымацелю ў забясьпеку яго права вымаганьня па абавязку і складаецца з магчымасьці пераважнага задавальненьня з вартасьці гэтай рэчы. Статуты нам такога яскравага вызначэньня не даюць, як не даюць і пэўнай назвы асобам, якія фігурыруюць у заставе. Але статуты даюць некаторыя элементы для складаньня вышэйзначанага вызначэньня. У сучасны момант мы маем пэўную тэрмінолёгію для вызначэньня асоб, прыймаючых актыўны удзел у заставе.

Асоба, якая аддае сваю рэч альбо іменьне ў заставу, завецца заставадаўцам, а тая, якая прыймае рэч у заставу, завецца заставатрымаўцам.

Літоўскія Статуты 1529 г., 1566 г. і 1588 г., гэтых тэрмінаў ня ведаюць, але для яскравасьці мы дазвалім сабе ужываць вышэйзазначаную тэрмінолёгію.

Заставадавец альбо дзедзіч, паклаўшы перад судом грошы, можа быць прыпушчан да сваіх дедзіцтв па праву прыражонаму альбо набытаму. У кожны момант яму павяртаецца застаўная рэч.

Мы бачым, што застава ня мае і ня губляе земскай даўнасьці.[3]) Застаўленыя за грошы маёнтак, альбо іншая рэч, на тэрмін аднаго году, могуць быць зьвернуты заставадаўцу.[4]),[5])

---

[1]) Літ. Стат. 1529 г., р. II, арт. I, 1566 г., р. II, арт. I, 1588 г., р. II, арт. I.

[2]) Праф. Пічэта У. І. „История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии". ч. I Менск 1928 г.

[3]) Літ. Стат. 1529 г., р. X, арт. 5;

[4]) Пр. Шершеневич „Учебник гражданского права".

[5]) Пр. Гойхбарг „Хозяйственное право РСФСР" том I.

У выпадку затрыманьня заставы і нежаданьня заставатрымаўца браць грошы, апошні выклікаецца на суд.

У выпадку яго неяўкі ў суд заставадаўца, паклаўшы перад судом грошы, атрымоўвае правы на іменьне альбо на рэч.

Заставатрымаўца, не жадаючы зьвярнуць заставы, але зьявіўшыйся на суд, павінен узяць грошы за заставу (іменьня) маемасьці ці рухомай рэчы, як было ўмоўлена, не ссылаючыся ні на якую даўнасьць.[1]),[2]),[3]) Застава, аддадзеная на год, і не выкупленая за гэты тэрмін (а заставадавец жывы), застаецца на тых жа умовах яшчэ на год, але далей заставатрымаўца можа не чакаць і заставадавец ня можа выкупляць рэч ад году да году.[4]),[5]),[6])

У выпадку сьмерці заставадаўца, не пасьпеўшага выкупіць заставу, надаецца права сыну яго, альбо блізкаму, выкупіць заставу, нават, раней году, павярнуўшы заставатрымаўцу грошы.

Умовы заставы афармляюцца запісам і маёнтак, застаўлены на год і ня выкуплены на працягу году, аддаецца на выкуп блізкім, кроўным, калі ж і тыя ня выкупяць яго за год, то заставатрымаўца робіцца ўласьнікам іменьня.

Пры заставе (маёнтка) маёмасьці на год з паметкай ў лісьце ў выпадку нявыкупа маёмасьці ў гадавы тэрмін з агаворкай, што заставатрымаўца трымае яшчэ год, маёмасьць знаходзіцца ў заставе яшчэ год, згодна умове.[7]),[8])

Заставатрымаўца першы год павінен чакаць выкупа рэчы ці маёмасьці згодна умовам. Калі заставатрымаўца выклікаецца на суд, то з гэтага моманту спыняецца ўжываньне ім прыбыткаў з іменьня і ўсе тое, што ўзята з маёмасьці пасьля позвы на суд,[9]) павяртаецца заставадаўцу.

Заставатрымаўца, нават і родны брат, чужога іменьня не павінен нічога з яго плаціць[10]),[11]) і ня мае права маёнтка братаў застаўляць.

Ураднік у выпадку немагчымасьці зьявіцца на суд па ўважлівай прычыне для выкупу заставы, можа паслаць замест сябе сьведку—добрага чэлавека, які набывае ў такім выпадку супольную сілу судзіць аб выкупе і сказаць, якой старане належыць права.[12]),[13])

Пры заставе рухомай рэчы тэрмінам на год і нявыкупе яе ў гэты тэрмін, заставадаўца траціць рэч, якая пераходзіць да заставадяржаўца ў вечнасьць,[14]),[15]) калі рэч застаўлялася на ўмовах страціць яе праз год пры нявыкупе.

Калі была застаўлена дзедзічная рэч, альбо рухомая і не спаганялася на працягу трох гадоў, заставадаўца траціць сваё права на рэч, а заставатрымаўца можа з ёй рабіць, што пажадае.[16])

Хто застаўленую рэч перазаставіў, узяўшы за яе большую суму грошэй, чымся сам даў, а той, чыя рэч, даведаўся б аб гэтым і знай-

1) Літ. Стат. 1566 г., р. 7, арт. 12.
2) Літ. Стат. 1566 г., р. 7, арт. 13.
3) Літ. Стат. 1588 г., р. 7, арт. 12.
4) Літ. Стат. 1529 г., р. X, арт. 9.
5) Літ. Стат. 1566 г., р. 7, арт. 16.
6) Літ. Стат. 1588 г., р. 7, арт. 14, 19, 21.
7) Літ. Стат. 1529 г., р. X, арт. 10.
8) Літ. Стат. 1566 г., р. 7, арт. 16.
9) Літ. Стат. 1529 г., р. V, арт. 9.
10) Літ. Стат. 1529 г., р. V, арт. 7.
11) Літ. Стат. 1529 г., р. X, арт. 6.
12) Літ. Стат. 1566 г., р. 7, арт. 14.
13) Літ. Стат. 1529 г., р. X, арт. 8.
14) Літ. Стат. 1588 г., р. 7, арт. 4.
15) Літ. Стат. 1529 г., р. X, арт. 7.
16) Літ. Стат. 1529 г., р. X, арт. 4.

шоў бы сваю рэч, то ён кліча ў такім выпадку першага заставадзяржаўца на суд і кладзе тую суму грошэй, якая па запісі ім атрымана і бярэ сваю рэч, а той, хто за чужую перазакладзеную рэч даў большую суму грошэй, спаганяе іх з першаго заставадзяржаўца.[1],[2])

Пры заставе маёмасьці, альбо людзей, за пэўную суму грошэй на год і ня выплаце тых грошэй ў гэты тэрмін, а таксама атабраньні маёмасьці альбо людзей раней году, заставадзяржаўца плаціць заставадаўцу штрафу 12 рублёў, а гаспадару „проціvень.“ Калі людзі да году за яго не працавалі, то за кожны дзень ён павінен плаціць штраф у шэсць грошэй за чалавека з валамі, ці з канем, і 3 грошы за пешага.

У выпадку жаданьня заставадзяржаўца купіць гэтых людзей на год, а заставадаўца не хацеў бы іх уступаць і браць за іх грошы, яны зьвяртаюцца да „віжа“, павятовага урадоўца, каб заставадзяржавец узяў свае грошы, і калі б той адмаўляўся іх браць, то „віж“ урадовец бярэ грошы і перадае ў дзяржаўную скарбніцу, а людзі зварачваюцца заставадаўцу.[3]),[4])[5]),[6])

Калі б хто-небудзь (трэцьцяя асоба) атрымаў з якой-небудзь прычыны ўласнасьць над застаўнымі людзьмі, альбо застаўнымі землямі, то першы заставадзяржаўца павінен „ачысьціць“ людзей і землі ад гэтае трэцьцяе асобы, а калі ня зможа, то сам павінен будзе заплаціць шкоду першаму заставадаўцу (гаспадару).[7])

Літоўскі Статут 1566 г. ўносіць толькі некалькі новых артыкулаў і часткова дапаўняе і зьмяняе артыкулы Статута 1529 года. На гэтых зьменах, дадатках і новых артыкулах неабходна спыніцца, каб не паўтарацца. Так, Статут 1566 г. уносіць новае тым, што па арт. 15, разд. 7, у выпадку заставы рухомай рэчы з агаворкай у лісьце выкупіць яе праз год, а калі ня выкупіць, то гаспадар траціць на яе права, заставадзяржаўца павінен зьвярнуцца да ўраду і тады пры нявыкупе рэчы можа атрымаць яе на вечнасьць.[8])

Новы элемент мы бачым у гэтым зварачваньні да ўраду, які зьяўляецца афіцыйным органам. Ён упарадкавае права заставы, надае яму афіцыйны характар, а, разам з тым, пераводзіць застаўное права з рэльсаў прыватнага права на рэльсы права публічнага. Дзяржава відаць, наогул, зацікаўлена ў упарадкаваньні і устанаўленьні пэўных юрыдычных форм інстытуту застаўнага права.[9])

Артыкул жа 17, Статута 1566 г.[10]) разьдзелу 7-га, ўносіць у параўнаньні са Статутам 1529 г., разд. X, арт. 11, тое, што павялічвае суму штрафа, які выплачвае заставадзяржавец заставадаўцу у выпадку гвалту ад 12 коп грошэй да 20 коп грошэй, але гэты артыкул нічога не кажа аб уплаце грошэй гаспадару.

Ён жа яскравей малюе і ляпей растлумачвае выпадак, калі паміж заставадзяржаўцам і заставадаўцам зьявіцца трэцьцяя асоба, якая адбярэ людзей, альбо зямлю, а той, у каго будзе адабрана зямля ці людзі, не захацеў бы судзіцца, у такім выпадку таго, хто пакрыўдзіў гэтую асобу, клічуць у суд, і прапануюць яму „ачысьціць“ (імяньне)

---

1) Літ. Стат. 1566 г., р. 7, арт. 11, b. Apch. Kamis. praw.
2) Літ. Стат. 1588 г., р. 7, арт. 0.
3) Літ. Стат. 1529 г., р. X, арт. 11.
4) Літ. Стат. 1566 г., р. 7, арт. 17 Arch praw polskich..
5) Літ. Стат. 1588 г., р. 7, арт. 22.
6) Літ. Мэтр., II Кн Судн. дел, ліст 39.
7) Літ. Стат. 1529 г., р. X, арт. 12.
8) Літ. Стат. 1566 г., р. 7, арт. 15.
9) Літ. Стат. 1566 г., р. 7, арт. 15—arch. Kamis. praw.
10) Літ. Стат. 1566 г., р. 7, арт. 17—arch. Kamis. praw.

маёмасьць (маёнтак). Калі ня будзе самаго адказчыка, то той, каго выгналі ці выбілі з гэтай заставы, сам шукае адказнасьці таго, хто яго выбіў.[1])

Артыкул 18, Статута 1566 г. у разьделе 7-ым прыводзіць новы выпадак. Калі ў гадавой заставе знаходзіцца рухомая рэч, але не дзядзіцства лежачае, і заставадаўца у гэты тэрмін ня выкупіў заставы альбо не хацеў выкупаць яе, то гэтую справу разьбірае суд і даручае прадстаўніку ўлады рухомыя рэчы прадаць, а што атрымае за іх звыш застаўной сумы, павяртае таму, чыя застава. Калі б заставу прадалі раней году, суд устанаўляе год і чатыры тыдні, на працягу якіх заставадаўца можа выкупіць заставу.[2]),[3]) А калі ён і пасьля гэтага ня выкупіць, то застава прадаецца, як зазначана вышэй.

Артыкул 19, Статута 1566 года, у разьделе 7-ым, трактуе аб заставе коней і валоў на год, ці на іншы тэрмін, і аб тым выпадку, калі яны ў заставе падохнуць бяз віны заставадзяржаўца, які іх ня біў, не парваў (не надарваў), голадам не марыў.

У такім выпадку заставадзяржаўца за іх не плаціць, толькі павінен паказаць гаспадару скуру, но грошы, якія аддаў за заставу, губляе альбо траціць.[4]),[5])

Статут 1566 г. прадугледжвае выпадак, калі рухомыя рэчы, аддадзеныя ў заставу, ці для захаваньня, разам з хатнімі рэчамі гаспадара, пакралі б, альбо яны згарэлі, то пасьля прысягі заставадзяржаўца перад судом, што ён не карыстаўся гэтымі рэчамі і не далучыў іх да сваіх пажыткаў, заставадзяржавец лічыцца вольным. Калі б аказалася, што ўласныя рэчы заставадзяржаўца цэлы, а пакрадзены альбо згарэлі рэчы заставадаўца, то заставадзяржаўца павінен усе гэтыя рэчы павярнуць, альбо уплаціць за іх заставадаўцу.

Калі ж гэтыя рэчы застаўляліся за пэўную суму грошэй, то ён павінен узяць гэтую суму грошэй, а рэчы тыя вярнуць, купіўшы іх.[6])

Пры аддаваньні маёмасьці ў заставу складаецца застаўны ліст.

У тым выпадку, калі б застаўныя лісты згубіліся па дарозе, альбо яны загінулі ад агню, вады, ці яшчэ з якой небудзь прычыны, дзяржаўца гэтых лістоў павінен быў паведаміць ўрад ці „гаспадара“ аб гэтай страце.[7]) Калі б справа аб заставе даходзіла да суда, то той, каму лісты належалі, выстаўляў у судзе „добрых“ сьведак, „веры годных“.

Сьведкі гэтыя павінны былі праз прысягу разам з дзяржаўцам лістоў даказаць, што яны бачылі гэтыя лісты, памятаюць іх зьмест і знаюць, што яны страчаны.

Калі гэта яму удавалася пры дапамозе „добрых“ людзей і прысягі даказаць, то суд даваў дазвол заставадзяржаўцу атрымаць рэчы, застаўныя лісты на якія загінулы.

Статут 1566 г. устанаўляе некаторую стройнасьць, дадае некаторыя артыкулы да Статута 1529 г., папаўняе яго, ўносіць тыя корэктывы, якія вымагала само жыцьцё.

Так, як бачылі, ён закранае пытаньне аб становішчы старон, калі загінуць застаўныя лісты, згараць альбо зьнікнуць застаўныя рэчы па нядбайнасьці заставадзяржаўца і без яго віны. Статут 1566 г., трак-

---

1) Літ. Стат. 1588 г., р. 7, арт. 22.
2) Літ. Стат. 1566 г., р. 7, арт. 18, b. Arch Ķamis praw.
3) Літ. Стат. 1588 г., р. 7, арт. 28.
4) Літ. Стат. 1566 г., р. 7, арт. 19 выд. Arch Ķamis. polskien.
5) Літ. Стат. 1588 г., р. 7, арт. 29.
6) Літ. Стат. 1566 г., р. 7, арт. 20, выд. Arch Ķamis prawin.
7) Літ. Стат. 1588 г., р. 7, арт. 30.

туючы аб заставе зямлі і людзей, выплачвае 20 коп грошэй кожнаму, а Статут 1588 г., як і Статут 1529 г., выплачвае толькі 6 коп грошэй.

Па статуту 1588 г. разд. 7, арт. 29., пры страце застаўленага каня ці вала, заставадавец выплачвае палову грошэй і атрымоўвае скуру загэтых жывёлін, па Статуту ж 1566 г. ён скуру атрымоўвае, але і заставадзяржаўцу нічога ня плаціць, нават, і палавіны.[1])

Статут 1588 г. у арт. 30 прадугледжвае фармальны бок пры складаньні застаўных лістоў, ляпей кажучы, прыдае ім фармальны выгляд. Ен пачынаецца так: „Уставуем теж, хто бы каму хотел рэчы рухомые заставити, або в захованье дати, тогды на таковые рэчы на обе стороне для ўпевненьня листы межы себе под печатьми своими и печатьми людей добрых мають давати“. Цікава, што артыкул 13, разд. VII, Статута 1588 г. адзначае цяганіну па застаўных справах.[2])

„Многие люди звыкли о речы давные застаралые менуючы заставу один другога ку праву потегати и тым цяжкасьці старонам и враду непатрэбное задавати“.

У такіх выпадках, калі пакліканы на суд пра заставу свайго іменьня нічога ня ведаў і лічыў яго айчызнай ці мацярыстай спадчынай, ці так набытым, і ссылаўся на земскую даўнасьць, справа не магла распачацца, бо Статут яскрава кажа: калі заставадаўца дзесяць і болей гадоў маўчаў пра заставу, то і надалей павінен маўчаць і заставу траціць. Заставадзяржавец волен распраўляцца з застаўнымі сялянамі.

З ўсяго вышэйзазначанага мы бачым, што застаўная вотчына павяртаецца заставадаўцу.

Права карыстаньня прыбыткамі з застаўненага іменьня належыць заставадзяржаўцу.

Права ж распараджэньня забараняецца, нейтралізуецца.

Погляд на заставу, як на часовы пераход права ўласнасьці, няправільны,[3]) хоць яго і забараняе Мэйер, падмацоўваючы юрыдычнымі актамі, якія можна тлумачыць парознаму. Закладзеная рэч у актах называецца „парукай“.

Права ўласнасьці на закладзеную рэч, як мы бачым з вышэйзазначаных артыкулаў, узьнікае ня з моманту аддачы маёмасьці у заставу, а з моманту прасрочкі выкупа заставы.

Агульная сутнасьць інстытуту заклада застаецца тая самая.

Закладваюць рухомыя рэчы.

Статут не адрозьнівае заставы ад заклада.

Закладзеная рухомая рэч пераходзіць у рукі крэдытора, але крэдытор не атрымоўвае права ні карыстацца, ні распараджацца гэтай рэч'ю,

Заклададзяржавец пры выкупе павінен павярнуць рэч такой самой, якой ён яе атрымаў.

Ад яго гэтага не вымагаецца ў выпадку крадзежа рэчы, альбо калі яна загінула ад прыродных умоў.[4]),[5]),[6])

Наша сучаснае застаўное права, права СССР, а таксама і БССР, ня ведае раздзяленьня заставы на заставу нярухомых рэчаў у выглядзе маёнткаў і зямлі, як гэта водзіцца у буржуазных краінах, аж дагэтуль.

Зямля у СССР ня можа быць прадметам заставы.

---

1) Літ. Стат. 1588 г., р. 7, арт. 29.

2) Літ. Стат. 1588 г., р. VII, арт. 13.

3) Мейер „Древнее русское право залога“. Юрыдыч. сбор 1855 г., стр. 249. А. Юрид. № 244.

4) Праф. Таўсталес. „Сущность залога в историческом развитии по русскому гражданскому праву“. Ж. М. Ю. 1898 г., № 8 и 9.

5) Проф. Владимирскій—Буданов. „Христоматія по исторіи русскаго права“, 1876. вып I.

6) Проф. Владимирскій—Буданов „Обзор исторіи русскога права“, 1915 г.

Па Літоўскіх жа Статутах 1529 г., 1566 г. і 1588 года прадметам заставы зьяўляецца ня толькі зямля, але і людзі.[1]),[2])

Прынцыпы прыватнай уласнасьці пад час Літоўскіх Статутаў былі непарушымымі, вось чаму шляхта, якая пасьля зьліваецца з буйнымі земляўласьнікамі, амаль не феодаламі, набывае права заставы сваіх зямель, сваіх маёнткаў, а вышэй намі было зазначана, што гаспадарскія маёнткі таксама аддаваліся часта у заставу, каб знайсьці выхад з крытычнага фінансавага становішча.

Асновай застаўнага права зьяўляюцца абавязковыя адносіны, устаноўленыя сілай дагавору.

Асновай заставы зьяўляецца пазыка. Вось чаму Літоўскія Статуты зьвязываюць заставу з дагаворам пазыкі.

Суб'ектамі заставы зьяўляюцца заставадаўца і заставадзяржаўца, аб'ектамі заставы зьяўляюцца рэчы, маёнткі, землі і людзі.

Заставадзяржаўца зьяўляецца па Статутах крэдыторам, а заставадаўцам можа быць і не сам даўжнік, а асоба, якая згодна аддаць сваю рэч у забясьпеку абавязацельства.

Пры заставе, як вышэй было зазначана, выдаваўся застаўны ліст.

Мала быць ўласьнікам рэчы пры яе заставе, неабходна быць дзеяздольным, гэта значыць, мець права на ўласнасьць.

Застаўное права адносіцца да рэчавога права ужо па пазьднейшых заканадаўствах. Застаўное права можа пераходзіць ад аднэй асобы да другой.

Заставадзяржаўца зацікаўлен у тым, каб рэчы, альбо маёмасьць, пад якую ён даў пазыку, захавалася у цэласьці. Пасьля выкананьня застаўнага дагавору, заставадавец мае права атрымаць усё, што было у заставе с ўзваротам. Калі б заставадаўца ня выканаў усіх умоў, а мелася б многа крэдытораў, то яны атрымоўваюць па чарзе свае грошы, а застава прадаецца.

Забясьпекай крэдытора зьяўляецца маёмасьць даўжніка заставадаўца. Заставадзяржаўца выбірае рэч, альбо маёмасьць з людзьмі ці бяз іх, што і зьяўляецца забясьпекай доўгу.

Застаўное земляўласьніцтва, як падкрэсьлівае праф. Ў. І. Пічэта, шырока распаўсюджваецца на тэрыторыі Літоўска-Беларускай дзяржавы.[3])

Па статутах 1529 г., 1566 г. і 1588 г. мы сустракаемся з чыстым відам застаўнога права.

З гэтага застаўнога права выцякаюць усе зьдзелкі застаўнога характару.[4]),[5])

Так з скаргі сыноў нябожчыка Васілія Трызнына Афанасія Трызнына з яго братамі на Пятра Заранькові́ча відаць, што ён быў вінен нябожчыку 30 коп грошэй і заставіў за гэтыя грошы 4 службы і сваіх людзей. Суд пастанавіў, што калі у сярэдзіне паста Заранькові́ч не заплаціць 30 коп грошэй, то чатыры службы застаюцца ім, калі не паслухаецца суда, то Заранькові́ч павінен заплаціць ваяводзе Троцкаму 10 руб. грошэй, дзяржаўцу Валкавыскаму 5 рубл. грошэй, а суду грош на грош „навезкі“ і шкоды.[2])

Тут мы бачым, што застаўное права мае у сабе і публічны момант. Прадстаўнікі улады, якія клапацяцца аб інтарэсах гандлю, земляробства, аб інтарэсах буйных земляробаў і агульных дзяржаўных

---

[1]) Літ. Мэтр., II Кн. Судн. дел, ліст. 168.
[2]) Літ. Мэтр. II Кн. судн. дел, ліст. 4, 7838.
[3]) Проф. В. И. Пичета. „История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии“.
[4]) Літ. Мэтр. II кн. судн. дел, л. 27, 30.
[5]) Літ. Мэтр. II кн. судн. дел, л. 4.

інтарэсах, уводзяць у інстытут застаўнага права публічны прававы элемент. Акрамя адказнасьці, прыватнай зацікаўленай асобе і уплаты ёй убыткаў, накладаецца штраф, які уплачваецца прадстаўнікам ураду, у інтарэсах пляніраванай дзяржаўнай гаспадаркі, каб ня было пры заставе ніякіх правапарушэньняў і выключэньняў. Літоўскія Статуты ведаюць заставу „асоб выданых в чужую моц з яго статкамі“[1]) і гавораць таксама аб застаўных людзях, як і іншыя помнікі Літоўска-Беларускага права, у тым ліку і Літоўская Мэтрыка.[2]),[3]) „Руская Праўда“ гаворыць аб нявольніцтве за даўгі;[4]) Літоўска-беларускае права ведае часовае пазбаўленьне волі да заплаты доўга, яно ж ведае і застаўных людзей. Adamus кажа: „Jest to wraz z właściwym zastawem egzekucyjnym forma, która udziela wierzycielowi pewnej władzy nad daną osobą. Osoba taka zwie się zastawioną, podaną, wydaną.“[5])

Заставатрымаўца трациў застаўное права і застава пераходзіла да рук заставадаўцы, калі заставадзяржаўца ня меў рэчы у дзяржаньні і калі ён на працягу 10 гадоў не атрымаў яе у дзяржаньне.

Заставадаўца меў таксама права перадаць сваё права ўласнасьці заставатрымаўцу і, наадварот, апошні меў права адмовіцца ад свайго права. Застаўныя зьдзелкі былі тэрміновыя і бестэрміновыя.

Земская даўнасьць не распаўсюджваецца на застаўное ўладаньне, бо заставадзяржаўца, атрымаўшы зямлю у заставу, не зьяўляецца распарадчыкам ўладаньня. Застаўное права спрыяла пераходу вялікай колькасьці зямлі у прыватныя рукі, у рукі шляхты, буйных земляўласьнікаў. Да іх жа рук перайшло шмат гаспадарчых зямель.[6]),[7]) Асновай застаўнага права зьяўляюцца абавязковыя адносіны, устаноўленыя сілаю дагавора.

Статут 1588 г. прадугледжвае форму заставы.[8])

УВАГА: Спасылкі, якія я прываджу у сваёй працы, адшуканы мной у „Літоўскай Мэтрыцы“ пад час заняткаў у маскоўскім „Древлехранилище“ улетку 1927 г.

А. Т.

Менск.

$19\frac{I}{III}28$ г.

---

[1]) Літ. Стат. 1529 г., р. V, арт. 17.
[2]) Літ. Мэтр. II кн. судн. дел, л. 38,40.
[3]) Літ. Мэтр. II кн. судн. дел, л. 162, 168.
[4]) Goetz „Das rüssische Recht“. T. III, стр. 254.
[5]) I. Adamus „Zastaw w prawie litewskiem“. Pamiétnik Historyczno-prawny, wydawany pod redakcia Przemyslawa Dąbkowskiego. Стр. 128.
[6]) Літ. Стат., 1529 г., р. 2, арт. 1.
[7]) Літ. Стат., 1566 г., р. 2, арт. 1.
[8]) Літ. Стат., 1588 г., р. 2, арт. 1.

Проф. И. И. Крыльцов.

Из истории классовой борьбы в России XVIII века.

„Третий род людей“ в составе б. законодательной комиссии 1767-1774 г. г.

Оба низовых слоя городского и сельского населения в XVIII веке назывались „третьего рода“ или „подлыми“ людьми, т. е. худородными, бесправными.

Правительство впервые за XVIII-й век „позвало“ их к устроению государственной жизни в знаменитую, но бесплодную законодательную комиссию 1767-74 г.—этот quasi парламент на русско-крепостнической почве.[1])

Корни законодательной комиссии 1767-74 г. г. несомненно протянулись даже до второй половины XIX в., отразившись, например, в крестьянской реформе 1861 г. Литература о знаменитой комиссии значительна, но над бесправным положением „подлых“ людей, в частности над помещичьими крепостными, прежняя, научная литература часто проливала слезы...[2]) *Настоящая работа своей задачей ставит познавание и освещение вопроса о „подлых“ лишь в плоскости соотношения борющихся сил государства* и при том в его динамике, т. е. включая в исследование и время после роспуска комиссии в особенности Пугачевщину с выявившимися в ней социальным составом и желаниями „третьего рода“ людей.

Таким образом *ретроспективным* путем исследователь надеется раскрыть истинное лицо масс „подлого люда“ по отношению к бесплодной комиссии. Насколько известно пишущему эти строки в такой ретроспективной постановке научных работ почти не было, почему настоящая попытка может явиться небезынтересной. Затем—даже такая обширная работа, как монография А. В. Флоровского („Состав Комиссии 1767-74 г. г.“) (записки Новорос. У-та, Одесса, 1915 г.)[3]) не вскрывает до конца юридической природы таких вопросов, как передача депутатами комиссии мандатов, их vinculum juris. На этих вопросах настоящая работа также остановится.

Как известно Комиссия была задумана очень широко. Ее постигла полная неудача. О причинах последней в научной литературе до последнего времени существовали различные мнения. Нынче они должны быть подвергнуты научной проверке с учетом неискренности Екатерины II-й вследствие ее скованности сословно-классовыми противоречиями. Иначе, в истории комиссии остается ряд непримиримых странностей. В самом деле „плакали многие депутаты комиссии“, говорит дневная записка третьего заседания комиссии, заслушав чтение Большого Наказа. „И слезы эти умножились, когда прочли статью: боже

[1]) Проф. В. И. Бочкарев называет комиссию прямо парламентом (см. его: „Вопросы политики в русском парламенте XVIII века“. Издательство, „октябрь“, 1923 г.)

[2]) Немногочисленная марксистская литература, начиная с М. Н. Покровского „Р. История“, 3, М. 1924 г., кончая В. Н Бочкаревым, назв. сочин., конечно, является исключением.

[3]) Работа А. В. Флоровского в некоторых частях почти исчерпывающа. Этого нельзя сказать о части, говорящей о „подлых людях“.

сохрани, чтобы после окончания этого законодательства был какой народ больше справедлив и следовательно процветающ".[1]) С таким под‘емом началась работа законодательной комиссии. Она окончилась ничем при настроениях далеких от умиления, по крайней мере у одной части депутатов. Не трудно догадаться каких, равно как и чьи из депутатских слез были искренними, а чьи притворными раз было известно, что высокий автор Б. Наказа—императрица любила наблюдать из своего „инкогнито" „прилежание, восхищение и сердечное движение чувствий депутатов в Собрании".[2]) „Третий род" людей под конец комиссии убедился, что ему полезнее не слезы, а что-то другое...

I. Представительство от третьего рода людей.

Под тяжелым прессом Правительства, под большим сомнением родилось, как известно, представительство в Комиссии от „подлого" люда, в особенности от крепостных *крестьян*: в черновом проекте оно было похоронено; но затем так называемым „свободным" (не владельческим) крестьянам было предоставлено на волю: „присылать, или не присылать" депутатов. Еще-бы: ведь не зря же появился тогда слух об одном мнении: „комиссия из представителей—дело славное на всю Европу, но ведь так могут рушиться и *устои*". Однако, „подлых" позвали. Они охотно откликнулись на призыв, несмотря на крайнюю неравномерность представительства по сравнению с „благородными" (дворянством), выбиравшими депутата от уезда, тогда как крестьяне могли выбирать лишь от провинции, обнимавшей несколько таких уездов. Крестьянские выборы были многостепенными, тогда как дворянские прямыми,—несмотря на все это „третий род людей" охотно послал своих депутатов в Комиссию заседать рядом с всемогущим тогда дворянством феодальной складки и начинавшим крепнуть купечеством. Участие крестьянских депутатов в работе Комиссии мало обследовано и не ясно в науке. На эту неясность, в особенности ввиду долгое время отсутствовавших крестьянских наказов, жаловался еще В. И. Сергеевич. Но потом этот вопрос до известной степени был выяснен исследованиями Липинского, Флоровского, Кудряшева, Бочкарева, пишущего эти строки и других.[3])

И все же далеко не вполне.

Состав всех депутатов в Комиссии в общем итоге, по наичаще приводимым данным в исторической науке, складывался из нижеприводимых цифр; и нам нужно осветить их лишь согласно выше поставленной задаче. Именно: дворянских депутатов было 161, городских (исключительно почти торгового класса) 208, *крестьянских 79, казацких 54, иноверческих* (разных народностей) 34 и от правительственных мест (можно сказать чиновничьих) 28, всего 564 депутата. К числу депутатов „третьего рода" надо отнести часть казацких депутатов, когда они представляли рядовое казачество, и в особенности иноверческих, представлявших собою разные народности из тех же крестьян.

В числе же городских депутатов, как нынче выяснено, депутатов от людей „нисшей" статьи, можно сказать, не видно, почему и при-

---

[1]) Сборник Русского Исторического Общества, т. IV, стр. 59.

[2]) Сидела за занавесом (там-же, стр. 54).

[3]) Название этих работ: Липинский: „Новые данные" (Ж. М. Н. Пр. 1887 г.) Флоровский „Состав Ком. 1767-74 г. г." (Записки Новорос. У-та Истор.-Фил. Ф-та, Одесса, 1915 г. и отдельно); Кудряшев „Отношение населения к выборам в Екатер. Ком." (Вестн. Европы, 1909, 11-12 стр., 106 и след.); Крыльцов—„Отношение населения в лице „третьего рода людей" к законод. Комис. 1767 г." (Ж. М. Н. Пр. 1917 г. июль-август); Бочкарев—„Земельные нужды русской деревни" (в Сборнике Ключевскому), он-же „Вопросы политики в русском парламенте XVIII в."—1923 г.

дется сосредоточить внимание по преимуществу на сельских депутатах.

Из нижеприводимой депутатской таблицы видно, что в большинстве губерний, за исключением Казанской и Астраханской, число депутатов от дворянства и людей второй статьи (купечества) подавляющее. Наоборот, только в Казанской и Оренбургской губерниях число депутатов „третьего рода" людей превосходит число депутатов „высших" классов: в первой более, чем в три раза, во второй в два. Отсюда уже может быть ясным, почему, именно, эти губернии дали потом горючий материал для Пугачевщины. Тоже, пожалуй, отчасти можно сказать и об Астраханской губернии, где число депутатов равное.

Иноверцы (народности) Казанской и Оренбургской губерний—это все бывшие ясашные, новокрещенные и другие крестьяне. Все вместе они представляли ту „черную Русь", где вспыхнули с особенной силой восстания после роспуска Комиссии 1767—74 г. г.

Цифры нижеприводимых депутатских таблиц так показательны, что вызывают почти на предсказания и выводы, именно,—что независимо от прочих причин уже одна, так сказать, политическо-социальная география предопределяла в случае неудачи Комиссии районы борьбы и политической, и социальной.

Сведем общую картину представительства, обычно дававшуюся в прежней научной литературе, в нижеследующую таблицу:

Губернии:	Крест.	Двор.	Горож.	Казаки	Иноверцы	Итого
Московская . . .	6	49	58	—	—	117
Киевская	1	—	1	—	—	2
Петербургская . .	—	3	3	—	—	6
Новгородская . .	4	13	20	—	—	42
Казанская . . .	**28**	5	16	—	**13**	62
Астраханская . .	2	1	11	**10**	—	24
Сибирская . . .	4	—	10	2	2	18
Иркутская . . .	1	—	5	—	3	9
Смоленская . . .	1	5	5	—	—	11
Эстляндская . . .	—	4	2	—	—	6
Лифляндская . .	—	4	4	—	—	8
Выборгская . . .	4	1	4	—	—	9
Нижегородская . .	4	4	7	—	1м	16
Малороссийской .	—	11	10	11	—	32
Слободской . . .	2	5	5	3	—	15
Воронежской . .	8	17	16	8	2	51
Белогородской . .	4	17	13	1	—	35
Архангельской . .	3	6	13	—	3	25
Оренбургской . .	**7**	3	4	**10**	**10**	34
Новороссийской .	**2**	8	1	7	—	18
	—	—	—	—	—	**564**

Всего депутатов *в процентах:* крестьянских 14, дворянских 30, городских 39, остальные от казаков н иноверцев.

Более подробные сведения о депутатах „третьего рода" сведем тоже в другую таблицу, воспользовавшись данными обширной позднейшей монографии А. В. Флоровского. Они будут несколько отличаться от прежних данных как в отношении детальности цифр, так и размера их относительно крестьян (русских) иноверцев (инородцев, народностей, национальностей) и казаков.

 ТАБЛИЦА ДЕПУТАТОВ

(от крестьян, народ

		Однодворцы	Стар. служб. служ. люди.	Госуд. крестьяне	НАРОДНО					
					Татары.		Чуваши.		Черемисы.	
					Некр	Кр.	Некр	Кр.	Некр	Кр.
	КАЗАНСКАЯ губ.									
Провинц.	Пензенская	1	1	—	1	—	—	1	—	—
	Пермская	—	—	1	1	—	—	—	1	—
	Казанская	1	1	3 пр.	3	1	1	1	—	1
	Вятская	—	1	1 пр	1	—	—	—	—	—
	Свияжская	1	1	—	2	—	—	1	1	—
	Симбирская	1	1	—	1	—	—	1	—	—
		—	**14**	—	—	—	—	**23**	—	—
	ОРЕНБУРГСКАЯ губ.									
Провинц.	Уфимская	—	—	—	—	1	—	—	1	—
	Исетская	—	—	1пр	1	—	—	—	—	—
	Ставропольская	—	—	—	1	—	—	—	—	—
	Приг. Сергиевск.	1	(1)	—	—	—	—	—	—	—
	Отст. драгуны	—	2	—	—	—	—	—	—	—
				5(4)						
	СИБИРСКАЯ губ.				1	1				
Провинц.	Тобольская	—	—	1 прип.	—	—	—	—	—	—
	Енисейская	—	—	1 прип.	—	—	-	—	—	—
	Екатеринбург. вед.	—	—	1 прип.	—	—	—	—	—	—
	ВОРОНЕЖСКАЯ губ.	1	—							
Провинц	Тамбовская	1	—	—	1	—	—	—	—	—
	Шацкая	1	—	—	1	—	—	—	—	—
	Елецкая	1	—	—	—	—	—	—	—	—
	Креп. Св. Дмитрия	1	—	—	—	—	—	—	—	—
	ИРКУТСКАЯ губ.				Брат. бур.					
Вед.	Нерчинское	—	—	—	1	—	—	—	—	—
	Селенчинское	—	—	—	1	—	—	—	—	—
	Якутское	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Провинц.	Иркутская	—	—	1деп. куп.	—	—	—	—	—	—
	АРХАНГЕЛЬСКАЯ губ.									
	Мезенский у.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Острог. Кольский	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Остр. Пустозерск.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Провинц.	Архангелогород	—	—	1	—	—	—	—	—	—
	Великоуст.	—	—	1	—	—	—	—	—	—
	Вологодская	—	--	1	—	—	—	—	—	—
	НИЖЕГОРОДСКАЯ губ.									
Провинц.	Алатырская	1	1	—	1	—	—	1	—	—
	Нижегородская	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Губернии	Московская	2	4	—	—	—	—	—	—	—
	Новгородская	—	2	2	—	—	—	—	—	—
	Астрах. (г. Серг.)	—	1	1	—	—	—	—	—	—
	Выборгская	—	—	4	—	—	—	—	—	—
	Белогородская	3	1	—	—	—	—	—	—	—
	Слободская	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Новороссийск.	1	—	1	—	—	—	—	—	—
	Малороссийск. (и воской Запорож.)	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		17	**18**	**21**	**20**		**6**		**4**	
		56								

*) См. А. В. Флоровский „Состав" стр. 454—5, 469 и 484—5.

ПРИМЕЧАНИЯ: (по А. В. Флоровскому)

1) Очевидно имея в виду и жив. в предел. губ. отставных солдат.

2) В действительности это казаки не в настоящем, а в прошлом.

3) Депутат Елисаветградской провинции С. Мороз был представителем не казаков, а вообще поселян.

ностей и казаков *)

С Т И.			Башкиры.	Мещеряки.	Самоеды.	Остяки.	Якуты.	Лопари.	Калмыки.	Бухарцы.	Тептеря.	ИТОГО.	Казаки.	ВСЕГО.
Вотяки.		Мордва (кр).												
Некр	Кр.													
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—
1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15	—	—
—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—
—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	**37**	—	**37**
—	—	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	5	10¹)	—
—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	1	5	—	—
—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	3	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—
		12										**17**		**27**
						2				1		5	2	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
												8	—	**10**
—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	8	—
—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
												1	—	—
												9		**17**
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
												4	—	**4**
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
												6	—	**6**
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
												5	—	**5**
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	1²)	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5³)	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	7(6)	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11	—
												22	24	46
4		4	3	2	2	2	1	1	1	1	1	108	44	152
		52												

Общая цифра казацких депутатов рознится по ежемесячным ведомостям: то 44, то 54 то 53. Казацкие депутаты представляли, то казаков (рядовых), то их старшину. В общем крестьян и народностей было свыше 19%, казаков всех вместе со старшиной—8%.

Но как же встретили „*подлых*" депутатов в Комиссии?

Не посадят ли их отдельно в новой „ответной" палате, как это было при составлении Уложения 1649 г., или во Французских Генеральных Штатах и не уйдут ли депутаты „третьего рода" в свой Geu de paumme для самостоятельного решения государственных дел, как то произошло через двадцать лет и положило начало Французской революции?

Ничего этого не случилось!

И по ходу вещей и не могло случиться в связи с желанием Императрицы лишь блеснуть перед „просвещенной" Европой. Крестьянские депутаты были представлены несоответственно малым процентом от общего числа членов Комиссии, в которой наибольшая группа депутатов была представлена даже не дворянами, а вторым сословием, создавая таким образом, как впервые заметил еще проф. Дитятин[1]), совершенно несоответствующую картину не дворянско-земледельческой, а торгово-промышленной России, какой она не только в то время, а и потом, даже в первой половине XIX в., не была.

Но странностей в комиссии 1767 г. мы и дальше увидим не мало...

Однако вернемся к депутатам „подлых".

Прибыв в Комиссию они встретили многое необычное: они не только посажены вместе с блестящим дворянством, и сытым купечеством, но в обращении к ним—„подлым" даже вельможные и сановные депутаты обязаны всегда прибавлять слова: „господин депутат"; наконец, им присвоены небывалые дотоле льготы, связанные исключительно с их депутатским званием.

Роздали им, как и другим депутатам, знаки депутатского достоинства с надписью: „блаженство каждого и всех" и проч. („Обряд Управления Комиссией" 1-е П. С. З., т. XVIII, № 12948).

И все же... слово „подлый", хотя и не имевшее в то время своего нынешнего одиозного значения, нет-нет, да и вспыхнет внезапно в разгоревшихся прениях.

Чувствуется разница и в том, что депутатам „третьего рода" было назначено вознаграждение значительно ниже, нежели дворянским депутатам.

Но в общем возможность совместной работы, казалось, не исключалась, и нам остается рассмотреть: как этим воспользовались депутаты „подлых" людей в Комиссии, что и будет иметь ниже свое место...

II. Vinculum juris мандатов законодательной комиссии 1767-74 г. г. и юридическая природа передачи их депутатами.

Депутаты привезли с собой наказы-мандаты. Возникает вопрос о vinculum juris мандатов, т. е. насколько были связаны депутаты со стороны их избирателей? Утратил ли наказ свое прежнее, идущее в Европе из средних веков, частно-правовое, связующее значение или нет? Если же сохранил, то в какой мере? Будут ли депутаты 1767 г., как то было, например, на Земском Соборе о составлении Уложения 1649 г., просить „береженых" грамат против гнева своих избирателей за неудовлетворенные их челобитья?

Этого нет. Но прослеживание источников Большой Комиссии 1767 г. указывает на любопытные остатки этой связанности, отмечен-

1) Проф. Дитятин „Статьи"...

ные впервые проф. Липинским.[1]) Это, например, когда депутат[2]) обращается за своими издержками не к кому иному, как к своим избирателям.[3]) В общем во взаимоотношениях между выборными и избирателями Уложенных Комиссий 1649 г. и 1767 г. существенная разница. В последней связующая сила мандатов совершенно ослаблена, что видно хотя-бы из следующего: депутаты применяли своеобразный *прием передачи полномочий* другому депутату, выбранному на известных условиях (адекватности—в своем сословии).

Строгое начальство—маршал (председатель) комиссии и еще более строгий (почти грозный) генерал-прокурор допускали эту передачу как должное.

Равным образом и *„прием“* должности в кавычках, возвратившимися депутатами маршал и генерал-прокурор допускали на решение собрания.

Природа передачи полномочий депутатами Б. Комиссии 1767 г. в историко-юридической науке все еще не вполне выяснена.[4])

Заглянем в источники, например, в запись дневной записки 6-го заседания. Из конца ее видно, что депутат Василий Баскаков, будучи выбранным от двух мест, депутатство свое от „канцелярии опекунства иностранных“ (sic!) сдал советнику Григорию Козицкому, а дворянский депутат (Мещевский) князь Алексей Козловский сыну своему князю Петру Козловскому. Точно также дворянский депутат Лев Батюшков *по причине болезни* сдал депутатство свое капитану И. Трусову. Наоборот депутат *города* Елатьмы Ив. Шукин, заявив что у него сгорел дом (в Елатьме), сдал депутатство свое того же города купцу П. Хлебникову. Собрание на все эти перемены согласилось.[5]) Далее, в дневной записке 2-го заседания читаем, что депутат от крестьян (Каргопольск. уезда В. Белкин) сдал свое полномочие из тех же черносошных крестьян Академии Художеств резчику Федору Титову. Собрание из'явило и на это согласие.[6]) Поводы к передаче, как видим: общественное и даже частное (семейное) бедствие, также еще получение *избирательного* мандата вместо мандата *по закону*, т. е. от присутственных мест, в каком случае убывающего депутата заступает „чиновник депутат“.[7]) Наконец, случай с князем Козловским говорит о полной свободе передачи мандата с соблюдением лишь условия передачи: дворянин—дворянину, крестьянин—крестьянину, а средний род людей нейтрально-высшему, или нисшему. Согласие избирателей не требовалось по закону, на практике же оно иногда испрашивалось.[8]) Все приведенное выше показывает, что природа передачи полномочий в Комиссии 1767 г.—*парламентская практика* sui generis и только.

Необходимо отметить, однако, одну черту наказов 1767 г., именно, крестьянских наказов. Это необходимость выполнения депутатами „прошений“, помещенных в наказе. Передать (доложить) их в Комиссии выборным надлежало. Постоянное же присоединение кого-либо из

---

[1]) Липинский „Новые данные“ (Журн. М. Н. Просв. за 1887 г.)

[2]) В данном случае Ф. Ермаков от приписных крестьян.

[3]) Надо заметить, что в приводимом примере была в наличности и доля произвола со стороны Ф. Ермакова, вмешивавшегося в заводские работы

[4]) Наиболее подробно об этой см. у А. В. Флоровского, op. cit., стр. 538-561 (анализ мандатов). Его же „К 150-летию манифеста 14 декабря 1766 года“, Журн. М. Ю., декабрь, 1916 г., стр. 267-8.

[5]) Сборник Русск. Истор. Общества, т. 4, стр. 67.

[6]) Там-же, стр. 80.

[7]) Таких в Комиссии, как известно, было 28.

[8]) Ср. Липинский и Флоровский,

депутатов к мнению своего предшественника вызывало суровое порицание маршала.

Из изложенного вытекает, что *частноправовая* (связующая) *сила наказов* в Комиссию 1767-74 г. г. *ослаблена*, так что говорить о полной наличности vinculum juris и следовательно о полной чистоте представительства *по уполномочию* едва ли возможно.

Такова юридическая природа наказов в Комиссию 1767 г.[1])

О значении их, как о ценных исторических источниках, говорилось профессорами Латкиным, Кизеветтером, Архангельским[2]) очень много. И мы этот вопрос здесь исключим, отметив лишь, что текстуальное сходство многих наказов может говорить как об обесценении их, так и о суммирующем значении демонстрации и о сходстве нужд. На этом последнем мнении и настаивает проф. Кизеветтер. Пишущему эти строки думается, что сходство наказов вызывалось сходством экономического положения крестьян, текстуальное же сходство естественнее отнести к пассивности и забитости крестьянства XVIII века.

Время для демонстрации для него тогда еще не пришло: оно надеялось на корону, ей оно и слало свои слезницы.

Когда надеяться было уже не на что, когда Комиссия была распущена—крестьянство во множестве пошло за Пугачевым.

Было бы не безынтересно коснуться дополнений к наказам. Однако, и этого здесь мы себе по недостатку места позволить не можем, равно как и войти в суждение о специальных депутатских мандатах.

III. Правовое и социально-экономическое положение „третьего рода" людей.

Правовое и социально-экономическое положение „третьего рода" людей представлялось следующими чертами: перед нами политически бесправная и *малоземельная* (это надо подчеркнуть) масса населения с отвратительным судом, с невозможным управлением и с несоответствующим, наконец, даже тому времени отсталым законодательством. Ко всему этому совершенно несостоятельная продовольственная и колонизационная политика. На все это раздавались жалобы в Комиссии. В Пугачевщине они явятся лозунгами восстания... Свобода личности! Но она не для крестьян тогдашних... Свобода вероисповедания! Но там ее нет, где исповедь обязательна и к тому же, где духовенство делает из нее монополию поборов. Тоже и в других областях политико-правовой и социальной жизни крестьян даже так называемых „свободных". И они находились под двойным нажимом эксплоатирующего класса ввиде алчных замашек двух „высших" сословий. Что касается крепостного „владельческого" крестьянства, то положение его было

---

[1]) Ср. А. В. Флоровский „К 150-летию манифеста 14/XII-1766 г.", где на стр. 267-8 он говорит: „закон не предусматривает согласия первоначальных избирателей на смену представителя, на практике же проходило по различному: то испрашивалось согласие, то избиратели с удивлением узнавали о своем новом представителе. Закон допускал передачу от крестьян не только крестьянам (кроме крепостных), но и лицам других сословий, не ниже своего.

Значит, выводит А. В. Флоровский, представительство противоречит требованиям представительной системы.

Надо ввести поправку: противоречит лишь нынешней „новейшей" *публично-правовой* системе, сменившей после французской революции *частно*-правовую систему. Это и сам проф. Флоровский впрочем в одном месте признает, (Состав стр. 588-9) когда говорит о двойственном положении депутатов: с одной стороны это поверенные населения, с другой—только лучшие люди, не связанные с населением обязательствами".

[2]) Работы первых двух общеизвестны, последнего—„Погостные наказы 1767 г., как исторический источник". Казань, 1916 (Записки Каз. У-тета за 1916 г.).

уже совершенно невозможным. Впрочем даже „экономических"— „монастырских" крестьян, даже духовенство всячески притесняло, истязало и проч.

А о помещиках и говорить не приходится.

Даже милость барская, выражаясь словами Радищева, была мучением: „сколько было тут погублено девичьих жизней, сколько совершено насилий, сколько тут было горя, терзаний, ужаса и сколько скоплялось негодования, презрения и ненависти..."

Были еще *крестьяне „приписные" к заводам*, родоначальники современного *рабочего класса*. Положение их юридически было промежуточным между крепостными и свободными; но фактически они не без основания называли себя в своих наказах „рабами". Приписные то и дело находились в состоянии восстания и сам маршал (председатель) Комиссии Бибиков провел у них четыре года в усмирениях. „Свободным" крестьянам в особенности при их „экономических изнеможениях" очень легко было очутиться в положении полусвободного „половника", или „приписного", или просто очутиться среди „беглых", массами которых проложены были особые дорожки и дороги на далекие окраины в поисках своей доли и свободы. Что касается крепостных, то не мало их попадало на самую далекую окраину в Сибирь. За мужьями *помещики ссылали* жен, но без детей. Эта, с позволения сказать, *колонизационная* политика, питалась Правительством, ссылавшим туда с своей стороны также преступный элемент, создавала в нашей Каледонии нездоровую атмосферу, которая в Сибири XVIII в. была и без того тяжелой. Задержимся несколько подробней на этой нашей окраине. Своеобразные особенности ее были описаны в восьмидесятых годах минувшего столетия Головачевым, к чему нынче можно присоединить позднейшие данные Сибирских наказов в Комиссию в 1767 г.[1]) Основное для Сибири—это многоземелье и малолюдие. Отсюда невольничий торг и рабство, разцветавшее махровым цветом. Это отсюда раздавались в Комиссии в общем согласном хоре обоих „высших" сословий особенно громкие возгласы: рабов! рабов! Это в Сибири была часть населения, положение которой, как это ни странно, было еще более тяжким, нежели положение крепостных. Новые данные—наказы от Сибирской губернии—с яркостью и силой непосредственного источника рисуют поистине невероятные условия жизни в пограничной Кяхте, в Иркутске „разоренном следственной комиссией (Sic!), в „танталовой" подводной повинности при невероятных пространствах Сибири и перегонах, определяемых мерою административного глаза и „самодержавного" усмотрения даже маленьких чиновников"...

Условия жизни и структура сибирского общества настолько отличались от Российского, что в Законодательной Комиссии несколько заседаний были посвящены обсуждению вопроса о сибирском дворянстве. Тоже богатство материалов и невзгод „подлого" люда дает Сборник Русского Историч. Общества 123-й с наказами другой окраины—*северной*. Профессор В. И. Сергеевич мастерски набросал картину социальной борьбы крестьян за землю, борьбы развившейся на почве введения подушной подати и малоземелья. Бедные требовали отобрания земли у богатых безденежно. Правительством это выполнялось и кроме того подушная подать поравнивалась „вспоможением бедным", что дало повод проф. Сергеевичу иронически воскликнуть: „мы здесь кажется на пути к подоходному обложению"!... Horribile dictu!

---

[1]) См. 134-й Сборник Русского Историч. Общества.

можно было бы прибавить теперь. Вмешательство Правительства выразилось тогда (межевая инструкция!) в отношении отнятия у крестьян права распоряжения пахотной землей со всеми юридическими последствиями отсюда вытекающими и в записи земли за государством... Одним словом по северным наказам видно, как на глазах зарождалось общинное сельское землевладение, явление, как известно, для некоторых мест доисторическое. По поводу всех упомянутых мер (Елизаветинского „революционного“ сената!) профессор Сергеевич иронически заключает: „чем это не социализм“, не отмечая просто, что совершалась хорошо известная в науке перемена картины в институте права собственности на землю, именно,—перехода черных общинных земель к государству в *селах* и наоборот к частным лицам в *городах*. Языком проф. Сергеевича в Законодательной Комиссии 1767 г. говорили богатые крестьяне и мироеды, языком же „социалистической“ в кавычках Тотемской канцелярии—бедные, нежелавшие питаться в хронических голодовках березовым соком и мхом, выталкивая из него подобие муки...

Столь же неудовлетворительно было политико-правовое и социально-экономическое положение и других частей „подлой“ России XVIII в.: и на Украине, с совершающимся на глазах прикреплением крестьян, и на других окраинах, и в центре России. Нет возможности долее останавливать внимание на положении „подлых“ масс населения по их наказам, но в дальнейшем изложении, можно надеяться, даже и после сказанного, будут более понятны речи и деятельность „подлых“ депутатов в Законодательной Комиссии...

Лишь от доподлинных *рабов*, от *владельческих* крепостных, (не позванных в Комиссию) никаких наказов не появится; они не будут свидетельствовать об их нуждах, желаниях и надеждах... Лишь зарева пожаров, лишь бесконечные их волнения и, наконец, грозное шествие к Москве Пугачова говорят сильнее наказов об истощенном терпении и рухнувших последних надеждах на Большую Законодательную Комиссию со стороны крепостного крестьянства.

IV. „Подлые“ депутаты в законодательной работе.

Мы поднялись ступенью выше в познании поставленного вопроса о „третьем роде“ людей в Б. Комиссии 1767—74 г. г.

Но какими же главными чертами рисуется законодательная работа их депутатов? Как работает вся Комиссия, проливавшая слезы над Наказом Императрицы?

Прежнего под‘ема, который мы подчеркнули в самом начале работы, и „умиленных“ депутатских слез давно уже не видно: их сменили охлаждение и озлобление у одних, алчность у других. Депутаты „третьего рода“ несомненно в положении первых и позиция их, как видно из источников, сразу определилась в вынужденном лозунге: „оборона на два фронта, против неистовых притязаний дворянства и купечества, протягивавшего свои руки и в деревню“. Присмотримся ближе к „парламентской“ так сказать работе выборных от „третьего рода“ людей.

В „частных“ комиссиях депутатов „третьего рода“ не видно, но их работа в пленарных заседаниях, при всей своей скромности, не только заметна, но даже значительна, вследствие уже, как бы там ни было, центрального места, которое занимал в Комиссии, как и в жизни, *крестьянский вопрос*, понимая его во всем целом. Обсуждались ли права „благородных“, шли ли прения о купечестве—всюду Комиссия сбивалась на „подлых“ людей, так как эксплуатирующий класс

страстно желал воспользоваться трудом многомиллионного крестьянства: дворянство в сохранении полностью прежних своих прав на крестьянина, купечество в приобретении добавочных рабочих рук в развивающейся промышленности и проч. (заводские крестьяне). В таких условиях работа „подлых“ депутатов незбежно начала протекать, конечно, в плоскости обороны на два фронта. Ничем не прикрытые эксплуататорские цели „нападающих“ дворянства и зарождавшейся буржуазии в области действовавшего и творимого права заставляли иногда депутатов „третьего рода“ вести свое дело с необычайной энергией“. Тогда строгий маршал (председатель Комиссии) не один раз брался за свой жезл и делал замечания „позабывшемуся“ с его точки зрения депутату. Правда, у „подлых“ нашлись немногие защитники и из дворян в лице таких лиц, как например, депутаты Мотонис, Козельский и в особенности Коробьин и случайные попутчики в кавычках как Щербатов, громивший своим красноречием с ораторским под‘емом зарвавшихся купцов крепостников, громивший их как представителей соперничающего класса и развивавшихся тогда промышленности и капитализма.[1])

В общем положение „подлых“ депутатов чрезвычайно трудное и спутанное. Особенно трудное потому еще, что *крупных фигур среди „подлых“ депутатов, впрочем как и среди всей Комиссии за исключением разве Щербатова* и, пожалуй, Коробьина, не было. Тем не менее общее впечатление от работы „подлых“ депутатов, как с внешней, так и с внутренней стороны вполне удовлетворительное: такие выборные от „третьего рода“ людей, как *Чупров* или наиболее демократически настроенные казачьи депутаты, как Алейников[2]), или даже от однодворцев, как Маслов, Жеребцов и другие,[3]) как показывают источники, выступали с речами по близким им вопросам столь же часто и охотно, как и другие деятельные депутаты „высшего“ сословия. Они уступали разве только таким красноречивым и словоохотливым ораторам, как Щербатов, или таким актуальным, как Коробьин. „Подлые“ депутаты не говорили с тем „крайним движением духа“, как, например, это мог делать Щербатов, но речи их полны глубокого знания крестьянского экономического уклада и социально-правового их положения. В этих их речах много скептицизма и охлаждения к Комиссии, много настороженности—как бы не оборвал маршал строгий и не то что бестолковый, как думал проф. Сергеевич, но скорее всего своего рода обструкционный маршал с его особым, можно сказать, классическим способом вести заседания, без голосований заслушанных вопросов. С доказательствами из Наказа Императрицы, с призыванием священного писания и ссылками на них хотели „подлые“ депутаты, порой наивными, но всегда осторожными руками, творить свое право, искать справедливости. Но все разбивалось о стену глухой социально-классовой борьбы и „плантаторских“ тенденций депутатов обоих высших слоев населения. Однако, иногда выведенные из терпения и наши депутаты начинали говорить уже не давая себе нужды прибегать к дипломатическим тонкостям выражений... Тогда слова, облитые горечью и желчью, вырывались сами и оглашали стены Комиссии. „Большое будет предсуждение господам

---

[1]) См. М. Н. Покровский „Русская история“ т IV, изд. 1920, т. III, изд. 1924, в особенности стр. 84 и след., Туган-Барановский „Русская фабрика в прошлом и настоящем“, протоколы заседаний Комиссии по крестьянскому вопросу.

[2]) Проф. В. Н. Бочкарев „Вопросы политики в русском парламенте XVIII в.“, стр. 35, называет Алейникова самым демократически настроенным из казачьих депутатов.

[3]) Назв. соч., ст. 40 и след. Они и Кипенский относились к крепостным с большим сочувствием.

депутатам и всему нашему государству пред другими европейскими странами", говорил казачий депутат Алейников, „когда, по окончании сей высокославной Комиссии, узаконено будет покупать и продавать кресгьян как скотину, да еще таких же самых христиан, как и мы сами". Алейников всюду выступает против казачьей старшины и за рядовых казаков и крестьян.[1]) А иногда „подлый" депутат на дерзость „благородного" депутата отвечал дерзостью же или даже позволял себе делать нападение на дворянство, за что тут же получал выговор от сурового маршала...

Нам остается рассмотреть работу депутатов „третьего рода" с положительной стороны, рассмотреть их правовые и социальные положения и требования. Здесь две стороны вопроса: одна в сфере действующего, другая в сфере творимого права и невысказанных нужд и желаний. Эта вторая сторона может быть вскрыта лишь ретроспективным путем при обследовании вопроса об отчете депутатов своим избирателям о бесплодности работ Комиссии, при обследовании крестьянских волнений после полного провала Комиссии и при обследовании, наконец, тех интересов и лозунгов „подлых", которые наиболее рельефно выразились во время „Пугачевщины".

Итак—какие же требования и заявления были сделаны в Комиссии от имени избирателей „подлыми" депутатами?

Может быть, прежде всего, следует упомянуть, что депутатом однодворцем Андреем Масловым, одним из замечательнейших депутатов Комиссии, был внесен важнейший—и не только для крестьян—„проект прав" „третьего рода" людей. Проект этот, правда, не получил осуществления, но и все остальные проекты не только по этому, самому трудному, вопросу, но и по другим тоже не осуществились. Сущность проэкта Маслова заключалась в из'ятии крестьян из-под власти помещиков и передаче их в ведение особых контор, через которые крестьяне вносили бы подать государству, а в пользу помещиков—„*выкупные деньги*". Эти же конторы должны были ведать и судом „подлого" люда.

Крестьянские представители просили дать им словесные суды „скорые и справедливые" для более важных дел и близкие населению для малых дел повседневного, так сказать, обихода.[2]) В этом вопросе, как и в отношении необходимости улучшить управление, надо заметить, с ними сходились и частью совпадали (но только частью) заявления и просьбы депутатов от людей второй статьи, горожан-купцов.[3]) „Подлые" депутаты просили отменить особенно тягостный для них процесс „*суда по форме*" и заменить его *следственным* процессом. Были отдельные заявления даже о введении суда присяжных и адвокатов. Правосознание депутатов „подлых" людей таким образом было разбужено в самых осязательных формах.

Наряду с требованиями в этой области они добивались права торговать крестьянам наравне с вторым сословием, в чем они встретили энергичное сопротивление депутатов от людей „второй статьи". Купечество считало торговлю своей монополией, полученной им еще при Петре I, с ограничением, как оно утверждало, даже дворянства; крестьяне же, дескать, „люди земли", как это определила сама императрица в своем Наказе, и потому должны сидеть в деревне, где они

---

[1]) См. у В. Н. Бочкарева, в назв. соч., стр. 35-37, подробно отметившего деятельность этого замечательного депутата.

[2]) О вопросах управления, суда и законодательства работа казаков и однодворцев см. подробнее у В. Н. Бочкарева назв. сочин., стр. 60-65.

[3]) Там-же стр. 55-60.

знают толк в делах. Последнее утверждение об осведомленности крестьянских депутатов в вопросах сельской жизни, несомненно, бесспорно; например, депутаты их от Архангелогородской и Великоустюжской провинций, с большой ясностью выясняли в Комиссии сущность зла, развивавшегося в их краю стародавнего для центральной России института *половничества*,[1]) как переходной ступени к крепостному состоянию и просили об устранении нездорового явления путем справедливой поверстки общинной сельской земли.

Наконец, „подлые" же депутаты совершенно определенно высказывались за улучшение положения их братьев крепостных, снабдив их землею, хотя бы и на условиях выкупа... Депутаты „третьего рода" указывали и практические пути осуществления реформы, что видно из частичных и общих указаний Чупрова и других депутатов и из целых, наконец, проектов Маслова, Жеребцова и Анцыферова.

А если они нередко и не делали этих указаний, то по „Обряду Управления" Комиссией составление законопроектов считалось делом *частных* комиссий, специально для этого созданных и в которых, как мы видели „подлых" депутатов не видно.

Таким образом не без усердия, хотя и не всегда с должной может быть энергией, делали „подлые" депутаты свое дело. Вот какие, например, кроме уже перечисленного, были сделаны ими заявления: пахотный солдат Ив. Жеребцов подал мнение о необходимости учреждения школ в селениях. Его поддержал пахотный же солдат Селиванов (тоже надо отметить и граф Строганов). Депутат Пермских заводов от *приписных* крестьян Ф. Полежаев заявил о необходимости улучшения быта его избирателей путем предоставления им права занимать „порожние" места для населения, пашни и сенокоса. Впрочем Полежаев и другие вялые депутаты от „подлых" людей „все отдают почтенному собранию на рассуждение". Несравненно осмысленнее и ценнее таких были предложения депутата от казаков Ильи Фавора и особенно от казаков же Сибирских линий Ф. Анцыферова, внесшего целый проект *постоянного надзора за деятельностью местного Управления.*

Мы могли бы продолжить и еще примеры серьезной же работы „подлых" депутатов,[2]) которым вместе с другими депутатами, скажем словами проф. Сергеевича, удалось, несмотря на всю беспорядочность заседаний, *обратить внимание правительства на вопросы, которые сохранили свое значение даже до конца XIX в.* и в частности дали возможность черпать материал для крестьянской реформы, проведенной в этом столетии... Но маршал Комиссии тогда как будто не хотел ничего понимать и продолжал, пользуясь своей широкой властью, перескакивать к следующему вопросу, не закончив предыдущего, не ставя их упорно на голосование. В такого рода, граничащей почти с обструкцией, „парламентской" в кавычках работе все погибало и из предложений депутатов даже от дворянства и купечества ничего не выходило. Неповинны, следовательно, „подлые" депутаты в том, что их право не было расширено, что ни одно из важных пожеланий „подлых" людей не получило осуществления ни в Большой законодательной Комиссии, ни после ее роспуска, что „подлые" не получили своей жалованной грамоты, как получили ее дворянство и купечество. Не разрешены были, как известно, и самые важные крестьянские

---

[1]) Обработка земли из половины урожая, полубатрачество.

[2]) За большими подробностями, которые здесь к сожалению привести нет возможности, автор отсылает к вышеназванным работам А. В. Флоровского „Состав"... и В. Н. Бочкарева „Вопросы политики в парламенте XVIII в.".

вопросы политический и аграрный. *Первый*, т.-е. вопрос об освобождении крестьян *был вычеркнут* из Наказа еще до созыва Комиссии теми „благородными“ в кавычках и усердными цензорами вроде поэта Сумарокова, этой „непомнящей себя головы“, как назвала его сама Екатерина, и другими, которым она „дворянская царица“ позволила „на волю“ вымарать из Наказа все колеблющее устои. *Второй* вопрос аграрный *также не прошел, и как мы видели, и не мог пройти при выявившихся в Комиссии с полной ясностью непримиримых* классовых *противоречиях* и *социальных отношениях*. К этому еще нужно, конечно, присоединить соображение о способе получения власти Екатериной из рук дворянства... Глубоко прав поэтому проф. Бочкарев, отмечающий силу крестьянских ожиданий по поводу разрешения их вопроса в Большой Комиссии... „Когда внутренняя политики Екатерины II, говорит названный автор, начала приобретать чисто дворянский характер, крестьяне дружно откликнулись на призыв Пугачева и его сообщников и революционным путем решили исправить все то зло, на которое они открыто указывали в своих скорбных челобитьях 1767 года“.[1])

Впереди у нас еще существенная часть нашего вопроса, которого историко-правовая наука касалась очень мало, именно, изучение „подлых“ в составе Комиссии 1767 г. *ретроспективным* путем. Поэтому больше задерживаться на материальной стороне работы „подлых“ депутатов нет возможности.

V. Отчет „подлых“ депутатов своим избирателям и отношение последних к роспуску комиссии.

Отчеты „подлых“ депутатов своим избирателям и обсуждение их последними пролили бы, несомненно, много света на настроение „подлых“ масс и на разочарование их по поводу неоправдавшихся надежд на Комиссию.

Но к сожалению этот любопытнейший вопрос в науке почти совершенно не освещен за недостатком источников, почему в настоящее время мы можем разрешать (намечать) его все еще вспомогательным путем. Здесь мы иногда, возможно, будем ближе не к строго юридическим материалам, но принуждены будем пользоваться разного рода историческими записями, иногда может быть даже косвенного характера... И тут мы, конечно, должны быть особенно осторожными. Однако, по затронутому вопросу, повидимому, не может быть двух мнений. В самом деле, надо отметить, как было высказано, например, проф. Н. Н. Фирсовым,[2]) что „после роспуска, созванной самим правительством, Комиссии, показавшей народу полную безнадежность на лучшее будущее, народная психика все более и более, путем усиленного упражнения в злости стала проникаться чувством мести“. Итак довольно слез и слезниц. Тактика выжидания должна измениться на лозунг: от инертности к активности! В особенности это можно сказать, конечно, по отношению к *крепостным*, „фантазия которых, по сло-

[1]) В. Бочкарев „Земельные нужды русской деревни по крестьянским наказам в Екатерининскую Законодательную Комиссию 1767 г.“ (В сборнике В. О. Ключевскому). Он же „Вопросы политики“, стр. 65-67 „Итоги: степень политической зрелости различных сословных групп русского общества средины XVIII в.“ Здесь трудно согдаситься с Бочкаревым в том, что дворянство XVIII в. вплотную подошло к мысли о правовом (Sic!) государстве. Это даже выходит как то неожиданно... Ведь правовое государство мыслится прежде всего надклассовым... При чем же тут идеология русского дворянства XVIII ярко сословного века?

[2]) Н. Н. Фирсов „Пугачевщина“, стр. 49-50.

вам названного ученого, была возбуждена, чувства раздражены, воля подавлена жизнью и призраками, обступившими последних рабов всюду: в дремучих лесах и в беспредельных степях, в убогой закоптелой мужицкой избе и на барском дворе, в руднике и на пашне, среди подневольного труда и в минуты экстаза. При таком настроении стоило только пустить среди Черной Руси идею о природном благодетеле, который придет и даст народу все, о чем шептали ему вековые его грезы, чтобы она, эта черная Русь фанатически страстно поднялась на своих притеснителей“. Вот какое мнение возникло у историка Пугачевщины, пытавшегося дать ее социально-психологическую характеристику.

В настоящее время движущие силы Пугачевщины с особенной силой выявил М. Н. Покровский уже на основании прямых архивных материалов о Пугачевщине. С обычно резкой прямолинейной постановкой вопроса он *„кончает с дворянской легендой о бессмысленном бунте“*, бессмысленном с точки зрения тех же помещиков... *Под Пугачевское знамя собрались все, кого угнетала дворянская Россия в каком бы то ни было качестве заводского, мастерового, пашенного крестьянина, или „инородца“*[1]) (курсив везде мой—И. К.).

Пугачевщину отказывают научно классифицировать как революцию, потому что она не выработала своей (развитой?) идеологии. Не будем и здесь настаивать на обратном.[2]) Нам важно знать другое. Важно знать, что Пугачевщина была *крестьянским восстанием*, „Общее говоря, заявляет М. Н. Покровский, восстанием *крепостных людей*“ (курсив М. Н. Покровского), восстанием[3]) не только казаков.[4]) Техническая база Пугачевщины была на Авзяно-Петровском заводе у Уральских казаков. Обращение Пугачевцев шло „ко всему миру“ (к всему „подлому“ люду), и забота шла о нем же. Весь „мир“ за то был втянут и в движение.[5])

Таким образом нынче по сравнению с 1920 годом, когда писалась настоящая работа, положение исследователя значительно легче: больше архивных документов при таких определенных выводах из них выдающегося историка. Но нынче может быть возможно попытаться привлечь еще больше других документальных данных, или других указаний хотя бы косвенного характера. Проверяя и учитывая по возможности все детали, попытаемся установить степень непосредствен-

---

[1]) См. „Пугачевщина“, том I „из архива Пугачева“, изд Центр. архива, ГИЗ, 1926. Вступительная статья М Н. Покровского, стр. 11 и 9.

[2]) Г. Меерсон. (См. Вестник Коммун. Академии, 13, 1925 г., стр. 34-107) в статье „Ранняя буржуазная революция в России“ считает Пугачевщину „за колониальную крестьянскую революцию“, за „ран юю буржуазную революцию“ (стр. 105 и 106). С этим решительно несогласна редакция Вестника Комакадемии... „Буржуазной революцией, говорит редакция, марксисты всегда называли переворот, происходящий на определенной стадии капиталистического развития—перехода торгового капитала в промышленный“. „Принять, что в России второй половины XVIII в. уже осуществился этот переход... значит совершенно терять историческую перспективу“ (примеч. к стр. 34).

С этим нельзя не посчитаться. Однако М. Н. Покровский (Вестник Комакадемии, 12 за 1925 г.) считает Пугачевщину „безнадежной попыткой“ настоящей буржуазной революции эпохи торгового капитала (стр. 235). При обследовании архивных материалов о Пугачевщине М. Н. Покровский нашел достаточное количество данных, которые позволили ему написать статью—„*новые данные* о Пугачевщине“, где выдающийся историк отказывается от некоторых прежних своих выводов и отвергает совершенно выводы прежних историков Пугачевщины... Все вместе взятое заставляет обратить внимание нынче на Пугачевщину с переоценкой прежних положений. Но это все же имеет здесь скорее косвенное хотя и несомненно важное значение.

[3]) Там же, стр. 4.

[4]) Там же, стр. 12.

[5]) Там же, стр. 7—втянуто в движение все туземное население: и казаки, и рабочие, и „народности“, и крестьяне.

ного участия депутатов в Пугачевщине (участие *избирателей*, конечно, несомненно). Попытаемся выяснить затаенные и *невысказанные в Комиссии* мысли, желания и требования как со стороны депутатов „третьего рода“ людей, так и их избирателей... Установлено, что одним из важных сподвижников Пугачева был между прочим Тимофей Подуров, который и был казнен. Но *Подуров-депутат* в Комиссии 1767 г. от Оренбургского казачества...[1]) Тоже и *другие депутаты* Комиссии 1767 года: *Гавриил Давыдов, Базаргул Юкаев, Абдул-Жалил Максютов и Василий Горский*,[2]) с несомненностью замешаны в Пугачевщине. Как будто устанавливается связь с ней еще и других депутатов Комиссии, для исчерпывающего выяснения какого вопроса, пока как мы видели, к сожалению, наука не располагает еще достаточными возможностями...

Таким образом тянутся все же непосредственно нити, связующие Комиссию 1767 г. с некоторыми соучастниками Пугачева. Но может быть и соучастников, и связь эту можно отыскать и в других местах?...

Например, у историка крестьян XVIII в. В. И. Семевского имеется место, в котором он говорит, что Казанских суконщиков[3]) при подходе Пугачева к Казани чуть-чуть удалось удержать от активного выступления лишь путем усиленного задобривания и всяких на этот раз льгот и поблажек, а один из виднейших усмирителей Пугачевщины известный Сиверс прямолинейно писал Екатерине „я позволю себе сказать, что неограниченное рабство погубит государство и, мне кажется, я не ошибаюсь, считая невыносимое рабское иго главной причиной волнения от Оренбурга до Казани и на нижнем течении Волги“,[4]) а Капитан-поручик Маврин во время Пугачевщины просил Екатерину обратить внимание на заводских крестьян („а паче на приписных“), отданных совершенно в жертву заводчикам,—„а оные хищники алчно пожирают все крестьянское имущество“[5]) Названный же В. И. Семевский приводит следующие интересные для нас данные: крестьяне *Соликамского и Чердынского* уездов приписанные к частным заводам при выборе депутата отказались продолжать работу на заводах до тех пор, пока не будут удовлетворены в Комиссии их просьбы, заявленные ими через своего депутата.[6]) Приписных усмиряют... Депутаты их в Комиссии, как мы видели, например, Ф. Полежаев, совсем не герои: молчат или говорят не то, что хотели их избиратели. То же происхо-

---

[1]) См. Список депутатов в Сборнике Русского Истор. О-ва.

[2]) Там же и у историков Пугачевщины Дубровина и Пушкина, так же, напр. у Флоровского и других исследователей Комиссии. В первом томе „Пугачевщины“ изданном Центроархивом („манифесты, указы и переписка“) ГИЗ, 1926 г.—к со+алению интересующие нас данные о депутатах, участвовавших в Пугачевщине, недостаточны: даже Подуров и Горский, почти всюду обозначаемые, и те не указаны (есть какой то Подунов-десятник, а Подуров был видный Пугачевец). Одним словом приводимые здесь данные полнее. Надо надеяться, что во втором томе Пугачевщины эти материалы будут пополнены с лихвой.

[3]) Рабоч. на Казанск. сукон. ф-ках (Сукон.слободка в Казани).

[4]) Цитировано у Вас. Ив. Семевского. „Крестьянский вопрос“ т 1, стр. 180.

[5]) Цитировано у Н. Н. Фирсова, назв. соч, стр. 39-40 по Дубровину, назв. соч., т. 1, стр. 356.

[6]) В. И. Семевский. Назв. соч., стр. 366 примечание. Ср. У В. Н. Бочкарева, назв. соч., заявления о сочувствии „третьего рода“ людей, будто бы в полной мере монархическому строю и даже примирении с крепостным правом, например, государственных крестьян,—стр. 46. Думается, что все это спорно. Разве, что лучше было быть государственным крепостным, нежели владельческим. В нынешней печати вопрос решается вовсем свободно в пользу скованности Екатерины II-й господствующим классом. (См. напр. М С. Александров) М. Ольминский, „Государство, юрократия и абсолютизм с истории России“. М. и Пгр., 1919 г., особенно стр. 200 и 201.

дило с небольшими отступлениями с другими депутатами „третьего рода“. А между тем настроение избирателей местами было уже подобно вулкану, давшему потом пищу для восстания Пугачева...

Только так в сфере высказанных и затаенных желаний правильно и полно может быть понята роль „подлых“ людей в составе Б. Законодательной Комиссии 1767 г. Волнения и восстания „подлого“ люда стали разростаться и первый яркий лозунг, выброшенный тотчас после роспуска знаменитой, но не чуткой Комиссии, превратил движение в бушующую стихию.

Рев народного гнева становился оглушающим... Скоро он стал угрожать целостью „всей храмине“ и маркиз de Pougascheff, как называла Екатерина Пугачева в письмах к Вольтеру, все чаще стал тревожить сон „северной Миневры“... Екатерина, как это показывает проект ее манифеста, настолько серьезно смотрела на Пугачевщину, что уподобляла ее „смутному времени“, а самого Пугачева Лжедмитрию 1-му и лишь Чернышев и другие разговорили встревоженную императрицу и убедили убрать из манифеста преувеличения.[1])

Кто же шел за Пугачевым?

Известно, что восстание вспыхнуло у Оренбургских казаков раскольников. Затем во второй фазе восстание перекинулось к заводским крестьянам на Урал и даже за него. Это наши заводские, известные нам „приписные“ крестьяне и, наконец, в третьем периоде, в самом разгаре бунта, восстание опирается на крепостных крестьян, на *„народности“* Поволожья и бассейна Камы и, наконец, на всю ту бродяжную Русь, которая большей частью очутилась в таком положении в поисках своих права и воли. Среди Пугачевцев было много избирателей в Б. Законодательную Комиссию, принимавших участие в составлении наказов в нее, были даже, как мы видели, депутаты.[2])

Четвертый период Пугачевщины нас не интересует, как период действий вразброд...

Какие же идеи, какие положения взяла к себе на службу Пугачевщина? Вот выдержки из „манифеста“ Пугачева при переходе его через Волгу:[3]) „сим імянным указом с монаршим и отеческим нашим милосердием“, говорилось в манифесте, всех, находившихся прежде в крестьянстве у помещиков, награждаем *древним крестом и молитвою,* головами и бородами, *вольностью и свободою* и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, *подушных* і прочих, денежных податей, владением *землями, лесными, сенокосными* угодьями, і рыбными ловлями, і соляными озерами *без покупки* и без *аброку* і освобождаем всех прежде чинимых от злодеев дворян і градцких *мздоимцев* и *судей* крестьянам і всему народу налагаемых податей и отягощениев“...

---

[1]) См. Архив Госуд. Совета, т. 1, Совет в Царствование Екатерины II, стр 443-4. протокол Совета от 28 ноября 1773 г. Правда, Екатерина оговорилась, что она этим уподоблением хотела вызвать в народе отвращение к Пугачеву... Все эти данные, в связи с „манифестом“ Пугачева выдвигают между прочим вопрос столь спорный в науке об искренности или неискренности Екатерины II-й к Комиссии 1767-74 г. г. во второй ее фазе, вопрос могущий ныне получить, пожалуй, иное решение, нежели чаще приводилось доныне.

[2]) Более подробно о различных слоях населения, участвовавших в Пугачевщине, или сочувствовавших ей, см. у М. Н. Покровского,—„Новые данные о Пугачевщине“—в В. Ком. Акад. № 12, стр. 227-234. Тут были, говорит М. Н. Покровский, и казаки, и однодворцы и дворовые, и даже купечество, и духовенство, и конечно рабочие и крестьяне, но в особенности народности, как то: разные новокрещены, башкиры, киргиз-кайсаки и даже калмыки... Последние две народности колебались. Такое обилие и в особенности разнообразие говорит М. Н. Покровский, породив противоречия, взорвало Пугачевщину извнутри. (Стр. 233-234.)

[3]) См. „Пугачевщина“ т. I (манифесты, указы и переписка) изд. Центроархива. ГИЗ, 1926 г., стр. 40-41 № 19, дан 31 июля 1774 г.

(А дворян, противников власти своей, Пугачев велел ловить и истреблять)... Не слышится ли здесь в обращении к крестьянам Пугачева как бы повторение и при том почти дословное, многих из наказов „подлого люда“ в Комиссию 1767 г., только эти наказы усилены в агитационной, так сказать, школе повстанцев, пользующихся, как говорил, сидя на этот раз в Казани, маршал Комиссии А. М. Бибиков, Пугачевым как ширмой (?)[1])

Произведем анализ только что приведенного „манифеста“:[2]) 1) „Жалуем древним крестом и молитвой“. Но это не вопрос ли о свободе вероисповедания в Комиссии и именно, о „раскольниках“ Оренбургских казаках в значительной массе и народностях Поволожья? 2) Жалуем „вольностью и свободою“. Но об этом уже слишком хорошо известно нам, что говорилось в Комиссии. 3) Жалуем во владение *землями, лесными, сенокосными угодьями* без покупки. Но не слышатся ли в этом Северные наказы и проект Маслова, где теперь отменен только выкуп: его теперь уже не надо, как то говорили еще в Комиссии, правда лишь Северные наказы.

Пугачевщина держалась не только волей и землей, но и справедливым судом, свободным от мздоимцев... Здесь опять полное совпадение даже и в том, что суд жалуем был *всему* народу „грацкому“, т. е. почти буквальное совпадение с обсуждавшимся в Комиссии вопросом о суде...

Вот чем держалась так долго Пугачевщина, где мы найдем очень много бывших избирателей „третьего рода“ в Комиссию 1767 г. Полного единодушия в требованиях со стороны разных народностей не было, но в документах Пугачева эти расхождения, конечно, сглаживались как выходящие от одного лица. И замечательно: маршал Комиссии А. И. Бибиков среди борющихся...под Казанью... Значит и лица те же почти, но лишь *в другой обстановке*...

Однако, более острое оружие оказалось тогда в руках Правительства, которое и после подавления Пугачевщины ничего не хотело понять вплоть до того подземного гула, который послышался ясно перед 1861 годом. Частичный разряд тогда и в 1905 году и начался, а развязка на наших глазах в 1917 году: „третий род“ людей взял, наконец, силой свои права во всей полноте...

Подведем итоги всему сказанному:

1) „Третий род“ людей с их нуждами в составе Большой Законодательной[3]) Комиссии 1767—74 г. г. является наиболее интересным и важным, как и в жизни пунктом. 2) *Наказы* „третьего рода“ людей при всей своей громоздкости дают полную и яркую картину социально-правовых нужд и желаний эксплуатируемого класса. Они не имели тогда полной связующей силы для депутатов, т.-е. не отражают уже частно-правовой природы. 3) Депутаты „третьего рода“ людей в Комиссии 1767—74 г. г. передали в общем верно заявления своих избирателей о необходимости социально-правовых реформ, но высказали не все нужды и не в настоящем свете, как это делали и сами наказы в Комиссию, затушевывая классовые противоречия своими „челобитьями“ и „слезницами“. 4) Законодательная работа депутатов

---

[1]) В противоположность прежней научной литературе М. Н. Покровский—см. „Новые данные о Пугачевщине“ (Вестник Комакадемии № 12, стр. 220—226),—считает Пугачева не бродягой, а крупной личностью, чему приводит целый круг доказательств.

[2]) Этот, что был дан при переходе Пугачева через Волгу—один из самых ярких манифестов; это постоянно цитируемый манифест, почему за недостатком места и приходится остановиться именно на нем, а не на других, числом 22, хотя и они не лишены интереса (см. „Пугачевщину“ изд. Центроархива, т. 1).

[3]) В точности, конечно, „законосовещательной“ лишь.

„третьего рода“ в Комиссии, однако, далеко не так безцветна, как это можно было бы вывести из беглого лишь изучения источников. 5) В Пугачевщине движущие силы в обшем отражают требования наказов „третьего рода“ людей в Комиссии 1767-74 г. г., обнажая при этом классовые противоречия во всей резкости вооруженной борьбы. Связь Пугачевских лозунгов, хотя бы и несформулированных в стройную идеологию, с требованиями наказов „подлого люда“ в Б. Комиссию начинает проясняться, как из вновь опубликованных архивных материалов, так и из вполне определенных выводов в современной научной литературе, делаемых виднейшими историками (М. Н. Покровский). 6) Работа депутатов „третьего рода“ людей в составе Комиссии 1767-74 г. г. может быть правильно и полно понята лишь при изучении вопроса в плоскости высказанных и невысказанных ими пожеланий, при изучении не только по источникам времени работы в заседаниях Комиссии, но и *ретроспективным* путем по другим вспомогательным данным за время от роспуска Комиссии до Пугачевщины и этой последней в виде выявившихся в ней участия, интересов и лозунгов масс „третьего рода“.

Независимо от этих выводов можно притти также к заключению, что депутаты „подлых“ людей в составе Б. Законодательной Комиссии 1767-74 г. г. чувствовали и думали полнее и глубже, чем они это высказали пышному собранию „благородных“ и чутких в кавычках депутатов, сподвижников „премудрой матери“ отечества в кавычках же, так грубо забывшейся по отношению к самым насущным нуждам и правам „своего“ народа, к нуждам эксплуатируемого „третьего рода“ людей.

И. Я. Герцык

Социальные воззрения Отмара Шпана.

I.

Империалистическая война и вызванные ею народные движения должны были заставить господствующие теперь в культурных странах классы задуматься над своим будущим. С каждым днем становится все более очевидно, что возврата к старому, т. е. к условиям довоенного периода, быть не может, что перевертывается страница в истории человечества, начинается новая глава, содержание которой, хотя и не выяснилось, во всяком случае полно угроз но отношению к властителям настоящего времени. Идеологи существующего строя вначале совершенно растерялись. Им мерещилось разрушение всей культуры человечества, новое нашествие варваров. В первые ряды были выдвинуты общественным мнением такие писатели, как Шпенглер, доказывавший в толстых томах „Заката Запада", что наступил конец нашей культуре, что ей на смену должно притти нечто неизвестное, новое. Шпенглером не только зачитывались, не только его произведения в переводе на разные языки распространялись в огромном количестве, но даже образовывались особые общества в Германии для подробного изучения идей нового философа—социолога.

Наступившая частичная стабилизация условий хозяйственной жизни Европы дала возможность более спокойного и вдумчивого анализа совершившихся событий. Безспорно было, что должны совершиться большие перемены, что стремиться удерживать полностью старое безполезно. Но предстояло выяснить, в каком направлении, какого обхвата должны быть эти изменения, и как они отразятся на классовых группировках существующего строя. Были даже среди старых идеологов капиталистического строя увлекающиеся люди, поверившие в возможность непосредственного осуществления социализма. Как известно, выдающийся экономист Шумпетер, долгие годы любовно выяснявший прогрессивную роль капитализма, очутился министром финансов социалистического правительства в Вене. Но эти, вначале особенно ревностные, неофиты социализма, оказались наиболее неустойчивыми. Когда определилась необходимость упорной и серьезной борьбы за осуществление нового строя, они первые оставили свои позиции и поспешили вернуться в старый лагерь. А между тем, как я уже выше заметил, старое требовало поправок, починок для хотя бы временного сохранения позиций. Выделяются различные течения в среде интеллигенции господствующих классов, предлагающие проекты реформ существующего строя. Эти направления напоминают нечто подобное, имевшее место в начале прошлого столетия после наполеоновских войн и победы феодальной реакции. Эта победа однако не казалась прочной представителям старого режима. И тогда начали выявляться различные направления по вопросу о необходимых рефор-

мах. При всем различии условий, в особенности состояния капиталистического строя, который в начале XIX столетия начал только развертываться во всю свою ширь, есть нечто общее у этих движений, разделенных периодом целого века. Их об'единяет общее стремление теми или другими уступками успокоить взбушевавшуюся волну и сохранить в руках высших классов начинающие ускользать от них власть и могущество. Мы считаем нужным выделить из несоциалистических направлений-настоя щего времени два основных. К первому относятся сторонники „чистого“ капитализма, видящие в свободе торговли, невмешательстве государства в отношения между трудом и капиталом и свободе конкуренции панацею от всех зол. По их мнению, главная причина постигших культурное человечество бед недостаточно последовательное проведение принципов капиталистической идеологии конца XVIII и начала XIX ст.—времен Смита, Рикардо и их вульгарных многочисленных эпигонов. Сторонники этого направления ярые противники всех реформ, усиливающих власть государства по отношению к хозяйственной жизни. Они, мне кажется, наиболее близоруки и утопистичны. Я на их взглядах останавливаться не намерен.[1])

Второе течение берет свое начало у феодальноромантических писателей первых десятилетий пр. века, являвшихся об'ективно представителями интересов крупных землевладельцев—аристократов и их прислужников. Они в свое время безпощадно критиковали капитализм и требовали хотя бы частичного возврата к милому их сердцу феодальносословному строю. Лучшая критика этого течения дана в „Коммунистическом манифесте“ в главе „Феодальный Социализм“. В сравнительно мирный период развития капитализма, наступивший после революций 1848 г., эти группы отказываются от разрешения широких социальноисторических проблем. Они отдаются всецело, особенно в полуфеодальных монархиях континентальной Европы, делу сохранения и укрепления своих позиций и возможно более выгодного использования условий, так ненавистного им, капиталистического строя. Они стараются привлечь к себе крестьянство, готовы организовывать полезные для него учреждения кооперативного характера, часто с оттенком патриархальности, как рейф-эйзеновские кассы в Германии или многие земледельческие синдикаты во Франции, во главе которых часто стоит местный крупный землевладелец или священник. Делается все это с единственною целью внушить крестьянину идею солидарности его интересов с интересами крупных землевладельцев, запречь его в свою политическую колесницу, заполучить его голоса на выборах и т. д.

После войны, когда начинается переоценка всех ценностей, идеологи этих групп опять выступают со своею критикою капитализма, со своими, порою „социалистическими“, проектами. Они теперь представляют, в особенности в побежденных странах, сильные группы националистов и фашистов разных оттенков.

Крупнейшим выразителем, большею частью неосознанных ими самими, идеалов и стремлений этих групп, является один из видных германских экономистов и социологов Отмар Шпанн, профессор венского университета по кафедре социологии и экономии. Он открыто называет своими родоначальниками романтиков первой половины XIX ст.— Ад. Миллера (род. в 1779 г. умер в 1829 г.), одного из ближайших сотрудников Меттерниха, и Фр. Баадера (род. в 1765 г. ум. в 1841 г.), который, согласно Ш., требовал в XIX ст. обновления сословий и

[1]) Краткий отзыв о теории одного из заметных экономистов этого течения—проф. Л. Мизеса—мною дан в статье „О некоторых проблемах теории политической экономии“ в II кн. Труд. Белор Госуд. Универс. стр. 26-27.

цехов, принудительной организации пролетариата во главе со священниками, как представителями и защитниками их интересов, отмены свободы промышленности внутри страны и безусловной свободы внешней торговли (выгодной для крупных и средних землевладельцев, в первую половину XIX ст. вывозивших свои продукты за границу И. Г.)[1]) Ш. считает идеи этих писателей актуальными и для настоящего времени. Он переиздал давно уже забытые произведения этих и других романтиков начала пр. века[2]). Но первоклассный экономист и социолог Ш. не может ограничиться одним повторением лозунгов старых реакционных утопистов, он прекрасно понимает, что невозможно осуществление феодально-цехового строя в старой форме, даже с теми изменениями, которые были внесены романтиками пр. века. Необходимо считаться с условиями времени. Теперь идеологам сословного и капиталистического строя нельзя итти друг против друга. Правильно заметил Герберт Султан, что в настоящее время союз доменной печи и рыцарского имения, т. е. общность интересов промышленников и землевладельцев, всеми признается, как нечто само собою разумеющееся.[3]) Ш. готов признать, что его учитель Ад. Миллер и принципал последнего Меттерних были уже черезчур реакционны.[4]) Наш автор и не думает о разрушении капиталистического строя. Его цель постепенное реформирование существующего строя. Ш. не боится новых идей, он готов многое заимствовать из программ самых левых партий, к которым, конечно, не может не относиться крайне отрицательно. Он готов проводить радикальные реформы, чтобы спасти самое важное— господство высших классов, не только экономическое, но и, это главное, духовное. Он понимает значение силы идеи. Он старается дать общую для всех классов „национальную" идеологию. Его социальная система находится в тесной связи с его философским миросозерцанием. Она представляет, мне кажется, не только теоретический, но и значительный политический интерес. Эта система может дать нам нити к выяснению сути националистических, во многих странах сильных, партий, тех идейных тайников, которые еще не всегда осознаны даже руководителями этих партий.

Свою тщательно продуманную теорию Ш. впервые изложил в своих лекциях, читанных в 1920 г. в венском университете перед аудиторией, в числе слушателей которой были социалисты разных направлений. Ш. пришел к ним с новым словом. Его лекции были потом в переработанном виде изданы под названием „Подлинное государство".[5]) В них наиболее полно изложена его социальная система, основывающаяся на философских и социологических предпосылках, развитых им в целом ряде произведений и наиболее полно изложенных в появившихся после войны „Fundament der Volkswirtschaftslehre" и „Kategorienlehre".

Ш., борющийся со всеми течениями, целью которых является изменение существующего капиталистического строя в направлении к социализму, не может исходить из материалистической, в настоящее время революционной, философии. Его взгляд устремлен в прошлое, связанное традицией и метафизическими предпосылками.

---

[1]) См. O. Spann „Die Haupttheorien der Volkswirtschaftslehre" Leipzig 1926 стр. 100.

[2]) Изд. Herdflamme, Iena.

[3]) Dr. H. Sultan „Rodbertus u der agrarische Sozialkonservatismus" Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft 82 B. I Heft 1927 стр. 72-73.

[4]) O. Spann „Die Haupttheorien der Volkswirtschaftslehre", Leipzig 1926 стр. 99 и „Fundament der Volkswirtschaftslehre" Anhang „Vom Geist der Volkswirtschaftslehre" Iena 1923 стр. 367.

[5]) „Der wahre Staat".

Изложим вкратце систему нашего автора, а потом перейдем к ее разбору.

II.

Основою своего учения Ш. считает идеалистическое мировоззрение. Духовное в человеке сущность его жизни. Оно выражается в науке, искусстве, религии и морали. Эта мысль, по мнению нашего автора, не требует никаких доказательств: она очевидна и безспорна. Духовная сущность человека проявляется только в обществе.

Что такое общество? Ш. полагает возможными два противоположных ответа на этот вопрос, в зависимости от двух основных направлений человеческой мысли: индивидуализма и универсализма. Индивидуалист исходит из отдельной личности. Общество, для него, собрание личностей, самостоятельных, независимых. Универсалист считает личность частью, органом целого, именуемого обществом. В первом случае, общество представляет собою конломерат, подобный куче камней. Оно только кажется целым, фактически оно сумма отдельных особей. Во втором случае, общество нечто целое, части его не самостоятельны, они необходимые органы, выполняющие свои функции в интересах коллектива. Примером может служить организм. Рука, нога, сердце не могут быть вырваны из целого, как отдельный камень из кучи. Каждый орган обладает известной самостоятельностью, но только в силу его связи с целым, в силу тех лучей жизни, которые идут к нему от целого.

С точки зрения индивидуализма, личность, как духовное существо, сама из себя творит, она живет своею самостоятельною духовной жизнью. Наиболее типичным выявлением индивидуализма в общественной жизни наш автор считает теорию естественного права. Гоббс, один из крупнейших представителей этой теории, изображает первобытное состояние, как войну всех против всех. Эти отдельные личности борются друг с другом, или об'единяются для совместных действий, в которых каждый находит свой интерес, свою выгоду. В обоих случаях, заявляет наш автор, перед нами самостоятельные личности, основою жизни каждой из них является только ее духовная сущность. К наиболее ярким представителям индивидуализма мы должны отнести Штирнера, Ницше. Индивидуалистической мысли мы также обязаны типом Робинзона, даже в удовлетворении своих внешних потребностей, независимого от общества.

Это мировоззрение, говорит Ш, невольно приводит к определенной морали, к исключительно личной этике. Человек имеет обязанности только по отношению к себе. Другие средства для его целей. Он об'единяется с другими людьми в общество, так как ему выгодно, удобно, или, как Ницше выражается, „люди живут стадообразно по нужде и из за скуки". Каждый живет своею жизнью. Самое большое, утилитаристические соображения могут удержать человека от воровства, от убийства других людей, могут даже заставить его помогать им, целью его поведения будет личная выгода. Конечно, замечает Ш., и индивидуалист питает чувства любви, симпатии к другим людям, но эти чувства, как и противоположные им—ненависти, злорадства—носят случайный характер, могут быть об'яснены только психологически, но не основываются на социальной этике.

По мнению нашего автора, индивидуализм дал три крупных социальных направления: анархизм, маккиавелизм и естественное право.

Анархизм исходит из свободной личности, которая подчиняется законам общества, поскольку это для нее выгодно, подходяще. Если

оковы общественной жизни стесняют анархиста, то часть представителей этого направления готова избавиться от них, хотя бы бомбами. Другие мирные анархисты ограничиваются пропагандою своих идей. Они признают только добровольные союзы, из которых каждый вправе всегда выйти, если он не будет считать дальнейшее пребывание в союзе нужным для себя. Но такие добровольные союзы, указывает наш автор, совершенно недостаточны для сохранения общества. Такой строй неосуществим, утопистичен, стремление к нему может привести только к хаосу, к разложению. Однако, говорит Ш., с тех пор как существуют люди, существуют и анархические течения.[1])

Вторым отпрыском индивидуализма Ш. считает маккиавелизм, по имени знаменитого автора „Государя“, (произведение вышло в свет в 1535 г.). Согласно этой теории, каждый исходит из своих личных интересов, общество состоит из угнетателей и угнетенных, властителей и работающих на них подчиненных. Закон, общества угнетение и подчинение, эксплоатация.

Третье направление индивидуалистического характера—естественное право, о котором мы уже упоминали. Согласно этой теории, борьба всех против всех заменяется общественным договором, которым люди гарантируют друг другу безопасность, защиту и помощь. Этот договор приводит или к подчинению всех одному, действующему по полномочию общества (просвещенный абсолютизм), или же власть остается в руках граждан, которые временно предоставляют ее назначенным ими должностным лицам. Обычною формою суверенитета народа является либерализм и демократия. Это направление, в противоположность маккиавелизму, не считает возможным передачу на всегда власти в руки государя. Оно находит нужным переход власти в руки представителей народа периодически повторяющимися выборами.

Общее у этих трех течений—механическое воззрение на государство, коллектив. Наиболее отрицательно наш автор относится к демократии. Абсолютизм уже более высокая ступень, так как бюрократия, его необходимая спутница, своей служебной ерархией нарушает общий атомизм. Маккиавелизм же есть переходная ступень к универсализму, так как при маккиавелизме население делится на разные категории, соответственно отношению к господствующим классам. Недостаток маккиавелизма Ш. видит в отсутствии духовной связи между различными группами граждан.[2])

Индивидуализм, признающий только отдельную личность, считает задачей строя службу ее интересам. Главное его требование к каждому общественному коллективу—предоставление возможно большей свободы личности. Личность, вступая в общество для достижения определенных целей, или во избежание неудобств, идет на известные ограничения своей воли, проявления своей индивидуальности. Желательно, с точки зрения индивидуализма, чтобы эти ограничения были минимальными, чтобы личность возможно более была предоставлена самой себе. Государство должно ограничить свою деятельность минимальными задачами, ибо свобода личности означает возможно малое регулирование ее деятельности государством. Обязанности государства ограничиваются охраною личности и ее безопасности (как известно,

---

[1]) Это, конечно, неверно. Во внеклассовом обществе таким течениям нет места. Но интересно, что наш автор и не задает себе вопроса, а не создаются ли эти течения социальными, в частности экономическими условиями. Ш. глубоко убежден в чисто „духовных“ источниках анархизма И. Г.

[2]) O. Spann „Der wahre Staat“ Leipzig 1923 стр. 23.

так понимаемые обязанности государства Лассаль окрестил названием Nachtwächterstaat—государство ночной сторож).

Универсализм считает общество, как уже выше указано, реальностью. Поэтому первоначальным является общество, а личность есть часть общества.

Из разбираемых автором направлений универсализма остановимся на теории среды и на теории Платона.

Представителями теории среды в большей или меньшей мере являются Бокль, Тен, Гумплович и, по мнению Ш., Маркс(?). Это направление считает личность продуктом среды. Целое является комплексом общественной действительности, которая отражается в отдельных личностях. Самостоятельное существование отдельных личностей является иллюзорным, отблеском среды. Этот взгляд, по мнению Ш., неправилен. Общественная жизнь сторонниками этой теории понимается слишком механически, она материализуется и самостоятельность личности уже не существует. Это направление Ш. называет механическим универсализмом.

Не удовлетворяет нашего автора и теория Платона, основы которой, по его мнению, могут быть прослежены в философии Аристотеля, средневековых схоластиков и даже у Гегеля. У Платона существует, как сущность, идея государства. Отдельные же государства с их членами обязаны своею реальностью соучастию в этой идее; они являются несовершенным ее отображением.

Не останавливаясь на философской стороне теории Платона, Ш. считает неудовлетворительным ее социальное обоснование: она, находит Ш., слишком схематично представляет отношение личности к государству, части к целому.

Свою теорию Ш. называет кинетическим универсализмом. Согласно этой теории, общество, государство не мыслится, как у Платона, как нечто готовое, совершенное. Оно всегда в состоянии развития, изменения, оно постоянно находится в процессе творчества, строительства. Этот процесс творчества коллектива пробуждает также духовное в каждой отдельной личности. Духовное в индивидууме проявляется только, благодаря стимулу, возбуждению, данному другою личностью. Не самоуглубление собственной души, искра другой души возбуждает духовную деятельность личности. Все духовное в каждом индивидууме возбуждается, посредственно или непосредственно, отзвуком другой души, будь это друг, давно умерший поэт, мыслитель, книги которого мы читаем. Из примеров, приводимых Ш. для иллюстрации своей мысли, остановимся на одном: отношение художника к другим людям. Казалось бы художник творит из себя, но нет сомнения, что Шекспир не писал бы своих драм, если бы он думал, что его творения никогда не будут представлены на сцене, не будут никем прочитаны. Для выявления своего гения, своего глубокого проникновения в душу человека, он нуждался в зрителе, читателе, критике и ценителе. И в одиночестве творящий художник надеется в глубине души, что найдутся люди, которые его поймут и оценят, он не перестает ожидать слушателей и читателей. Гете это ясно выразил одной фразой: „чем бы я был без тебя друг публика“. Личность не самостоятельна, она не нечто само себя удовлетворяющее. Единичное, как таковое, потенциально. Оно превращается в действительность, только благодаря обществу, которое его активизирует. История духовной жизни любого великого человека доказывает нам это. Он находится в духовной связи с другими великими людьми и их учениями. Гете говорил Экерману: „Говорят всегда об оригинальности, но что это означает? С того вре-

мени, как мы рождаемся, начинает на нас действовать внешний мир и так продолжается до конца. Что мы можем назвать своим, кроме воли, энергии, силы! Если бы я мог сказать, чем я обязан великим предшественникам и современникам, то на мою долю осталось бы очень мало"[1])

Но в каждой личности имеются, как уже выше указано, свои возможности, свои задатки, свои способности, которые и могут быть коллективом приведены в активное состояние. В зависимости от задатков и будет проявляться личность. Немузыкальный человек не может стать музыкантом, какова бы ни была окружающая среда и воспитание. Различия способностей, влечений и их соотношение и составляют единичное, неповторимое в личности. Личность не поглощается обществом, влияние общества отражается различно на личности, в зависимости от заложенных в ней возможностей. Но необходимо подчеркнуть, что общество возбуждает, активизирует, направляет личность. Те же самые способности, в зависимости от целого, от окружающих условий, могут нам дать героя и разбойника, ученого и монаха, авантюриста и крупного политического деятеля и т. д.

Если личность есть часть целого, если ее духовная жизнь есть выражение духовной жизни целого, то законы развития духовной жизни личности суть законы целого и наоборот законы целого обязательны для отдельной личности. Личность не творит из себя, как говорят индивидуалисты, она не относится к целому, как чему то чуждому, ее ограничивающему, она как член организма, сознает свою полную зависимость от целого и связь с ним. Законы целого, нравственные законы, обязательны для личности в ее отношениях к другим личностям и к коллективу. Нравственность универсалиста отличается от нравственности индивидуалиста. Индивидуалист устанавливает так свои отношения к другим людям, чтобы они возможно менее ограничивали его личную жизнь. Его нравственность вытекает из его потребностей. Он выполняет свои обязанности по отношению к другим людям из опасения дурных последствий от их неисполнения. Вся нравственность индивидуалиста проникнута утилитарным характером. Совсем другое у универсалиста. Вся его духовная жизнь есть результат взаимных отношений с другими. Нравственный закон и есть выражение этих отношений. Закон коллектива обязателен для личности, как его части.

Неправильно возражение против универсализма, что последний готов жертвовать личностью для общества. Выражение „жертва" не имеет смысла с точки зрения универсализма. Оно понятно для индивидуалиста, видящего в личности нечто обособленное, целое. Но для универсалиста личность только часть, орган целого. Его благо связано с благом коллектива. Когда целому угрожает опасность, личность жертвует собою не для целого, но для себя, так как эта опасность и ей угрожает. Если у больного отнимают руку, пишет Ш., разве имеет смысл сказать, что рука жертвует собою для блага всего организма, ведь рука вне связи с организмом жить не может.

III.

Основа политического мировоззрения индивидуализма свобода, универсализма—справедливость. Кто исходит от самодержавной личности, должен ставить первым требованием ее безпрепятственное про-

[1]) Eckermann „Gespräche mit Goethe 12 mai 1825", цитирую по O. Spann „Der wahre Staat" стр. 44-45.

явление—свободу. Кто исходит из целого, считает наиболее важным правильное соотношение частей в целом, т. е. справедливость. Справедливость означает высшую меру проявления жизни, как целого, так и части. Справедливость, с точки зрения коллектива, требует неравенства частей. И организм состоит из сердца, легких, мускулов и других принципиально неравных частей. Если в организме сердце занимает больше места, чем ему полагается по отношению к целому, то организм болен: одностороннее развитие сердца совершается за счет здоровья целого и, следовательно, за счет самого сердца, которое не может существовать вне целого. Справедливость приводит не к равенству, а к неравенству. С этой точки зрения подлежит пересмотру многое, кажущееся неподлежащим оспариванию, в современных государственных установлениях капиталистических стран, как, например, всеобщее голосование. Если считать средним по политической подготовке малообразованных граждан, ремесленников или квалифицированных рабочих, то голосу деревенской работницы, ниже их стоящей, придается, по мнению Ш., большее значение, чем ей подобает, она приравнивается к среднему; в свою очередь голос образованных, политических деятелей, крупных предпринимателей, поэтов и т. д., говорит Ш., принижается до среднего уровня. Здесь своего рода маккиавелизм, т. е. господство одних над другими, но господствует золотая середина, приподнимающая слабых и принижающая сильных.

Что в настоящее время люди не равны, этого, полагает наш автор, никто отрицать не может. Но, заявляет он, некоторые утописты надеются, что при дальнейшем усовершенствовании воспитания, образования, все человечество, все люди достигнут невообразимой теперь высокой степени умственного и нравственного развития. Наш автор считает веру в безконечное совершенствование человечества безпочвенной, недостойной опровержения. Этой вере могут, по его мнению, поддаться только люди, не понимающие души человеческой, не способные заглянуть в ее глубины, не умеющие разбираться ни в ее слабостях, ни в великом в ней.

Понимание свободы с точки зрения универсализма также отличается от такового у индивидуализма. Индивидуализм под свободою понимает возможно большее предоставление личности самой себе, возможно меньшее ее стеснение; противоположностью свободы является принуждение.

Универсализм под свободою понимает не отсутствие стеснения со стороны других личностей, а нечто иное. Другие личности меня не стесняют, они наоборот необходимы для моего духовного существования. Духовная связь должна осуществляться в возможно большей мере. Возможно большее выявление духовной взаимности, духовной общности есть вместе с тем высшее выявление духовной личности. Быть свободным не значит делать, что я хочу, но значит делать что я должен. Должное в совершенном обществе одинаково, как с точки зрения личности, так и с точки зрения общества.[1])

Принуждение вредно, если оно бесплодно, если оно сковывает мою духовную личность. Но принуждение может быть и благодетельным, если оно об'единяет духовные личности, если оно подготовляет их к истинной общности.

Свобода не основной, не первоначальный принцип общественной жизни, а производный. Не в свободе и принуждении вопрос, а в цели,

[1]) Напомним читателю, что вопрос о возможности солидарности интересов в классовом обществе для нашего автора не существует, так как, по его мнению, сословно-классовое общество и есть наиболее совершенное.

которая имеется в виду. Если для достижения большей духовной общности необходимо принуждение, то оно благодетельно.

Последовательное применение идеалистически-универсалистической точки зрения в исследованиях по истории и экономии приводит нашего автора к расхождению с большинством современных историков и экономистов в оценке и понимании важнейших событий человеческой истории. Ограничусь мнением Ш. о происхождении капитализма, наиболее, мне кажется, характерным для него.

„Причина происхождения капитализма, как и раннего капитализма XVI-го века, не земельная рента, не рост добычи благородных металлов, не развитие роскоши, не военные добычи и т. д., как предполагает Зомбарт, не торговля, займы, войны, как думает Брентано, даже не установка религии—теория М. Вебера, ибо и накопление капитала, благодаря земельной ренте, и использование религиозных догматов в интересах развития капитализма, и др. указанные явления предполагают уже существование капитализма. Первоначальная причина капитализма коренится в умственном перевороте, в отказе от средневековой схоластики, от универсалистического взгляда“.[1])

Наш автор отмежевывается от сторонников органической теории общества, к которым, на первый взгляд, он должен быть причислен. Общество, заявляет он, более надмеханистично, чем организм, оно одухотвореннее последнего.

Общество, как и организм, состоит из неоднородных, неравных частей. Как в организме имеются неоднородные части—сердце, легкие, желудок и т. д., так и общество должно состоять из неоднородных группировок—публика и художники, светские люди и духовенство, воины и штатские, предприниматели и рабочие. Все части в организме и в обществе необходимы для их правильного функционирования, но общество отличается от организма тем, что части организма не представляют сами по себе никакой ценности, а члены общества, одухотворенные особи, имеют каждый соответствующую ему ценность. Организм, заявляет наш автор, может быть обозначен, как сверхмеханизм, общество же, как сверх‘организм.

IV.

Исходя из своей, нами в кратце изложенной теории кинетического универсализма, наш автор устанавливает следующие основные принципы желательного, по его мнению, общественного строя:

а) Органическое неравенство отдельных частей общества и одинаковая важность их для достижения общей цели.

в) Неравенство должно быть ерархического или рангового характера.

с) Части общества состоят не из отдельных людей, а из групп, включение в которые определяет деятельность личности. Главное свойство этих групп считать себя частью целого.

На основании этих принципов наш автор приходит к следующим выводам, предопределяющим общую структуру его социальной системы.

I) Сословное расчленение вместо централистического единства.

II) Вместо непосредственных, посредственные отношения личности и центра—через сословные организации.

III) Органическая конструкция частей.

Перейдем, наконец, к изложению социальной системы Ш.

---

[1]) O. Spann „Der wahre Staat“ стр. 90.

Как выше указано, личность должна быть обязательно включена в какую нибудь группу. Для того, чтобы общество могло правильно развиваться, должен быть закон, согласно которому эти отдельные группы располагаются и об'единяются в определенном ранговом порядке, который устанавливается в известном ценностном отношении. Каждое общество представляет собою пирамиду, основание которой составляют ее наименее ценные части, которые имеются в наибольшем числе, а верхушку самые ценные величины, которых очень мало. Это об'единение по ценности чуждых друг другу группировок общество должно проводить принудительно, если не желает подвергнуться окончательному разложению.

Духовные, культурные ценности общества в различные эпохи различны, но в каждую эпоху являются господствующими те или другие ценности, которые определяют весь строй общества и силою подавляют противодействующие им течения. Так в Средние века господствовала христианская точка зрения (?) Общество располагалось по следующим сословиям: духовенство, военнорыцарское сословие, купцы, ремесленники, подмастерья, крестьяне. Каждое сословие занимало свое, назначенное ему общим миросозерцанием эпохи, место. В либеральном и демократическом обществе стремились к равенству и устраняли по возможности ценностную точку зрения. Но это невозможно. Общество вынуждено лишить прав целый ряд лиц: преступников, душевнобольных, политически опасных и т. д. С другой стороны, выделяются и занимают особое положение политические вожди, предприниматели, военные, ученые и т. д. Пролетариат же, как внесословный и безпочвенный слой населения, пользуется меньшими правами.

При каждом общественном строе господствуют одне идеи и подавляются другие, так в Средние века подавлялись еретические, рационалистические направления, в либеральнодемократическом обществе подавляются консервативные, христианские, марксистские и другие, враждебные мировоззрению эпохи, течения. В каждую эпоху подавляются преступные элементы. Во время разложения существующего строя подавленные им элементы всплывают на поверхность жизни и пытаются, с точки зрения своего миросозерцания, перестроить общество, что приводит к смуте и анархии, которая должна быть, по убеждению нашего автора, силою подавлена.

Невольно является вопрос, ведь отдельные группы чужды одна другой, как же они могут об'единиться в органическое целое? Для этого необходимым условием должно быть их самосознание, как части целого. Поскольку они являются духовными сущностями, им не должно быть чуждо ничто духовное. Духовное всегда сознает свое родство с духовным. Все противоположности занимают свое место в духовной жизни человечества, все отрицательные величины нужны, как фон для положительного, но все должны занимать отведенное им место. Государство должно быть сословным, если не желает представлять собою хаос. Сословия не должны быть резко обособлены одно от другого, это было бы в ущерб целому.

Сословия возглавляются и об'единяются государством. Каждое сословие выполняет предназначенные ему политические обязанности, так в Средние Века княжеское, рыцарское, городское сословия занимали каждое соответствующее место и выполняли определенные политические функции.

Какая форма правления является наилучшей? Та, которая приводит к власти самых лучших людей, при которой каждый выполняет те работы, с которыми он наиболее знаком и которые он может делать

наилучшим образом, так сапожник должен заниматься сапожным ремеслом, воин военным делом, король и его советники вопросами политического целого. Всюду имеются преступники и дураки, не желающие осуществлять цели общества, противодействующие им, выставляющие идеалы утопические, детские. Организационная проблема власти состоит в подчинении этих элементов целому. Властвовать значит господствовать, но господство должно быть основано на признании определенных духовных ценностей. Власть без духовной основы злоупотребление силою, установление для страны состояния рабства.

В сношениях высшей власти со страною должен соблюдаться ерархический порядок, соподчиненность. Ш. приводит в пример военный строй. Генерал никогда не обращается в служебном порядке с приказами к солдатам, а передает свои распоряжения полковникам, те офицерам, последние фельдфебелям и т. д. В каждой хорошо поставленной организации, вещает Ш., иначе быть не может. Авторитет власти в отдельных группах должен быть тем больше, чем дальше данная группа отстоит от источника власти. Разбираться в действиях власти, критиковать их могут только те группы, которые близки к ней. Это относится ко всякой форме духовного господства. Великий ученый может быть вполне понят только работниками той же специальности, их оценка подхватывается популяризаторами, последними передается широким кругам образованных людей, а лица, далеко стоящие от научных кругов, могут только глубоко уважать ученого и следовать его указаниям в определенной отрасли человеческой деятельности. То же самое и поэт. Гете был разобран, оценен бр. Шлегель, их мнения популяризировались и доходили до самых широких кругов, которые подготовлены были видеть в нем великого поэта. Лучшая форма власти та, господство которой передается посредством целого ряда ерархических организаций.

Каждое сословие занимает свое место в обществе и служит его высшим целям. В общей рамке государства имеют быть подразделения горизонтальные и вертикальные.

Самое низшее сословие работники физического труда (фабричные рабочие, крестьяне, ремесленники). Работа соответствует умственному уровню этих лиц. К следующему сословию относятся рабочие высшей категории; выполняющие работы, требующие высшего искусства, а не чисто механические. К этой группе принадлежат также работники изобразительных искусств, как рисовальщики, составители проектов, воспроизводящие чужое творчество архитекторы, инженеры, техники, чиновники, учителя низших, средних и даже высших школ, поскольку они передают усвоенное и не работают самостоятельно. По своим духовным интересам они значительно отличаются от работников первой категории, у них стремление к высшему, желание знакомиться с умственным творчеством изобретателей, писателей, политиков, художников и т. д.

К третьей категории относятся вожди промышленности, представители творческого труда в области хозяйственноорганизационной. Кроме предпринимателей принадлежат к этой группе высшие, ответственные служащие, директора банков, акционерных обществ и их об‘единений—люди даровитые, талантливые, хотя может быть и не высокого умственного развития.

К четвертой категории принадлежат руководители политической жизни страны, высшие военные и высшее духовенство. Они управляют всем государством. Вся духовнонравственная жизнь является материалом их деятельности. Управлять духовнонравственною жизнью страны

значит, говорит Ш., оформлять, усиливать одни течения и ослаблять другие. К ним относятся творцы в области политики, крупные государственные деятели, влиятельные журналисты.

Самую высшую, пятую категорию составляют мудрецы, философы, ученые, художники, указывающие новые пути. Они большею частью не принимают непосредственного участия в жизни страны. Они часто оказываются непонятыми своими современниками. Они не составляют особого сословия. Им требуются последователи, ученики, распространители их идей, придающие последними приемлемую для общества форму (Ш. приводит в пример Аристотеля и Александра Македонского, Жан Жака Руссо и Робеспьера), Наш автор отмечает свое несогласие с Платоном, который в своем идеальном государстве, заставляет ученых по очереди „жертвовать“ собою, отказываться от высшей умственной деятельности и руководить политической жизнью страны. Ш. заявляет, что политическая деятельность требует подготовки, специализации. Высшие представители человечества, по его мнению, не подходят совершенно к практической работе.

Указанные сословия могут быть об‘единены в три группы. Первые три сословия—рабочие физического труда, рабочие высшей категории и вожди промышленности—относятся к хозяйственной группе, или группе, доставляющей обществу средства пропитания и устанавливающей условия материальной жизни. Эта группа может быть разделена вертикально на работников в области сельского хозяйства, промышленности, торговли и банкового дела.[1])

Ко второй группе принадлежит четвертое сословие—вожди в области политики, военного дела и духовенство. Наконец, третью группу составляют, стоящие фактически вне сословной организации, творцы в области науки, искусства и религии.

Ш., конечно, крайне неудовлетворен современным состоянием культурных капиталистических стран: сословий нет, а имеются классы. По его мнению, главное отличие сословия от класса выражается в том, что сословие есть часть общего, духовного коллектива. Классы—сумма самостоятельных единиц. Основу классового общества составляет индивидуалистическое, материалистическое мировоззрение эпохи, заявляет наш автор. Крупный промышленник настоящего времени, не смотря на свои творческие способности, не может занять то место, которое безспорно принадлежало купцам периода сословных учреждений; хозяйственник того времени был представителем города, отстаивавшим его права. Средневековой рыцарь был не только хозяином своих владений, но и судьей, администратором, воином. Если бы наши промышленники, восклицает Ш., могли бы стать вождями, если бы они часть своих богатств отдавали на развитие наук, искусств, социальной помощи, тогда можно было бы примириться с капитализмом. Если бы массы знали, что созданные с их помощью богатства превращаются в высшие ценности для всего общества, то это сознание было бы железным панцырем и никакая стрела ненависти и зависти не могла бы его поразить. Но это иллюзия. От сословия, всецело направившего свое внимание на хозяйственное, внешнее, не приходится требовать способствования умственному и нравственному развитию, так ему далеким. И государственные люди, политики, журналисты так заражены, говорит Ш., внешним, материальным, рационалисти-

---

[1]) Надо заметить, что по экономической теории Ш., учителя, чиновники относятся хозяйственникам. См. мою статью „Экономические воззрения Отмара Шпанна“ в Труд. Белор. Госуд. Унив. кн. 20.

ческим, что если и говорят о духовном, то это только звонкие фразы, кимвал бряцающий.

V.

Каждое сословие, в системе Ш., обладает внутренним самоуправлением на ерархических началах. Эта система отрицает индивидуалистический принцип—свободу и равенство. Вместо него она выставляет девиз „равенство в среде равных". Во внутренних делах каждого сословия соблюдение принципов демократии. Сапожники, например, обсуждают дела, касающиеся сапожного мастерства, но, как члены целого, они ему подчинены. Само собою разумеется, их решения могут быть отменены высшими государственными органами, ибо их неподчинение целому привело бы, как и при современном строе, к анархии. Сословный строй предполагает сильную государственную власть.

Не все сословия равноценны. В зависимости от места, занимаемого сословием в государстве, оно имеет соответствующие права и обязанности. О равенстве прав, как и обязанностей, не может быть и речи.

Проникновение каждой личности интересами своего сословия смягчает конкуренцию, характерную для капиталистического строя. Сословный строй означает децентрализованное, а не централистическое государство. Члены сословия выполняют каждый, кроме своих непосредственных, также и общественные обязанности. В Средние века ремесленный мастер был одновременно должностным лицом своего сословия, даже выполнял определенные городские службы, как депутат городской думы. Феодал был и воином, и судьею. И в настоящее время члены профессиональных союзов и рабочие, и вместе с тем члены правлений союзов и больничных касс и руководители всего рабочего движения. Благодаря общественной службе членов сословий, чиновничество уменьшается в числе, теряет свой одиозный характер. Многие общественные обязанности носят почетный характер, не оплачиваются, что совершенно невозможно при централизации управления.

Не должно быть, заявляет Ш., вырождения сословий в касты. Должна быть свобода перехода из низшего сословия в высшее и, в случае нужды, из высшего в низшее. Каждое сословие должно сознавать и чувствовать свою связь с другими сословиями в государстве. Все сословия, и в том числе чисто хозяйственные, должны быть проникнуты общим мировоззрением эпохи. Идеалом в этом отношении, полагает Ш., могут служить Средние Века. Конечно, не всякое сословие может постигнуть суть философии эпохи, но отблеск идеи эпохи должен отразиться на всех сословиях. Классовая борьба, как основное явление эпохи, исключается. Борьба есть уже выражение расстройства, вырождения. Каждое сословие выполняет разнообразные обязанности, касающиеся целого. Каждый гражданин, к какому бы сословию он ни принадлежал, должен отправлять и воинскую повинность, и заниматься политической работой местного и даже общегосударственного характера, как, например, политика горожан по отношению к дворянству в Средние века (но ведь это уже отрицаемая классовая борьба! И. Г.). Каждое сословие в случае нужды, затруднительного положения, должно выполнять обязанности других сословий, как кишка выполняет функции желудка, при удалении его из за болезни рака, как во время войны, при отсутствии нужных продуктов, другие служат их суррогатом.

Особенно важным является вопрос о собственности в идеальном, по мнению Ш., строе. Коммунизм он считает осуществимым только в

небольшой группе, в тесном кружке единомышленников, например, в древней христианской общине. В сословии, к которому принадлежит много людей, с различными взглядами, коммунистический уклад невозможен. Необходимо, полагает Ш., допустить частную собственность и частное распоряжение имуществом, но последнее должно быть под надзором сословия и высшим контролем государства и ограничено их постановлениями и распоряжениями в интересах сословия и государства.

Распоряжения могут быть: а) отрицательного характера, т. е. состоять в запрещении выявления права собственности в нежелательном направлении: отказ в патентах на вредные изобретения, обложение тяжелыми налогами предметов нехудожественной роскоши. Использование административного аппарата для затруднения одних и облегчения других производств (пошлины, железнодорожные тарифы, почтовые правила и т. д.)

в) положительного характера: принудительные правила ведения сельского хозяйства, принудительное использование безработных в критические периоды для промышленности, обязывание известных отраслей промышленности производить определенные продукты.

Собственность формально остается частной, фактически принимает характер средневекового лена, пользование ею, регулируется в интересах целого. Устанавливается новое ленное право, как машины кооператива для взаимного пользования, взаимный кредит, страхование, обязательные взносы предпринимателей в кассы страхования рабочих, коллективные договоры. Все эти акты предполагают у государства и сословия верховное право собственности. Собственности придается характер лена, т. е. управление собственностью индивидуальное, но регулируемое в интересах всего общества. Ш. указывает, что таково мнение и юристов нового времени, разсматривающих в этом смысле фабричное законодательство и коллективные договоры, возлагающие определенные обязанности на предприятия; он цитирует Боссе, согласно которому, благодаря коллективным договорам, устанавливается новое право собственности на фабрике: высшее фабриканта, низшее рабочих. Исчезает граница между публичным и частным правом. Ш. напоминает, что с правом лена мы встречаемся не только в Средние Века, но и у различных народов в различные периоды истории. Только, замечает Ш., в период господства индивидуалистических течений оно теряется. Кстати наш автор также утверждает, что и периоды капитализма повторялись не раз—в Афинах в IV ст. до Р. Х., в римском государстве в последние столетия его существования; даже большевистские революции, по его мнению, не раз уже имели место в истории.

Кроме частной собственности, находит Ш., значительное место должно быть отведено и общественной собственности, как собственности отдельных сословий, так и собственности государства. Хозяйство может развиваться, пишет Ш., при взаимодействии государственной, сословной и частной собственности. Общий принцип: возможно больший контроль и регулирование производства предметов необходимых и важных для страны и возможно большая свобода в производстве предметов менее необходимых, удовлетворяющих потребности второстепенного свойства.

Ш. считает нужным особо выяснить значение коллективных договоров. Коллективный договор между работодателями и союзами рабочих состоит в том, что обе стороны заключают договоры на определенное время о размере заработной платы, числе рабочих часов, по-

рядке смены работ, рабочем представительстве и по целому ряду других вопросов, касающихся отношений рабочих и работодателей. Такие договоры в своем развитии, полагает Ш., должны привести к союзу рабочих и работодателей, к образованию промышленных цехов, напоминающих средневековые цехи ремесленников. Эти цехи, говорит Ш., уже не преследуют узких классовых интересов отдельных союзов, но заботятся об интересах всей отрасли промышленности; совокупность таких союзов представляет интересы всего народного хозяйства. Цехи должны стремиться, как в настоящее время профессиональные союзы, включить в свои ряды всех рабочих и работодателей. Против упорствующих принимаются, как известно, определенные репрессивные меры: забастовка, бойкот и т. д. Со временем приписка к союзам должна стать обязательной. Союзы рабочих и работодателей должны, как уже это отчасти делается и в настоящее время, устанавливать цены на продукты, так как они зависят от одной из крупнейших статей издержек производства—заработной платы. Цехи будут, следовательно выполнять функции профессиональных союзов рабочих, союзов работодателей и картелей. Но в то время, заявляет Ш., как все эти организации исходят из узко-классовых эгоистических интересов, цехи представляют собою части целого, занимающие определенное место в коллективе народного хозяйства и связанные с ним общими интересами. В цехах будут развиваться на основах автономии союзы работодателей и рабочих. Общий надзор и право отмены постановлений цехов и классовых союзов принадлежит высшей власти.

В виду усложнения хозяйственной жизни, пишет наш автор, современные цехи не могут включить всех рабочих данного союза, как средневековые. В крупной промышленности, как и в ручных промыслах, напр. в строительном деле, работают представители разных союзов, что должно, полагает Ш., привести к секциям союзов в цехах, а союзы будут заключать договоры с несколькими цехами. Цехи будут сложнее, чем в Средние Века, но это приведет к более тесной связи между отдельными цехами[1]).

Эти нового типа цехи должны, полагает Ш., обрости со временем целым рядом организаций, с которыми мы встречаемся и в настоящее время, хотя в недостаточно развитом состоянии.

Работодатели образуют союзы совместной закупки сырья, вырабатывают совместно планы закладки новых предприятий, или расширения старых, устанавливают стандартные типы производимых продуктов, выясняют общие вопросы нормализации и рационализации производства. Организовывают свои кредитные учреждения и этим освобождаются от зависимости по отношению к банкам и бирже. Они основывают собственные организации для продажи продуктов после того, как будут установлены образцы производимых ими продуктов. Будут учреждаться предприятия для производства сырья и полуфабрикатов, необходимых для данной отрасли промышленности, а также производства для использования отбросов и побочных продуктов, что мы наблюдаем уже в настоящее время в комбинированных об‘единениях. Уменьшится значение торговли, биржи, банков, рекламы и увеличатся доходы промышленности. Эти общие организации дадут возможность обзора рынка, установления связи производства с потреблением, значительно большего смягчения кризисов, чем это возможно в настоящее время.

[1]) Наш автор очевидно не знает формы производственных союзов, в которые входят рабочие разных специальностей. Знакомство с этими союзами облегчило бы ему разрешение интересующего его вопроса.

Рабочие вместе с предпринимателями могут организовывать следующие учреждения: биржи труда, совместное регулирование ученичества и вообще молодняка, совместное управление специальными школами и курсами, кассы взаимопомощи, а также имеющиеся в настоящее время кассы на случай болезни, несчастий, смерти, дожития и т. д., кооперативы, общества закупки товаров. Также по мнению нашего автора должны быть организованы общие учреждения благоустройства, общие празднества, общие увеселения. Это, уверен Ш., смягчит классовую борьбу, приведет к развитию общего цехового самосознания, цехового чувства чести. В среде рабочего класса создадутся новые градации, рабочий получит возможность авансирования. Рабочий при таких условиях, заявляет Ш., будет чувствовать себя частью производственного целого, его благо будет тесно связано с благом промышленности.

Уже выше было указано, что промышленные цехи будут также выполнять и обязанности общегосударственного характера. Из них отметим следующие:

a) Судейские обязанности. Все вопросы, касающиеся промышленности будут разбираться внутри цеха, будут организованы третейские камеры. Общие суды освобождаются от этих дел. Будет много судов специального характера. Разбор дела будет совершаться, согласно требованиям жизни, а не по мертвой букве римского права. Равенство перед судом сохранится, но не как в индивидуалистическом обществе. Судиться каждый будет в своей среде равными ему людьми.

в) Все вопросы, касающиеся управления промышленностью, хозяйственного законодательства, налогового права, будут разбираться в отдельных цехах, обсуждаться советами промышленности и утверждаться высшими органами власти. Много обязанностей, повторяет наш автор уже ранее высказанную мысль, будут отнесены к числу почетных, или будут выполняться в порядке натуральной цеховой повинности. Бюрократия значительно уменьшится.

c) Вопросы, касающиеся мер, весов, монеты и пошлин будут также разрабатываться советами промышленности.

d) Наконец участие в военной организации страны. Ш. считает утопическими, бабьими, мечты пасифистов о роспуске армий, уничтожении оружия и т. д. Войско, заявляет он, будет необходимо и оно должно быть в руках центральной власти. Но будет милиция отдельных сословий, как дополнение к армии. Будут сословные общества стрелков, юношеские союзы, особые отряды и т. д.

Ш. считает важным выяснить вопрос, доступен ли будет рабочему, при желательном нашему автору строе, переход в разряд предпринимателей.

Руководителями промышленности должны быть лица, одаренные организаторскими хозяйственными талантами, а не владеющие унаследованной или случайно полученною собственностью. Ш. сознает, что этот пункт в его системе, основанной на частной собственности, более всего уязвим, но он уверен, что зло можно значительно смягчить мерами социальнополитического характера, как ограничение права наследования, и направлением, при содействии рабочего сословия, в общих интересах пользования собственностью. Имеется, полагает Ш., известное число мест в народном хозяйстве, которые могут быть предоставлены лицам с предпринимательскими способностями. Ш. уверен, что число таких мест будет увеличиваться. Он не считает правильной теорию роста концентрации капиталов и предприятий. Он на-

ходит, что противодействующие этой тенденции течения в промышленности все более усиливаются. Он указывает, что в настоящее время каждое государство стремится развивать свою промышленность, что государства развиваются в направлении к автаркии, т. е. к удовлетворению своими силами всех своих потребностей, это приводит к уменьшению расширения рынков, необходимых для развития крупной промышленности и увеличивает, по его мнению, значение промышленности средних размеров.[1]) К этому, пишет Ш., присоединяется стремление в последнее время к более тонкой обработке продукта, к работе художественного характера. Эти стремления приводят также, по мнению Ш., к значительному увеличению числа средних и мелких предприятий. Одаренные рабочие, уверен наш автор, могут стать предпринимателями. Правильная постановка кредитного дела, полагает он, значительно облегчает эти достижения. В коммунистическом хозяйстве при его централизации, места руководителей будут, по мнению Ш., в весьма ограниченном количестве и рабочим придется выполнять обязанности преимущественно чисто технического характера. Рабочий в сословном государстве может, следовательно, авансировать не менее, чем в коммунистическом.[2]) Сверх того, ему открывается возможность, как уже указано, благодаря соответствующей организации кредита, перейти в класс предпринимателей, если у него имеются к этому способности и стремление. Поэтому, заключает Ш., противоречия классового характера будут легко преодолены, способному человеку будет дана возможность занять соответствующее место руководителя дела.

VI.

В сельском хозяйстве контроль и меры, направленные к об‘единению производства, имеют еще более важное значение, чем в промышленности. В этой области производства, пишет Ш., свобода хозяйствования особенно вредна. Менее важно, что будет делать промышленник со своею машиною, с кожею, сукном, и т. д., чем сельский хозяин с теми средствами производства, которые дают нам хлеб, другие пищевые продукты и сырые материалы. Здесь особенно важны об‘единение, кооперирование и надзор. В крупных и средних поместьях не может иметь место, заявляет Ш., свободное хозяйствование, но должен быть выработан минимум пред‘являемых требований. Смешанные комиссии имеют время от времени проверять ведение хозяйства в таких имениях. Чрезмерный процент крупного землевладения должен быть уменьшен путем внутренней колонизации. Крестьянские хозяйства должны быть принудительно кооперированы. Кооперация должна доставлять им средства удобрения, орудия и машины, пользование электрической силой, а главное, кредит и возможность непосредственного сбыта. Эти средства устранят возможность низкого уровня хозяйствования крестьян, они освободят крестьянина от его изолированности и включат его производство в общее хозяйство страны. Образуется целый ряд кооперативных предприятий: маслодельни, мельницы, электрические станции, предоставляющие силу отдельным хозяйствам, машины, сберегательные кассы, крестьянские банки, пе-

---

1) На этих взглядах Ш. я остановился в моей ст. „О. Шпанн, как экономист“ в Трудах Белор. Госуд. Унив. кн. 20.

2) Наш автор забыл, что коммунистический строй не раз уже об‘явлен им неосуществимым, по крайней мере для обществ с большим числом лиц (см.„ Der wahre Staat“ стр. 261 и „Fundament der Volkswirtschaftslehre“ стр. 156) и, следовательно не подлежащим сравнению с сословным государством. Повидимому Ш. не совсем уверен в своих опровержениях.

карни, сушильни, сахарные заводы, общественные луга, общественные запашки и т. д. Конечно, во всех этих учреждениях крестьяне участвуют совместно с крупными землевладельцами.

Наряду с расширением кооперации, Ш. желает сохранить рентные имения, неотчуждаемые поместья. Превращение земли в товар, по его мнению, недопустимо.

Парцелярные земледельцы, как и батраки, образуют в крестьянском сословии свои союзы, как и рабочие в промышленном. Благодаря большей доступности кредита и средств производства, предоставляемых кооперативами, переход из низших в экономическом отношении разрядов в высшие значительно облегчается. Такая организованность сельского хозяйства предоставляет возможность непосредственных сношений групп сельских производителей с городскими потребителями и устраняет в значительной степени дорого стоющий торговый аппарат. Потребительские общества цехов и их союзы сносятся непосредственно с сельской кооперацией; союзы работодателей по закупке сырья получают у сельскохозяйственных союзов нужное сырье и полуфабрикаты, напр. союз мебельщиков получает от союза лесопилен определенные массовые продукты. Торговля не устраняется окончательно, но область ее действия сильно ограничивается. Массовые продукты передаются непосредственно одними союзами другим, а перемещение продуктов более тонкой обработки, часто художественного характера, дорогих, у которых издержки на торговлю не составляют значительного процента, остается в ведении купцов.

Ш. полагает, что, наряду с об'единениями в пределах цехов, должны быть и об'единения междуцехового характера, как об'единения рабочих отдельных специальностей в советы рабочих депутатов, местные и в общегосударственном масштабе; союзы крестьянских депутатов, в которых будут об'единены крестьяне и батраки; союзы инженеров, врачей, промышленников и т. д. Представители всех этих союзов составят хозяйственную камеру страны, которая будет обсуждать все хозяйственные вопросы страны. Она не будет, заявляет Ш., парламентской говорильней, там не будут обращаться к массе через головы депутатов, а обсуждение будет деловое, будет стремление к взаимному выяснению положения и согласованию мнений. Баллотировка будет иметь второстепенное значение. Эта хозяйственная камера, утверждает Ш., выработает общую хозяйственную конституцию, которая будет работою отдельных цехов заполнена жизнью и содержанием.

Отношения сословной хозяйственной камеры к центральной власти определяются, по мнению Ш., следующими тремя основными предпосылками:

Первая состоит в том, что сословия разрешают вопросы хозяйственного, административного и финансового характера. Высшей власти остается заняться вопросами идеального содержания, говорит Ш. Ей предстоит разрешать крупнейшие задачи в политической и культурной области, как религия, воспитание, право (кроме хозяйственного), военное дело (идеальное! И. Г.). „Идея, пишет наш автор, освобождается от кандалов материального и может, неотравленная хозяйственными влияниями, выработать свой образ и добиться своего права на существование“[1])

Вторая предпосылка состоит в том, что центральная власть не образуется из представителей всех сословий. Ш. заявляет: „не снизу вверх, а сверху вниз“, „лучшие должны управлять“[2]). Наш автор

---

[1]) O. Spann „Der wahre Staat“ стр. 287.
[2]) „ do „ 288.

уклоняется от точного указания, кто же образует центральную власть. Он ограничивается замечанием, что в первое переходное время могут остаться у власти настоящие правители.

Третья предпосылка—отсутствие политических партий в сословном государстве в нашем смысле, так как, говорит Ш., борьба интересов разрешается в узкосословном кругу, а споры идейного и культурного характера не вызывают группировок, сходных с политическими настоящего времени.

Некоторые группы могут быть освобождены от вступления в цехи, если того пожелают. К ним Ш. относит мелких ремесленников, предпринимателей одиночек и работающих исключительно силами своей семьи, художников и других представителей искусства.

Торговля, банки, биржи также могут, по мнению Ш., быть освобождены от сословных обязательств (кроме соблюдения правил коллективных договоров, участия в кассах помощи нуждающимся и т. д.), так как их деятельность в значительной степени заменена работою сословных учреждений. Им остается создавать новые комбинации, проторивать новые пути для хозяйственной деятельности.

Главное достоинство сословного строя, по мнению Ш., состоит в возможности об'единения для общего блага различных форм собственности и различных систем организации предприятий. Капиталистический элемент представлен торговлей и банками; сословноцеховой—об'единением различных отраслей промышленности, в первую очередь удовлетворяющих важнейшие жизненные потребности; кооперативный—кооперацией внутри цехов и междуцеховым об'единением кооперативных учреждений, наконец коллективизм представлен государственными, общинными и сословными предприятиями.

Ш. обращает внимание на крайнюю важность недопущения закостенения цехов, превращения их в привиллегированные учреждения. Государственная власть должна следить, чтобы все граждане, получившие соответствующую подготовку и выполнившие определенные условия, имели свободный доступ в цехи.

Ш., как и все реформаторы, придает огромное значение воспитанию и образованию. Способности и знания должны открывать каждому двери к высшим должностям в государстве. Это должно уберечь общество от появления привиллегированных организаций, доступ в которые возможен только для своих. Наш автор сознает всю трудность справедливого разрешения этого вопроса. Он отмечает, что благоприятные условия жизни облегчают детям высших классов получение знаний, у них больший процент успеваемости. Но большой опасности в этом он не видит. Традиция, по его мнению, нужна всюду. Она характерна, заявляет он, для периода универсализма, как „выскочки“ и „self made man“ для периода индивидуализма. Но, указывает он, лучшим из низших классов нельзя закрывать доступ даже к самым высшим должностям. Высшее образование должно быть доступно и, по возможности, бесплатно для всех способных. Не надо требовать определения этих способностей в слишком раннем возрасте. Такое требование, говорит наш автор, будет в ущерб детям селян, по сравнению с городскими, или детям бедных семейств, где нет столько побуждающих причин к восприятию и усвоению знаний, как у богатых и образованных людей.

По отношению к воспитанию Ш. придает огромное положительное значение семейной обстановке, атмосфере любви, окружающей ребенка. Он считает общественное воспитание бездушным, выхолащи-

вающим самые лучшие чувства у ребенка, даже при хорошей постановке дела.

VII.

Мы закончили наше краткое изложение социальной системы Ш. Как можно было убедиться из вышеизложенного, система Ш. представляет собою вывод из его философско-социологической теории. Ш., как идеалист, в философском смысле этого слова, уверен, что то или иное мировоззрение, преобладающее в данную эпоху, является первоначальной причиной, предопределяющей содержание и развитие всех сторон общественной жизни. В истории народов наш автор отмечает два основных направления в понимании отношения общества к личности—универсализм и индивидуализм. Эти направления сменяют одно другое в течение всего развития человеческого общества. Они дают нам ключ к пониманию всех явлений каждой эпохи. Но что является причиною победы в известный период истории той, а не другой идеи? Откуда взялись эти идеи, чем они вызваны к бытию? На эти вопросы Ш. не дает нам никакого ответа. Для него индивидуалистическое и универсалистическое мировоззрение нечто первоначальное, не нуждающееся в об'яснении. Из некоторых мест его труда— „Подлинное государство" можно заключить, что основным направлением, более „естественным" является универсализм, представленный в сословно-цеховом строе. Индивидуализм же сменяет его временно, когда сословный строй слишком закостеневает, становится кастовым, не дает выхода новым силам. Так он, например, заявляет, что история в действительности знает только государства сословно-организованные и замена сословного строя демократическим никогда не удавалась полностью, так как она противоестественна. Демократические, как и капиталистические волны, пишет он, проносятся много раз в истории человечества над усталыми и окостеневшими сословными обществами.[1])

Эта социологическая теория неприемлема не только для марксистов, но и историки и социологи других направлений выступают против слишком примитивной для настоящего времени теории Ш. Так проф Т. Майер, идеалист, видящий задачу хозяйства в служении нравственным целям, в своей статье о теории Ш. указывает, что никакой хозяйственный и политический строй не может быть признан единственно правильным и естественным. Для историка, говорит он, все формы хозяйственной и общественной жизни, с которыми ему приходится знакомиться в своих исследованиях, одинаково естественны. Нет единого идеального строя общества, как и нет нормального организма, который удовлетворял бы всем условиям жизненной среды. Атлет, например, у места там, где требуются значительные физические усилия. Но где нужна крупная умственная сила, там необходимы представители умственного труда, как ученые, писатели, часто люди слабые, болезненные. Тоже самое, говорит Майер, и с формами государственного строя. В периоды ведения войны создается крепкое, централизованное государство, обладающее сильною властью по отношению к населению, в мирные же эпохи это давление власти становится невыносимым и чувствуется, как препятствие для свободного развития умственной и нравственной культуры. Тем более в развитии народного хозяйства каждая система хозяйства кажется прогрессивной при известных условиях и должна уступить свое место более высоким формам, когда дальнейший прогресс хозяйственной жизни требует этого. Революции могут быть своевременными, если они вызываются неумением

[1]) O. Spann „Der wahre Staat" стр. 255.

наследственных сословий разрешать возникающие в ходе развития жизни задачи.[1]) Не удовлетворяет также Майера об'яснение Ш. появления раннего капитализма· закостенением сословноцехового строя Средних Веков. Ранний капитализм, пишет Майер, не обязан своим происхождением бунту, как выражается Ш., против сословноцехового строя. Его организационная деятельность ограничивается долгое время теми отраслями хозяйства, которые сильно развиваются, или только возникают. Капитализм первое время берет на себя разрешение задач, непосильных для цехов. Он развивается наряду с существующим цеховым строем. И только к началу XIX ст. технические изобретения приводят к падению цехового строя. Причина окончательного падения сословноцехового строя не в духе капитализма, а в развитии производительных сил. Спекулятивно-капиталистического духа было достаточно и в XV, и в XVI ст., но этого было недостаточно для свержения старого строя.[2]) Историк, пишет дальше Майер, отмечает всюду движение и развитие, он не может быть сторонником статического идеала той или другой формы общественной жизни, которая осуждается на смену дальнейшим развитием своих противоречий.[3])

Правильно также возражал Ш-ну М. Адлер на последнем с'езде немецких социологов в Вене в 1927 г. Он указывал, что в своей борьбе против индивидуалистического направления Ш. мог бы опереться на Маркса, который всегда во всех своих произведениях рассматривал человека, исключительно, как члена общества, который вел наиболее упорную и наиболее победоносную борьбу против атомизма, против всяких робинзонад, против крупнейших представителей индивидуалистического течения, стараясь вместе с тем выяснить корни этого направления в условиях окружающей среды. Но у Ш., благодаря его политической предубежденности и неправильной философской точке зрения, не могло установиться об'ективного отношения к марксистской теории.[4]) Ш., как выше указано, причисляет Маркса к сторонникам теории среды, к механистам, с которыми Маркс также всегда боролся. Неправильная ориентировка в социальных течениях, отрицание исторического прогресса (припомним, как резко отзывается Ш. о возможности совершенствования человека и человеческого общества), необоснованное философское мировоззрение, приводят к тому, что философско-историческая теория Ш., на которой зиждется вся его социальная система, оказывается висящей в воздухе.

Перейдем к этой системе. Ш., как отмечено, является сторонником сословноцехового строя. Но он и не пытается привести какие либо доказательства и об'яснения, почему и как культурное человечество придет, или, правильнее, вернется к этой хозяйственной и политической системе, какие тенденции в современной цивилизации обещают направить историческое развитие к указанной им цели. Он в своих исследованиях, неизвестно каким путем, пришел к выводу, что сословноцеховой строй исторически единственно нормальный и считает вопрос решенным. Но читателя, особенно историка и экономиста, как мы убедились, такое утверждение не может удовлетворить и он считает себя вынужденным разсматривать систему, как чисто утопическую, не оправдывающуюся какой либо связью с действительностью.

Остановимся вкратце на содержании означенной системы, поста-

---

[1]) Dr. Th. Mayer „Wirtschaftsgeschichte u. Wirtschaftstheorie“ Bemerkungen zur Lehre Othmar Spann's“ Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft 82 B. I Heft 1927 стр. 53.

[2]) do " 61-62.

[3]) do " 64

[4]) Max Adler „Zur Kritik der Soziologie Othmar Spann's“ Der Kampf Heft 6 Iuni 1927

раемся выяснить, что она собою представляет, какие новые перспективы она перед нами открывает. Наш реформатор считает нужным убедить нас в невозможности реализации идеалов, к которым давно уже стремится лучшая часть человечества. Он об'являет утопичным стремление к устранению неравенства состояний, к установлению условий, предоставляющих личности возможность свободного развития и самоопределения. Ш. в своем труде „Подлинное государство"[1]) посвящает много места доказательству несостоятельности марксистской теории, как указывающей путь к социализму. Мы этих доводов не излагаем: они не оригинальны, не новы и весьма неубедительны. Приходит же наш автор к заключению, далеко не ободряющему. По его мнению, необходимо признать, что человечество должно примириться с существованием бедности, она всегда была и будет.[2]) Но этого мало. Не только, по уверению Ш., неравенство состояний, неравенство экономическое неизбежно, надо также отказаться навсегда и от достигнутого уже в демократических странах равенства политического (конечно, убеждает нас наш автор, для блага страны, для собственного блага трудящихся). Неравенство, по заявлению Ш., одна из основ нормального, с его точки зрения, строя. Каждая личность, хотя и имеет ценность, но должна знать свое место в общей ерархии—всяк сверчок знай свой шесток. Но, занимая свое скромное место, каждый трудящийся должен быть проникнут идеей своего века, той идеей, которая признается соответствующей немногими, призванными управлять страною. Собственные же взгляды, тем более групповые, классовые, противоречащие официальной точке зрения, считаются недопустимыми. С несогласно мыслящими расправа коротка: они подавляются силою. И это тоже общий закон общественной жизни, как уверяет наш автор. Он указывает, что так было в Средние века, тоже самое при капиталистическом строе, так должно быть и впредь, так как властвовать значит господствовать, а господство основывается на признании управляемыми существующей системы. Нашему автору ясно, что порабощение масс, экономическое и политическое, на долгое время, при настоящих условиях, невозможно. Он поэтому считает необходимым и духовное порабощение, т. е., по его выражению, проникновение идеей века. Но это проникновение идеей века должно быть основано на авторитете. Выше уже было указано, что по мнению Ш., авторитет власти должен быть тем больше, чем дальше данная группа отстоит от источника власти.

Ш. обещает каждой группе населения широкое самоуправление в пределах обязанностей, непосредственно выполняемых данной группой. Целый ряд вопросов чисто профессиональных, экономических разрешается самыми заинтересованными. Но это только кажущаяся самостоятельность, во первых потому, что эти решения, все без исключения, могут быть отменены высшей властью, во вторых профессиональные организации, как мы указали, согласно проекту Ш., составляются не добровольно, а принудительно и в них входят рабочие вместе с работодателями на равных правах. Ш. старается нас уверить, что решения будут соответствовать интересам, как тех, так и других, так как проникновение общей идеей, формулировка которой дана высшими классами, заставит исчезнуть классовые противоположности. Трудно поверить. И даже пример Средних Веков нас не убедит, и не только потому, что возврат к ним невозможен, но и потому, что и в

---

[1]) O. Spann „Der wahre Staat" стр. 131-195.
[2]) do „ 127.

этот период человеческой истории, изображаемый нашим автором и его единомышленниками в таких радужных красках, действительность совершенно не соответствовала представлениям о ней идеологов феодальноцехового строя. И там все время имела место, порою очень жестокая, классовая борьба между дворянством и городами (о чем, как мы видели, проговаривается и наш автор), между ремесленниками и их подмастерьями, между светскими и духовными властями. Восхваляемый идеологами средневековья рай оказывается далеко не так уже соблазнительным.

В проектируемом Ш. сословном государстве важно отметить, наряду с об'единением капиталистов и рабочих в цеховых организациях, раз'единение трудящихся различной квалификации, отнесение их к разным сословиям. Рабочие физического труда, по крайне легковесному и совершенно не соответствующему действительности мнению Ш., интересующиеся только легкой музыкой и кино,[1]) составляют низшее сословие, а рабочие высших категорий приписываются ко второму сословию, выше поставленному. И то, и другое, т. е. об'единение в цехах рабочих с капиталистами и раз'единение трудящихся разных квалификаций об'ективно имеет привести к одной цели: раз'единению рабочих и подчинению их господству высших классов.

Каждое сословие в предоставленной ему области самоуправления разбирает вопросы, касающиеся сферы его занятий, высшие же общегосударственные, политические проблемы разрешаются сословиями, специально изучению этих вопросов себя посвятившими, так как политическая деятельность требует особой подготовки и не доступна профанам. А между тем то или другое разрешение этих вопросов затрагивает наиболее жизненные интересы трудящихся. К примеру, остановимся на таком важном вопросе, как милитаризм. Взгляды нашего автора по этому вопросу менее всего могут внушить к нему доверие низших классов. Мы уже выше указали, что он считает войны неизбежными и в будущем. Надежда, хоть когда нибудь избавиться от них, по его убеждению, утопистична. Знакомясь с политическими перспективами нашего автора, мы убеждаемся в необходимости крайнего усиления милитаризма при осуществлении его планов. Ш. уверен в непрочности политической ситуации настоящего времени. Германия, уверен он, не может успокоиться, пока ей не удастся занять в Европе соответствующее ее культуре место. Это повелевает ей, пишет он, чувство долга и чести. Перекраивание же карты Европы не может, полагает он, ограничиться освобождением, по его мнению, многих миллионов немцев от ига поляков, чехов, итальянцев, французов. Ш. требует большего. Он вещает: „я чувствую наступление нового периода Оттонов и Штауфенов, обусловленное следующими двумя фактами. Германия единственная, величайшая, наиболее обещающая в будущем континентальная сила Европы (ибо судьба Франции стать второй Испанией). Из-за разложения Австрии на долю Германии выпадает выполнение ее задач. Балканизация Европы распространяется теперь до Праги и Варшавы. Никто, кроме Германии, не может на долгое время установить порядок и удержать от постоянных распрей и войн друг с другом чехов, поляков, украинцев, болгар и т. д. При этом Англия, вследствие естественной необходимости, должна будет стать политическим союзником Германии... Нам теперь ясно, почему Польша, Богемия, Венгрия, Югославия (даже Греция) в прошлом были ленами Германии. К этому прийдем опять“[2]). Не будем входить в об-

[1]) O. Spann „Der wahre Staat“ стр. 219.
[2]) O. Spann „Der wahre Staat“ стр. 104.

суждение этих шовинистических утопий. Представим себе только, сколько человеческой крови стоили бы попытки их осуществления. И такими „идеалами“ полагает Ш., могут вдохновиться трудящиеся классы! Надо уже совершенно заглушить в себе чутье действительности, чтобы отдаться таким мечтам.

Наш автор считает нужным выступить против основного принципа капиталистического строя—частной собственности. Он считает нужным подчеркнуть, что верховная власть над собственностью принадлежит государству. Частное право собственности, заявляет он, может и должно быть ограничено в интересах общины, так напр., латифундии не должны быть допущены, земли крупных землевладельцев должны быть частично отчуждены, государственные имущества и предприятия должны быть увеличены, контроль над частной собственностью должен быть усилен и т. д. Нам кажется, Ш. стучится в открытые двери. Время господства идеи святости частной собственности уже давно миновало. Приводимые им мнения солидных юристов несоциалистического лагеря, как нельзя лучше доказывают это. Не требуется также сословноцехового строя для организации, по предположению нашего автора, комбинированных предприятий и устранения посредников торговцев, для образования монополистических об‘единений, устанавливающих цены на продукты. Стремление к планированию хозяйства в настоящий монополистический период капитализма идет гораздо дальше предлагаемых Ш. проектов. Образуются об‘единения не только в национальном, но и в мировом масштабе. Мировое хозяйство, вопреки мнению Ш., все более развивается и получают все большее значение. Мечты об автаркии отдельных стран должны быть отнесены к числу реакционно-утопических. В настоящее время не подлежит сомнению, что осуществление планов независимых от других стран национальных хозяйств недостижимо и для таких гигантов государств, как Бриганская империя или Соединенные Штаты. Но вместе с тем, для экономиста несомненно, что полное планирование не только мирового, но и народного хозяйства, не совместимо с существованием частной собственности на средства производства.

Земельные реформы послевоенного периода также идут дальше проектов Ш.[1]), но все эти реформы уже не могут удовлетворить требования масс в настоящеее время.

Наш автор указывает, как на положительную сторону пропагандируемого им строя, на возможность для способных людей перехода в высшее сословие, возможность для выдающихся рабочих стать предпринимателями. Но ведь и в настоящее время много примеров восхождения из среды трудящихся классов на высшую ступень могущества, особенно в стране наиболее развитого капитализма, в Соединенных Штатах Америки, но широким слоям трудящихся от этого нисколько не легче.

Основные идеи теории нашего автора могут быть нами, на основании анализа его системы, формулированы в следующих немногих тезисах: люди не равны, выдающихся очень мало, большинство должно подчиняться высшим авторитетам и скромно выполнять свои обязанности. Человек массы не может самостоятельно разбираться в высших вопросах эпохи. Он должен доверять своим вождям. Огромное большинство людей всегда будет составлять массу руководимых. Неравенство состояний, бедность и богатство неизбежны в человеческом обществе.

[1]) См. мою статью „Аграрные реформы в Западной Европе в последнюю четверть XIX ст. и после войны“ в Труд. Белор. Госуд. Унив. № 11.

И этими идеями Ш. надеется воодушевить трудящихся и отвлечь их от стремления к социализму.!

Наш автор, так отмахивающийся от всякого утопизма, дал нам в своем лице наиболее яркий тип реакционера утописта XX столетия.

ОГЛАВЛЕНИЕ

B00000002465951